

ВЕНОК ПУШКИНУ

P2

115754-1

В29 Венок Пушкин

кину

2009

ЧОР,

ОБ

Р2
В 269

Министерство культуры Саратовской области
Саратовский областной центр народного творчества

Венок Пушкину

Методический сборник репертуара
для коллективов художественного слова

115464-1

ГУК Еланевская Районная
библиотека им. Бибиковка

РАДАЛЬНЫЙ
ЦГБ

Саратовский писатель
2009 г.

Венок Пушкину. Стихотворения, эссе, очерки, рассказы. Саратов: Саратовский писатель, 2009 г. – 200 стр.

Составление и вступительные статьи В. И. Азанова, И. В. Пыркова

Методический сборник репертуара для коллективов художественного слова «Венок Пушкину» издан по итогам областного поэтического конкурса-турнира самодеятельных поэтов и прозаиков «Мой Пушкин» посвящённого 210-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина, объявленного министерством культуры Саратовской области и Саратовским областным центром народного творчества с февраля 2008 года по июнь 2009 года.

В сборник вошли произведения лауреатов и дипломантов конкурса. Всего в нём приняло участие 295 авторов из сорока районов и городов области, которые представили 712 произведений.

НА УЛИЦЕ ПУШКИНА

В каждом городе есть такая. Не обязательно центральная, не обязательно широкая, не всегда шумная. Иные дома на ней и вовсе прижались к земле, притулились окнами к тополиным ветвям, а то и во все сгорбились под ношей забот и неурядиц. Если же больше на улице Пушкина высоток и если рядом скоростное шоссе, то деловые ритмы определяют и настоящее людей, и будущее. До поэзии ли?

«Вглядеться, прищуриться: где же отдушина?» — спрашивает у читателей и у себя самого Валерий Агапов, врач по профессии. И тонко замечает:

Вот названа улица именем Пушкина.

И нет уж её ни милей, ни полезнее —

Ведь улица Пушкина — тоже поэзия.

Сказано внешне просто, даже чуть суховато, но за этим наблюдением скрыта зрелая позиция зрелого человека, многое повидавшего и передумавшего. И умеющего — ценное качество для пишущего! — видеть, нет, безошибочно находить поэзию в примелькавшемся ландшафте каждодневных дорог и знакомых улиц.

Что ж, пушкинская улица русской литературы знакома почти всем нам с детства. С самого раннего. И не потому ли попытка творчески осмыслить собственную, личностную связь с наследием Александра Сергеевича возвращает многих из нас, да что там говорить, — всех нас в детскую нашу пору, когда рядышком обязательно есть кто-то, впервые читающий нам Пушкина.

Любовь Жиздюк из села Семёновка Фёдоровского района, говоря о Пушкине, говорит о детстве и о родных: «Я хорошо помню заветный сундучок, где хранилась праздничная одежда бабушки: из ситца и штапеля блузка да юбка, фартук и непременно большой красивый платок, который она в войну обменяла на пять яиц. Сверху, на платье, хранилась довольно ветхая книжица: «А.С. Пушкин. Сказки».

«Пушкин — это ещё и моя память, — вторит ей Валентина Суханова из Ртищево, воспоминая материнский голос, — нет-нет, да и послышится «Золотой петушок...»

А мне вспомнилось, как знакомый мой плотник всё мечтал вырезать такой конёчек на избе в виде петушки — того самого, из сказки! — чтобы по утрам «живым петухам завидно было». Это я к тому, что улица Пушкина всегда ведёт к чуду, но ведёт не сама собой, а требует от идущих ответного внутреннего волнения, ответного свершения, света в их душах. Читаю эссе живущей в Саратове Эльвиры Янмухаметовой «Яблоки Шурика» — и радуюсь: вот оно, свершение.

Текст звонкий, без длиннот и штампов, метафоричный, живой. Судите сами: «У мостика над прудом собирала огненные звёзды клёнов. Багряный вьюн увлёк меня под кустарник. Хрустнуло под ногой. Запахло яблоком. Чудо! Маленькие пёстрые яблоки в крапинках грязи... Я ела яблоки в пушкинском саду! Я ела яблоки с яблони поэта! Вы верите?»

Эльвира не просто побывала в Болдино, она смогла вынести из этого путешествия важный жизненный и творческий опыт, частицу пушкинского света. И ей захотелось поделиться этой бесценной частицей с миром.

И впрямь потрясающе: может быть, ещё живут и плодоносят те яблони, которые — помните, в «Капитанской дочке»? — старый генерал бережно укутывал соломой в день поздней осени перед осадой... Приближающаяся война с неизбежными жертвами и бережная забота о яблоне. Что-то есть в этом до боли пронзительное, щемящее.

Вопрос Ольги Орловой из Энгельса тоже неожиданно пронзителен:

*Смертельная рана. Смертельная.
И соль. И рыданья жены.
И смерть. И дорога метельная.
И крест у соборной стены.
Тому уж второе столетие,
А боль, словно в сердце игла.
Вам странно? А вы не заметили,
Что пуля с ним в землю легла?*

Сильные стихи. Мужественные. Есть в них даже, пожалуй, отголосок лермонтовской совести. Такие строки и такие интонации встречаются в современной поэзии редко. И хочется отметить глобальность, масштабность постановки вопроса, вообще масштабность поэтического голоса автора: «Та пуля, тупая, калёная, // Вонзилась укусом змеи // Сквозь снежное платье холодное, — // Вы слышите? В тело земли!»

Саратовец Дмитрий Голод в стихотворении «Дуэли смысл от нас сейчас далёк» тоже пытается добиться гражданского звучания строчки, и хотя порой он не вполне справляется с формой стиха, его почти прозаические размышления задевают за живое: «Мы внешне чтим закон... Но что с того? // Не сложно нашим войнам дать оценку: // Дуэли наши — стенкою на стенку... // Иль даже хуже — все на одного...»

Человек и история... Как меняется действительность, как меняемся мы, есть ли в нашей жизни величина постоянная, нравственная величина? Журналист Татьяна Борисова из г. Саратова, путешествуя по улице Пушкина, встречает ту самую телегу, что «катит по-прежнему». «Ах, эта телега жизни! Провезла она страну и через пламень страшной войны. Очевидцы рассказывали: в одном из госпиталей лежал томик стихотворений Пушкина. И рядом со строками «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...» раненым солдатом было криво нацарапано: «... моя милая! Где же ты теперь? Жива ли ты?»»

Именно жизнь, пульсирующая в строке, являлась главным критерием отбора материалов для этого сборника, ведь пушкинская улица жива и сегодня. Вот Лина Игнатьева из Саратова пытается повторить в слове прихотливый узор невской ограды, помнящей, может быть, грозную поступь медного всадника, но похвальна не попытка сама по себе, а чуткость к звуковой аранжировке стиха, точно бы расслышанного автором в приглушённых шагах белой ночи. «Завораживал город великий // полукружьем ажурных мостов».

Шестнадцатилетняя Аня Носова, живущая в посёлке Чапаевский Пугачёвского района, рассказывая в коротеньком сочинении о своём невеликом пока ещё, но зато лично намеченному и начатом пути к Пушкину, спешит поделиться непосредственными впечатлениями: «Наступила осень, мы пошли в школу и с удовольствием учили: «... Лесов таинственная сень // С печальным шумом обнажалась...» И было непонятно ещё, что такое «сень», но печальный шум был близок настроению». Наблюдение-то совсем, вроде бы, маленькое, но на поэтические магистрали можно выйти только узенькими тропками, только малыми стёжками-дорожками собственных открытий.

В этом смысле подкупает своей неподдельной искренностью и беспощадным, я бы сказал, отношением к собственному месту и масштабу на фоне Пушкина позиция Виктора Семёва – машиниста из Маркса:

*Земные жизни гробя ради вечной,
Плетём порой немало чепухи,
И грязя о пыли библиотечной,
В пыль чердаков складируем стихи.
Навек замолкнем – вовсе не потеря,
Но всё же в поэтическом строю
Я перед Пушкиным, как жалкий подмастерье,
Как перед Богом, трепетно стою.*

Позиция, достойная уважения. Иногда, и правда, важно просто вдохнуть и прислушаться, взять паузу, как земляк Семёва Егор Кучугура: «Сбылось, как втайне двор желал: // Они сошлись у Чёрной речки, // И между ними Бог не встал, // И пистолет не дал осечки. // Свершённым вдруг потрясена, // В немом молчанье вечность стыла, // Но всю Россию разбудила // Глухая эта тишина...» Тут есть о чём задуматься. Хотя бы о молчании, которое, оказывается, может быть немым, а значит, может быть и говорящим.

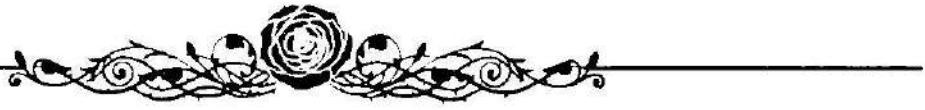
Но что это? Улица, по которой движемся мы вперёд и вперёд с читателем, выводит нас на цветущий июньский луг, и дальше – на просторную лесную опушку, где каждый цветок, как тепло пишет Т. Слепова из Балтайского района, «Зарделся скромно от его похвал». А вон бегут ребята из школы, из сельской, конечно. Не иначе сбежали с урока литературы, где надо было писать «сочинение по Пушкину». Татьяна Буткова – директор библиотеки в Турках – рассказала о таком или примерно таком уроке удивительно просто и глубоко.

*...А за партой мальчишка с веснушками –
Ни одной этой теме не рад...
Смотрит он за окно упрямо,
И ни строчки в свою тетрадь,
Только вот соседка Татьяна
Что-то шепчет на ухо опять
Про короткую жизнь поэта,
Про роман, что написан в стихах...
Улыбается Пушкин с портрета –
Продолжается жизнь в веках.*

Да только не в уроке, конечно же, дело. Точнее, в уроке, но в другом, совсем в другом...

А потом обозначится ещё на нашем пути и краеведческий музей в селе Клинцовка Пугачёвского района, где радушно встретит нас Анна Мерзликина и расскажет об уникальной пушкинской коллекции художника А.Д. Казакова-Клинцовского, переданной в дар музею. И пригласит свернуть на пару дней в Петровск (не по стопам ли пушкинским?) Валерий Савин. И школьница, из Петровска же, Кристина Ерёмкина расскажет нам в пути о монете 1832 года выпуска, которую, возможно, держал в руках Пушкин...

И на прощание помашет нам добкой рукой на удачу из далёкого уже далёка Семён Степанович Гейченко – «Леший пушкинских лесов», как назвал его Александр Ерохин.

*Мы покидаем чудный дом –
Сады Поэзии – прощайте!
Но прогремят ещё потом
Раскаты болдинского счастья.*

Молодые и смелые стихи Елены Борзых из Саратова звучат как ещё одно творческое свершение. И, как всегда, неожиданно выступление Елены Калякиной из Саратова – её короткое эссе «Визави» предельно искренне, даже интимно.

Вот из таких свершений и складывался этот необычный сборник, объединивший людей разных возрастов и профессий. Название конкурса, по итогам которого сборник выходит в свет, красноречиво: «Мой Пушкин». Пушкин у каждого свой, и у всех общий. Это как если бы мы все жили на улице Пушкина, такие разные, со своими радостями и огорчениями, победами и поражениями – но вместе, рядом, здороваясь мимоходом, окликая друг друга: «Как дела, сосед?» «Да так как-то всё...»

Это как любовь.

ИВАН ПЫРКОВ,
*член Союза писателей России,
член Союза журналистов России,
кандидат филологических наук.*

«ЛЮБОВИЮ НАРОДА ПОЛНОМОЧНЫЙ...»
(поэты Саратова и области к 210-летию А.С. Пушкина)

Твои — певец! Избранник божества,
Любовию народа полномочный.
СТЕПАН ШЕВЫРЕВ.
ПОСЛАНИЕ ПУШКИНУ. 1830 г.

При общем взгляде на представленный в сборник участниками конкурса «Мой Пушкин» обширный материал бросаются в глаза две его особенности. Во-первых, провинция выявила свое подавляющее превосходство над губернским центром: основной массив авторов представлен саратовской глубинкой. Во-вторых, по сравнению с другими конкурсами, проводившимися в свое время Саратовским Областным центром народного творчества, заметно усилилось участие детей и подростков, что явилось для членов жюри приятной неожиданностью.

Давно замечено, что на окружающее, особенно на природу, мы с детства привыкли смотреть пушкинскими строками и образами. Не потому ли в сборнике так много пейзажных стихов. И отрадно, когда эту поэтическую эстафету принимают от нас самые молодые авторы. Как, например, 16-летний Игорь Филиппов из села Елшанка Аткарского района:

*Когда осеннею порою
Подернет синью небеса,
Бессмертной пушкинской строкою
В багрец оденутся леса.*

Включение в ткань стиха прямых пушкинских цитат характерно для многих авторов сборника. Тем более, когда стихи посвящены описанию памятных мест, связанных с именем поэта.

*Прекрасна болдинская осень
В своей немеркнущей красе.
Брожу в лесу незванной гостью
С раскрытой книгою в руке.*

Это уже строфа из стихотворения «В осеннем лесу» Елены Белолипцевой из села Малая Осиновка Аткарского района. А Татьяна Белокобыльская из села Еловатка Самойловского района, как бы

окидывая взором поэта свои родные места, пишет в стихотворении «Как жаль, что Пушкин наших мест не посетил», что, ежели бы такое произошло, то у него была бы еще одна, но не болдинская «вовсе, а скажем так, самойловская осень».

Вообще, не покидающее нас ощущение, что Пушкин жив, что он все время где-то рядом, как добрый друг и советчик, проходит через многие стихотворения сборника. Объясняя причину этого, Нина Шиняева из Самойловки замечает в стихотворении «Глазами поэта»:

*Кто о красе природы так напишет?
Кто восхитится парой простых фраз?
Лишь только тот, кто ею дышит,
Кто видит чудо, будто в первый раз.*

Читая такие взволнованные, проникнутые ярчайшей нежностью по отношению к поэту строки, начинаешь и в самом деле верить, что Пушкин не умер, что он все еще рядом с нами, сопровождая своими стихами жизненный путь каждого от рождения и до самой смерти.

Достоевский говорил, что без православия русский человек – ничто. Возможно, и без Пушкина тоже. Этую мысль словно бы поэтически развивает Лидия Крухмалева из села Елань Балашовского района в отличном (впрочем, как и вся ее подборка в целом) стихотворении «Я – никто»:

*Я никто. Зовут меня никак.
Но я живу, и я имею душу.*

Именно через душу она мысленно, во сне, уходя в «неведомый век», общается с Пушкиным, обретая в этих виртуальных встречах свою творческую и человеческую идентичность. «Я чувствую свой след // Должна оставить я в стихах // И выплеснуть эмоции наружу».

В самом деле, как говорил известный поэт и критик Русского Зарубежья Георгий Адамович, поэзия – это то лучшее, что выражает собой человек и что он передает другим.

Попытку общения с Пушкиным, так сказать, напрямую, делает и Александр Дивеев из Ртищева в чеканном по своей стилистике стихотворении «Диалог». Его разговор с поэтом также происходит во сне. Но его художественный и интеллектуальный уровень таков, что с ним не зазорно было бы вступить в диалог с великим поэтом и наяву.

Окунаясь в отделенный от нас уже двумя веками пушкинский мир, многие авторы представляют Пушкина не в виде бронзовой ста-

туи на Тверском бульваре в Москве, а как самого родного и близкого человека.

*И в ссылке, где-то на Кавказе,
Его б по голосу я с легкостью узнал –
В знакомом слове или фразе
Есть то, чего я у других ни разу не встречал.*

Это из стихотворения «Пушкин для меня всегда герой» выпускника 11-го класса Алексея Овчинникова из Аткарска. А вот двадцатилетняя Юлия Веденеева из Базарного Карабулака идет еще дальше. Пушкин для нее словно бы ее отец («Ответь мне, Пушкин, мой отец...»), от которого она ждет ответа на самые волнующие ее вопросы.

У ее землячки Анны Подгорновой из села Алексеевка того же района восприятие поэта доходит до зримой осязательности. Она почти наяву ощущает его присутствие в своей комнате, где «он за столом сидит, // А я, уткнувшись в том, стихи читаю...».

Но далеко не всегда стихотворения о Пушкине воссоздают перед нами столь благостные картины. Некоторые из них представляют поэтическую реставрацию самых трагических эпизодов из жизни поэта. В частности, роковую дуэль на Черной речке. Ее описывает уже упоминавшаяся Елена Белолипцева в стихотворении «Последний день поэта»:

*Озябший вечер при закрылся ветром,
И стыло солнце в кружевах зимы,
А на снегу упавшему поэту
Открыла лишь шинель обятия свои.*

В целом же поэтической программой молодых (да и не только) поэтов в их отношении к Пушкину можно считать следующие строки 18-летнего Никиты Рубцова из Аткарска:

*Мы, современные поэты,
Взрастим утихшей лиры глас.
Впитали мы твои заветы –
Они живут в душе у нас.*

Как пишет в своем эссе саратовская студентка Ксения Белова: «Поэзия – крик души, направленный в бесконечность». Добавлю: особенно, если он исходит из такой гениальной души, коей несомненно обладал Пушкин.

Впрочем, верность пушкинской традиции вовсе не означает отказ от обращения к другим направлениям русской поэзии. На эту мысль наталкивает великолепная подборка студентки пединститута СГУ Эльвиры Янмухаметшиной «Посвящение Пушкину», где, на мой взгляд, явственно ощущается другая поэтическая школа, идущая от «Серебряного века» русской поэзии начала ХХ века.

Нельзя не отметить и идущую от глубинного проникновения в самую суть уверенность, с которой даже самые молодые авторы осваивают сложную пушкинскую тему. Так семнадцатилетняя Юлия Горская из Самойловки предпринимает смелую попытку написать «Постскриптуm» к «Евгению Онегину», рассказав о дальнейшей судьбе Онегина и Татьяны в том случае, если бы они решились все-таки сойтись уже после замужества ее. Насколько это удалось автору, судить читателю. Лично мне ее версия, хотя и достаточно пессимистичная, представляется вполне логичной и художественно мотивированной. Для семнадцати лет подобная прозорливость, что под стать гораздо более зрелым возрастам, является скорее исключением, чем правилом.

Пиша о Пушкине, некоторые авторы, подобно самому поэту, обращаются и к прозаическим жанрам: лирической зарисовке, небольшому очерку, эссе. Есть даже рассказ на пушкинскую тему.

И, надо сказать, что даже в таком сложном, ассоциативном жанре, как эссе, самые молодые авторы (как, к примеру, уже упоминавшаяся Ксения Белова, Елена Калякина из Саратова) проявляют недюжинное мастерство, свободное владение материалом и тонкую образность мысли.

Или Катя Бутова, ученица 10-го класса из Алгая, удивляющая смелостью и самостоятельностью своих суждений о личности и творчестве любимого поэта. И даже там, где она цитирует высказывания самых именитых людей, типа Иннокентия Анненского, Катя пытается как-то комментировать и даже развивать их, призывая в подмогу те или иные факты биографии Пушкина.

Вообще, следует подчеркнуть, что наибольшее впечатление производят материалы тех авторов, кои, не пытаясь спрятаться за высоким забором авторитетных мнений известных исследователей поэта, имя которым — легион! — опираются прежде всего на сугубо личные впечатления, связанные с постижением ими художественного мира великого поэта.

Кстати сказать, кое-кто пытается свести два мира: пушкинский и нынешний. И, как правило, этот сопоставление далеко не в пользу второго. Как пишет в своем стихотворении, символично названном

«Бег времени», Мелина Балугян из Балтая:

*Ведь в наших буднях столько окон беспросветных,
Забытых навеки чужих дверей.
И столько несчастливых, неприметных,
И серых, скучных и туманных дней...*

Конечно, каждому человеку свойственны поиски счастья, которое нередко ускользает от него в череде «скучных и туманных дней». Как остроумно заметил Ивлин Во, искатели счастья подобны пьяному, который никак не может найти свой дом, но знает, что он есть. Отсюда и настроения безысходности, овладевающие многими при попытке сравнить наше неприглядное настоящее с гармоничным и прекрасным миром пушкинской поэзии. Но, следуя известному афоризму, кто знает горькое, лучше оценит сладкое.

Уже давно стало расхожей фразой: Пушкин – это наше всё. И уже не столь важно, кто это написал. Ибо это может повторить почти каждый из ныне живущих и давно ушедших поколений.

Весьма различные подчас по своему миропониманию и степени даровитости авторы данного сборника абсолютно едины в одном: своей великой любви к Пушкину.

Это значит, что народная тропа к нерукотворному памятнику поэта не только не застает, но и постоянно расширяется и удлиняется.

Почему это происходит? На это предельно точно отвечает представитель, так сказать, старой гвардии, неизменный призер конкурсов Областного центра народного творчества Эдуард Елшанский из Балашова в своем «Слове о поэте»:

Как велика у нас Россия, но
Кого мы с Пушкиным
могли б поставить рядом?..
Что был бы всем (подчеркиваю – ВСЕМ!)
Он дорог, подходил бы идеально?..
Вот то-то и оно! – Ведь нет совсем
Таких талантов, что весьма печально.

ВЛАДИМИР АЗАНОВ,
член Союза писателей России,
кандидат филологических наук.

Валерий АГАПОВ
(г. Саратов),
диплом 1-ой степени

Улица Пушкина

Вокруг всё не так, и придётся признаться мне:
Живу, как дурак, да и время дурацкое.

Вглядеться, прищуриться: где же отдушина?
Вот названа улица именем Пушкина.

И нет уж её ни милей, ни полезнее –
Ведь улица Пушкина – тоже поэзия.

Закупим вина – и за имечко славное!
А то, что грязна, ну, так это не главное.

Отбросивши спесь и сомненье теперича
Помянем мы здесь Александра Сергеича!

Он тоже чудил и хватался за лацканы.
И тоже он жил, да, во время дурацкое.

Лишь муга да смерть его стали подружками...
Ах, улица Пушкина, улица Пушкина.

Людмила АЗОВА
(г. Аркадак)

Сон Арины

А на Чёрной речке тает белый снег,
Под резным крылечком затеплился свет.

Сладко пахнет сливой в маленьком саду
– Господи, помилуй, отведи беду...

Сон какой-то странный, нехороший сон,
Будто Саша ранен, умирает он...
Старая Арина возвратилась в дом,
Затушив лучину, села под окном.
Сбитая простынка под босой ногой...
— Спи, моя кровинка, спи, Христос с тобой...

Над лесной опушкою небо ярко-синее,
Про поэта Пушкина знает вся Россия.
Про село Захарово, Царское село,
Где скамейку старую снегом замело.
Болдинская осень навевает грусть,
И весну приносят журавли на Русь.
Вечно не исчерпать дум его родник
Словом правды в сердце каждому проник.

А Наташа, Ташечка, светлая душа
Белокрылой пташечкой в жизнь его вошла.
Может, образуется замок на песке
И любовь безумная — жизнь на волоске?
Стало одиноко и невмоготу
Сам решил до срока подвести черту.
Ох, не надо, Саша, Саша, подожди,
А над чёрной пашней светлые дожди.

Плакала Россия, не уберегла
Дорогого сына от людского зла.
Замолчит кукушка, скроется луна
И печалью кружка до краёв полна.
И глядит Арина в отдалённый путь.
И тоска-кручинка разрывает грудь.
Снова яркой синью назревает высь,
Ты не плачь, Арина, — лучше помолись.

В низенькой светёлке огонёк горит,
А нерукотворный памятник стоит.
С дуба облетает жёлтая листва
И не зарастает муравой тропа.
А в подлунном мире тихо жизнь идёт
И в заветной лире дух его живёт.

И не тяжки узы, и по силам бремя,
И послушна Муза Божьему веленью.

А на Чёрной речке больше нет зимы.
Пушкин — это вечность. Пушкин — это мы.

Венера БАКАЕВА
(с. Александров-Гай)

Святогорье

Звонят, звонят колокола
На много вёрст окрест,
Звонят до Царского Села,
До самых дальних мест.

Два раза в год звонят они,
И оживает быль,
Что свято издавна хранит
Известный монастырь.

Здесь вечным сном уснул поэт,
России славный сын.
Его таланту равных нет,
Он был такой один.

Плыт от стен монастыря
Величественный звон
Печальный в пору января,
Как будто чей-то стон.

Наступит летняя жара,
И слышен перелив.
Опять звонят колокола.
А значит, Пушкин жив!

Размышляя о Пушкине

Нелепая дуэль... Ужасный выстрел...
Мне кажется, виновна Натали.
Дантеса план без повода не вызрел.
Всему есть повод, что ни говори.

Красивая брюнетка в бальном платье,
Пленительница царского двора.
Не оценила выпавшего счастья,
А может быть, бездушною была.

Судить не будем. Всё давно свершилось:
Решенье... Вызов... Чёрная река...
Наталья же ни в чём не извинилась.
Всё также невиновная. Пока.

А Пушкин жив! И жить он будет вечно!
Не властно время над его пером.
Пусть судит Бог. Поступим человечно,
И вспомним Натали пока добром.

Няне Пушкина

Спасибо Арине, крестьянке простой!
Я трижды ей кланяюсь в ноги:
Светила она путеводной звездой
Поэту в нелёгкой дороге.

Уже с колыбели малыш полюбил
Чудесное русское слово.
На песнях и сказках взлелеян он был
И ими же был очарован.

Арина открыла питомцу весь мир,
Волшебным наполненным светом,
И он себя этому миру явил
И стал настоящим поэтом.

Идя по тернистым дорогам судьбы,
Он помнил лихие годины,
Что светит ему огонёчком из тьмы
Прекрасное сердце Арины.

Мелина БАЛУГЯН
(р.п. Балтай)

Бег времени

Остановись, быстротечное время, на миг!
Дай мне помечтать в тиши...
Я сегодня отыскала среди книг
Мою самую заветную «Пушкин. О любви».

Я перечитываю «чудное мгновенье»,
И жизнь, и божество – всё, всё любовь!
Стучит моё сердечко-пробужденье!
Я понимаю: не напрасна в жилах кровь.

Любить, любовью бескорыстной жить...
О чём ещё мечтал поэт?
Не нам гадать, не нам судить,
Его мечтам две сотни лет!

Любовь, рождённая его пером,
Чиста, навеки молода и совершенна,
Она та самая, что создана Творцом,
Та самая, что в наших мыслях, что бесценна!

Весь мир в глубинах душ своих пустых
Под пеленою своего секрета
Немного верит: в образах мирских,
Что он найдёт любовь, воспетую поэтом.

А разве нам, рождённым наспех,
Беспомощными слабыми котятами,
Кто нежелательно, кто на смех,
Кто неизвестными, а кто и знатными.

А разве нам ли, выросшим нескромно,
Иль взгромоздясь на доллары, на евро,
На мир смотрящим иль с издевкой, или томно
Решать, что есть неверно, а что верно?

Ведь в наших буднях столько окон беспросветных,
Забитых навеки чужих дверей,
И столько несчастливых, неприметных
И серых, скучных и туманных дней...

Все в кучу сгрудить бы и кинуть
С высокой и крутой скалы.
Эх, жизнь...

Дай лучше дочитаю книгу
Ту самую заветную: «Пушкин. О любви».

Таланту поэта посвящается

Перо, макая в чёрные чернила,
Он жизнь воображению дарил.
Он с музой, что его манила,
И дни и ночи проводил.

Лукавый юмор, горести и страх –
Он всем делился с чистыми листами,
И между строк разбросаны в стихах
Карикатуры, образы местами.

Его твореньям нагадано бессмертие,
Пустыни времени их не иссушат.
Уж более чем два столетия
Читателей они волнуют души.

Наоборот, усиливая свой разбег,
Меняют оболочки, смысл оставляя.
Из девятнадцатого в двадцать первый век,
В нас чувство веры укрепляя.

Любовь и дружбу, радость и надежду
Народу своему его творенья

Привносят в мир, совсем как прежде,
И созидать их назначенье.

Размышления

I

На «Пророк»

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли...»

А.С. Пушкин

Он чувствовал, что избран он,
Что он особенный певец,
Что голоса его манящий тон
Волнует множество сердец.

Что муга — верная его подруга,
Что Бог вложил в его уста
Ту истину, что для врага и друга,
И чей он преданный слуга.

II

На «Возрожденье»

«Созданье гения пред нами

Выходит с прежней красотой...»

А.С. Пушкин

Он чувствовал, что избран он,
По-своему безумен каждый гений,
Мирским их просто не понять,
Не каждый может чёрной тени
И жизнь, и душу описать.

По-своему безумен каждый гений,
И камни ожидают в их руках,—
Наперекор и слабости, и лени
Они творят и бездны, и миры в словах.

Светлана БАРЬЕ (г. Энгельс)

Раздумья о судьбе российского поэта

Подобный гений мог родиться лишь в России
С её великой, исковерканной судьбой.
Под спудом тягостным монаршего всесилья
Судьбу души российской он явил собой.
Души, впитавшей с детства нянюшкины сказки,
И очарованный былинной красотой,
Души богатой на сочувствие и ласки.
И убивающей правдивой прямотой.
Души, рождённой для полёта, словно птица,
Для откровений и для радостных побед,
Но принуждённой жить в общественной темнице
Бездушно-мелочной с названием «Высший свет».
О, эта зависть, что сердца людские гложет!
Ты заурядной бесталанности удел.
Ужель простили вы поэту непохожесть?
Как он любил! Как о любви он песни пел!
Как жил он искренне, не веря в силу рока,
А веря в разум и свободу новых дней!..
Быть не должно в своём Отечестве пророка,
А если явиться, то гнать его взашей!
И вот интриги подлый час всё ближе, ближе,
Тенёт словесных сеть крепчает каждый миг:
«Александрийского столпа» главой он выше?
Нерукотворный себе памятник воздвиг?
Того гляди — он возомнит себя мессией!
Да знает место ли мятежный сей пиит?!

Подобный гений мог родиться лишь в России,
И только здесь мог быть безжалостно убит...
Россия, милая, ужель ты не устала?
Ужель стране такой и вправду всё равно?
С какой невинною улыбкой ты теряла
Всех тех, кому от Бога больше всех дано.
На что надеялась? На наше осужденье
Или на памяти людской короткий век
Ведь это Пушкин был! То был не просто гений,

То был с заглавной буквы Русский Человек!
Пусть не за Родину он пал на поле брани,
А на дуэли встретил свой последний час,
Пусть обладал он не российскими корнями.
Но был он больше русским, чем любой из нас!
Без ложной скромности и без фальшивой лести
Возьму строку я из посмертного стиха:
Он пал невольником своей любви и чести,
Оставил символом России на века!
И вот двуличное монаршее витийство
На суд потомков в жалком рубище идёт.
Их всех запомнят за великое убийство,
А Александра – за великий жизни взлёт!

Разговор с Александром Сергеевичем

В рамке портрет акварельными красками,
Томик любимых стихов...
Что ж, Александр Сергеевич, здравствуйте,
Вот мы и свиделись вновь.
Как поживаете, что Вы там пишете?
Так же ли муга легка?
Знаю, конечно, меня вы не слышите,
Нас разделяют века.

Припев:

Ах, Александр Сергеевич, как же так вышло?
Выстрелом гулким сразила поэта вражда.
Ах, Александр Сергеевич, слёзы излишни.
Ваша строка обессмертила Вас навсегда!
Вы, Александр, слыхали, наверное,
Что здесь говорят у нас –
Ваша строка, мол, не к нашему времени,
Дескать, наш век не для Вас.
Всё же поверьте грустить не пристало Вам.
Всё это, батенька, вздор!
Детям своим Ваши сказки читала я,
Я их люблю до сих пор!

Даже сегодня, Вы будьте уверены,
В шуме больших городов

Разговор с Пушкиным

сл. и муз. С.Барбье

A musical score page featuring a treble clef staff with a key signature of one sharp (F#) and a common time signature (indicated by a 'C'). The vocal line consists of eighth-note chords: A major (A-C-E), D major (D-F#-A), G major (G-B-D), C major (C-E-G), F major (F-A-C), and B major (B-D-F#). The piano accompaniment is indicated by a bass clef staff with a common time signature, showing a harmonic progression from A major to B major.

В рам-ке порт - рет ак - ва - рель - ны - ми крас - ка - ми, то - ми клю - би - мых сти - хов.

Что ж, А-лек- сан-др Сер - ге - е- вич, здрав- ствуй- те, вот мы и сви- де- лись в новы-

A musical score for the first verse of "The Star-Spangled Banner". The key signature is one sharp (F# major), and the time signature is common time (indicated by a 'C'). The vocal line consists of a series of eighth-note chords: G, B, D, E, G, B, D, E, followed by a half note G, a quarter note B, a half note D, and a half note E. The lyrics are: "O say can you see, by the dawn's early light,"

Как по-жи-ва-е-те, что Вы там пи-ше-те, так же ли му-зы-ка ле-г-ка?

A musical staff in treble clef and common time. It begins with a quarter note followed by a series of eighth notes and sixteenth note pairs. The notes are primarily black, with some white notes appearing as grace notes or specific rhythmic markings.

Зна-ю, ко - неч - но, ме - на Вы не слы-ши-те, нас раз-де - ля-ют ве - ка

A musical score page showing the beginning of a piece. It features a treble clef staff with a key signature of one sharp (F#) and a common time signature. The music consists of a series of eighth and sixteenth note patterns, primarily in the key of G major. The notes are distributed across the staff, with some notes having stems pointing up and others down.

Ах, А-лек-сан-др Сер-ге-е-вич, как же так выш-ло?

Вы-стрем-лом гул - ким сра - зи - ла по - э - та враж - да.

A musical score for 'The Star-Spangled Banner' featuring a single melodic line on a staff. The staff begins with a treble clef, followed by a key signature of one sharp (F#), and a common time signature. The melody consists of eighth and sixteenth note patterns, with several grace notes indicated by small vertical strokes above the main notes.

Ах, А-лек - сан - др Сер - ге - е-вич, слёзы из - лиш - ни.

A musical score page showing measures 1 through 10. The key signature is one sharp (F# major). The time signature changes from common time to 6/8 at measure 7. Measures 1-4 show eighth-note patterns. Measures 5-6 show sixteenth-note patterns. Measures 7-10 show eighth-note patterns again.

Радуют Ваши стихи вдохновенные,
Сила и искренность слов,
Ваши порывы и мысли глубокие
Отзвуки в сердце нашли,
И вдохновляет на чувства высокие
Ваша любовь к Натали!

Припев:

Где Вы теперь? Чем же ныне Вы заняты?
В звёздной, земной ли стране?
Если случайно в наш город заглянете,
В гости зайдите ко мне!
Свечи зажгу, чай накрою в столовой я,
Вы мне стихи почитаете новые,
Я – эту песню спою.

Елена БАРИНОВА
(г. Энгельс)

* * *

Проносятся столетья над Землёй
И наши жизни, как листки срывают;
Две даты, разделённые чертой,
От каждого на память оставляют.
Две даты и два слова – «жизнь» и «смерть».
Лишь после смерти ценность очевидна
Той чёрточки, что каждый как умел.
Использовал с добром или обидой.
Лишь после смерти наступает срок,
Срок испытания на веру и на память.
Года спустя, подводится итог:
Кому-то «жить», кому-то в Лету кануть.
Как бы хотела я перенестись
В век девятнадцатый, чтоб ощутить то время:
Как рос поэт, чтоб гордо вознестись
«Главою непокорную» над всеми;
Как от младенческих забав и песен тех,
Что няня ему в детстве напевала,
Он прошагал свой путь через успех,
Насмешки, неприятие и опалу.

Я бы хотела с ним в Лицее жить,
Незримым быть свидетелем всех споров;
Как он, умнеть, взрослея, и любить,
Чтоб написать те строчки, от которых
Приходит в умиление весь свет;
И чтоб во мне поэзия звучала,
И чтоб легко, как он, пером владеть,
И чтоб душа меж строчек трепетала...
Что ж остаётся? Гордость за него,
И лёгкость, и доступность его строчек.
Длина меж датами — лет тридцать семь, всего.
Но срок у памяти — и двести лет, и больше.

Исповедь без конца

Сколь ты велик — столь я мала.
Сколь ты известен — столь я скрыта.
Под впечатленьем волшебства
Стихов великого пинита
Слагаю я свои слова.
Хоть ты велик, а я мала,
Дозволь в сени твоей побыть
И поэтической строкою
Позволь с тобой поговорить,
Хоть, может, я того не стою.
Но чем-то надобно мне жить.
Дозволь в сени твоей побыть!
Я буду каяться в грехах
Перед тобою, как пред Всевышним;
Пытаясь всё сказать в стихах,
Буду навязчива излишне...
Но ты простишь на небесах —
Я буду каяться в грехах!
И обнажусь с своем бесчестье.
Свое «могу», свое «хочу»,
Своё «не смею» вместе взвесив,
И искупленье получу.
Я честь свою тебе вручу...
Ты понимаешь, всё не так,
Живу, как на другой планете.
Несёт меня сквозь штурм и мрак

Различных направлений ветер...
Не повзрослею я никак.
Я мучаюсь, а не живу.
Я жить, по сути, не умею.
Как будто грежу наяву,
Взвалив другим свой груз на шею,
И кем — невесть для всех слыву...
Я мучаюсь, а не живу...

**Елена БЕЛОЛИПЦЕВА
(село Малая Осиновка Аткарского района)
диплом второй степени**

Последний день поэта

В ночь плакала озябшая свеча,
На стол роняя восковые слёзы,
Как плачет неразумное дитя,
Невольно чуя для себя угрозу.

Теряла скатерь свой крахмальный лик,
Раздался стук. Затем вошёл Никита.
— Опять не почивали!.. — и Никита сник, —
Вам принесли письмо... Оно закрыто.

Дрожало утро. Брезжился рассвет.
Окошко от мороза охладело.
— Во сне я видел смерть, — сказал поэт, —
Она в молчанье на меня смотрела...

Рубашку белую небрежно надевая,
Он на портрет Наташи всё смотрел.
— Люблю тебя!.. Прошай, душа родная...
Я жизнь бы для тебя не пожалел.

Озябший вечер принакрылся ветром,
И стыло солнце в кружевах зимы,
А на снегу упавшему поэту
Открыла лишь шинель объятия свои.

Уж на исходе ночь. Наташа на коленях...
У изголовья смертного одра.
— Жизнь кончена... — сказал, — молю прошенья.
За то, что оставляю я тебя.

Ушёл поэт. И разрасталось горе,
Неизмеримо, как его душа.
И плакали в Михайловском озёра
И на пригорке старая сосна.

В осеннем лесу

Прекрасна болдинская осень
В своей немеркнущей красе.
Брожу в лесу незваной гостьей
С раскрытой книгою в руке.

Я вслух «Онегина» читаю,
Срывает ветер с губ слова,
Даря их журавлиным стаям.
Что вдаль с собой зовут меня.

Ловлю в ладонь росу с деревьев,
И пью её, как светлый стих...
И даже ветер на мгновенье
Вдруг призадумался, затих.

Мне чудится, как над листвою
Скользят незримые шаги.
И будто где-то надо мною
Поэт читает мне стихи.

Хожу по тропам неприметным,
Что в белоствольной тишине,
И дышит лес стихом поэта.
Иль это чудится лишь мне?

Я зачарованный потомок.
Мне стих и дорог и знаком.
Держа в руке раскрытый томик,
Грущу о времени былом...

Алевтина БЕЛОВА
(г. Хвалынск)

Вальс Свиридова

Свиридовский слышится вальс...

Метельные выужные звуки.

Неторопливо ведёт он рассказ

Про встречи, страданья, разлуки.

Снега и туманы, старинный возок,

Гусар в нём, он сбился с дороги.

— Ах, хоть бы ветер скорее умолк! —

И смотрит вперёд... да что толку!

Зимняя степь белым вся бела...

Ни землю, ни небо не видно.

Пурга лишь да снежная пелена.

Блуждает он... Как же обидно!

А дивный тот вальс нас всё дальше ведёт.

Вот домик, свеча пред морозным окном;

Кудрявый певец там к столу подойдёт,

«Метель» он напишет гусиным пером.

Оставив перо, долго молча сидит,

Друзей дорогих вспоминает...

Вальс же волшебный зовёт нас, звучит...

Как будто бы всех вопрошают:

— Вы верите в дружбу, в святую любовь?

— Чему поклоняетесь ныне?

— Чтите ли память своих вы отцов?

— А Родина вами любима?

Свиридовский вальс — это пушкинский вальс.

Вот домик на Мойке, Сенатская площадь.

Вот Зимний, бывал там поэт и не раз...

Да счастья творенье Петра не приносит!

Задумчив поэт, может быть, задремал...

А ветер мятежный не утихает.

В окне — огонёк, Он светить не устал

И думам печальным внимает.

Метельная ночь, тревожная, странная.

Какую судьбу предвещает она?

Вдруг в музыке слышу — надежда желанная.

Она утверждает победу добра!

А.С. Пушкину

Александр Сергеич, прошло уже два века,
Но снова извечный вопрос у нас к Вам:
Как сохранить в себе человека
В трудное время лихих перемен?
Вы воспели любовь, дружбу, радость.
И с восторгом умели жизнь принимать.
«Легковерна и ветрена» младость:
Научите и нас, как ей дань отдавать.

Голос Ваш – это голос живого поэта,
Заставляет нас мыслить, зачем мы живём?
И осталась душа Ваша с нами – не где-то –
Лукоморьем и дубом был каждый пленён.
Восхищаемся мы, как вы нежно любили
Несравненно прекрасную Натали,
Как Вы дружбу святую хранили, –
Если б мы быть такими могли!

Вы погибли, ушли очень рано,
было то, как падение яркой звезды,
И горюет российское «племя младое»:
Современники, что же, сберечь не смогли?
Александр Сергеич, душа Ваша в Ленском,
В Татьяне, в Онегине, даже в Петре,
В Николае юродивом, в Пимене древнем,
В Борисе несчастном, погибшем в тоске.

Вы русский, родной нам и близкий,
Без Вас не понять эту смутную жизнь.
Так не оставьте в несчастье Россию,
Пророком по-прежнему надо Вам быть!
Совесть Вы наша – «гордая слава»,
Зажгите глаголом сердца молодых,
Чтоб новая, свежая, умная сила
Сумела подняться на крыльях своих!

Ксения БЕЛОВА (г. Саратов)

Пушкин и все, все, все...

Первый класс — почти Конец Света, кардинальная ломка мировоззрения. А наш любимый Пушкин — на нём учатся читать, по нему пишут сочинения, изложения, рисуют картинки на «изо», им вслух зачитывается «преподша», заламывая руки, декламирует стихи (судя по её виду, вспоминает что-то своё и очень личное), при этом сияет, как перегретая лампочка, но это ещё не конец...

Класс, где-то девятый: гормоны и экзамены бьют по и без того больной голове, и тут появляется и передаётся из рук в руки книжечка, типа «Русская эrotическая поэзия. Пушкин», и это вносит некоторое оживление, хихиканье в сложно управляемый класс. Передавая под партой книжицу, давясь смешками, ты понимаешь: Пушкин был тоже человек, только известный и мёртвый, и это как-то связано между собой. Но уже всё.

После долгих лет мусолинья одних и тех же тем под тем же углом (и ещё хуже, если под каким-нибудь другим — с перетряхиванием грязного белья и новомодными теориями), всё начинает приедаться, надоедать, бесить. Самыми благими намерениями, естественно, вымощена дорога, сами знаете куда. И только после, отойдя немного от школьной программы, начинаешь замечать, какие у Пушкина лирические стихи, красивые яркие сказки и интересная проза, и какие в них важные поднимаются темы, какие живые и жизненные персонажи — не прописные и затёртые, а живые! Как близко его и наше время... Но это после. А сейчас — уже точно всё.

Поэзия и время её окружающее

Поэт, словно эхо, отражает время, в котором живёт. Пропуская через себя окружающий мир, выкристаллизовывает основную мысль, рассматривая вечные темы с точки зрения человека, живущего здесь и сейчас, но смотрящего ввысь, мечтающего и думающего о чём-то ещё, кроме насущного. Поэзия, подобно камертону, способна очистить души, убрать фальшь — насколько это возможно. Искренность — основа поэзии, ось, вокруг которой вращаются мысли, образы, идеи, волнующие человека. Искренность делает поэзию бессмертной. Конечно, все слова уже сказаны, но главное, как сказать, а не что. Стихи от хорошей жизни не пишут, поэзия — это неразрешённый конфликт, рассматриваемый во времени с разных сторон, но от этого менее болезненным не становящийся. Одни и те же темы раскрываются и переосмысливаются по-новому, сияют яркими красками, всё так же тро-

гая душу – не важно, когда они были написаны: вчера или несколько веков назад. Поэзия – крик души, направленный в бесконечность.

**Татьяна БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ
(с. Еловатка Самойловского района)**

Как жаль, что Пушкин наших мест не посетил

Как жаль, что Пушкин наших мест не посетил!
Свои стихи тогда б он посвятил
Тебе, Терса, и вам, приречные дубравы,
И вам, холмы, и вам, раздольные поля.
Тебя, Самойловская, он прославил бы земля,
Тебе великую принёс бы славу
И звался цикл стихов его
Не «болдинская» вовсе,
А, скажем, так:
«Самойловская осень».

**Елена БОРЗЫХ
(г. Саратов)**

Болдинский цикл

1.

Эх, кто б меня отправил
в ссылку?..
В любое Болдино страны,
В просторы осени российской,
А может, в зарево весны.

Эх, кто б меня послал в глубинку,
В покой имений родовых?
Я в городах совсем погибну,
Хочу села, цветов, травы!

Шурша по пушкинскому следу,
Скакать на преданном коне...

Когда же в ссылку я поеду?!
Когда ж отправят, наконец?!

Я напишу романа главы,
Ведь здесь без творчества нельзя –
Пойдёшь направо – там дубравы,
Налево – дивный березняк.

И в этой сказке я останусь
Хранить преданья старины...
Ссылайте в пушкинскую тайну,
В любое Болдино страны!

2.

«Полустанок Болдино.
Приготовьте вещи!»
Весело выходим, но
Слышим шёпот вещий,

Что коты нахальные
Путь не тот укажут.
Притворяясь пальмами,
Вдруг дубы запляшут!

Мол, русалки водятся
И другая нечисть...
Ай да чудо Болдино!
Рюкзаки на плечи!

3.

Встречай, Александр Сергеич!
Распахнуты дверь и душа.
В твою атмосферу теперичь
Вторгается плавный мой шаг.

Вхожу с затаённым дыханьем,
Как к старому другу вхожу,
Где воздух пропитан стихами
Под кроткий берёзовый шум.

Пройдёмся потом по аллеям
Под шёпот листвы золотой.

Молюсь и встаю на колени
Пред русской святой красотой!

Мазурку с тобой мне сплясать бы
На болдинском нашем балу...
Под тихую песню усадьбы,
Под скрип деревяшек в полу!

4.

Мы покидаем чудный дом —
Сады Поэзии прощайте!
Но прогремят ещё потом
Раскаты болдинского счастья!

По новой осени брожу,
Но возвращаются как будто
И болдинский дубравный шум,
И прежних радостей минуты.

И в толстых пушкинских томах
Ещё лежит листвы охапка!..
Я напишу ещё роман
О тайнах болдинского замка:

«... Была у Пушкина в гостях,
С ним прогулялась по аллеям...»
И из листвы в моих горстях
Святое пламя заалеет!

Татьяна БОРИСОВА
(г. Саратов)

Катит по-прежнему телега

Телега жизни ехала по российскому бездорожью, подскакивая на колдобинах нашего исторического пути. Как это у Пушкина...

*С утра садимся мы в телегу.
Мы рады голову сломать,
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошёл!..*

Много было ухабов, в которые пришлось угодить россиянам. Но никогда не оставались мы без Пушкина — у кого-то это было солидное многотомное издание, у кого-то — потрёпанный томик. Или просто пушкинские строки, с которыми мы так сроднились, что перестали ощущать их как нечто книжное.

Каким образом уцелел поэт на наших путях-дорогах? Ведь призывали горячие головы после революции: «Сбросим Пушкина с корабля современности!» Ладно, это, так сказать, экстремисты. Но и Маяковский считал, что Пушкину нужны цензоры — нельзя, мол, в советских условиях печатать строчку, прославляющую политику царя: «Смисесь, Кавказ, идёт Ермолов...»

Столетие со дня гибели поэта в 1937 году, однако, отметили с размахом. В газетах писали, что Пушкин своим творчеством служил революционному движению своего времени, а на последней дуэли целился в самодержавие.

Среди прочего сообщали, что в Москве родился проправнук Пушкина, названный, по желанию отца-красноармейца, Александром. К юбилею были выпущены тетради с сюжетами из произведений поэта на обложках. Но — кто бы мог ожидать, эти красивые обложки вскоре велели без лишних слов сорвать и уничтожить. Поползли слухи — мол, в рисунке, где изображён князь Олег с конём, зашифровано: «Долой ВКП (б)!» А кто-то уверял, что в складках плаща поэта таится профиль Троцкого. Народ тщательно изучал рисунки, ничего не обнаруживал, а обложки, конечно, от греха подальше, срывал.

Через много лет грянула борьба за трезвость. И драматическим артистам начальственным распоряжением «не советовали» читать со сцены строки: «Поднимем бокалы, содвинем их разом!»

Ах, эта телега жизни! Провезла она страну и через пламень страшной войны. Очевидцы рассказывали: в одном из госпиталей лежал томик стихотворений Пушкина. И в этом сборнике, рядом со строками «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты», раненным солдатом было коряво нацарапано: «Явись ко мне, моя милая! Где же ты теперь? Жива ли ты?»

Многие скажут, что «нынче классику читают мало». Какое там — совсем забыли! Так ли?

— Пушкин нам дал толковый словарь, — говорит Дмитрий Луньков, заслуженный деятель искусств России, создатель фильма «Читатель Пушкина». — Всякое явление природы мы объясняем пушкинскими словами: «Мороз и солнце день чудесный!» «Унылая пора, очей очарованье». Так же и душевные переживания. Говорят о вечном чувстве, и непременно скажут: «Любви все возрасты покорны».

Или: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Строки поэта органично переходят в присловье. А разве не про нас сказано: «Давно, усталый раб, замыслил я побег»? наш человек был и остаётся усталым рабом — своей нищеты и своих денег. Хотя, в сущности, богатство человека определяется не рублями или долларами, а количеством слов на обороте. Но богаче пушкинского словаря мы ничего не найдём.

«Катит по-прежнему телега», — сказано у поэта. А мы оглянемся вокруг и вспомним: «Как грустно мне твоё явленье, весна, весна, пора любви...»

Рада БРИТВИНА (с. Владимирское Ровенского района)

Мой Пушкин

Судьба меня обидела:
Я Пушкина не видела,
Но на портретах в красках
Он выглядит прекрасно!

Стихами напитавшись,
Смотрю на ваш портрет,
Пусть лет мне и шестнадцать,
Вам двести десять лет.

Во сне вас часто вижу:
Вокруг цветы, цветы,
Поговорить пытаюсь
И перейти на «ты».
Но в чувствах вам признаться
Не хватит духа мне,
Лишь вырвалось:
«Онегина ты выдумал во сне?»

И вот уже Татьяна —
Как будто это я...
Пишу письмо Евгению,
Дыханье затая.

15454-1

Какого жду ответа?
Сама не знаю я, —
Хотя бы намекните,
Мой друг, душа моя.

Рассвет велит проснуться,
Луч солнца на стекле,
Как жаль, мечты сбываются,
Пока что лишь во сне.

Вновь на портрет смотрю я:
Мы с ним наедине,
Мой Пушкин улыбается,
Не всем, а только мне.

**Татьяна БУТКОВА
(р. п. Турки),
поощрительный диплом**

Сочинение в классе по Пушкину,
На доске, тем предложенных ряд.
А за партой — мальчишка с веснушками —
Ни одной этой теме не рад.

Не любитель читать про Ленского,
Про Онегина, про дуэль...
За окошком — пейзаж деревенский,
Барабанит вовсю капель.

Смотрит он за окно упрямо,
И — ни строчки в свою тетрадь,
Только вот соседка Татьяна
Что-то шепчет на ухо опять.

Про короткую жизнь поэта,
Про роман, что написан в стихах...
Улыбается Пушкин с портрета —
Продолжается жизнь в веках.

Анастасия БУТОВА (с. Александров-Гай)

Пушкин в лицее

Пушкин... Как много значит для нас это имя. Пушкин – это великий человек, оставивший свой след и в мировой литературе, и в истории России.

Александр Сергеевич – мой любимый поэт. Говоря о нём, представляю себе его тонкое, одухотворённое лицо, обрамлённое кудрявыми волосами, задумчивые глаза, едва заметную улыбку: на душе становится легко и весело, и на ум приходит его замечательное стихотворение:

*Мороз и солнце: день чудесный!
Ещё ты дремлеши, друг прелестный, –
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!*

Я с большим удовольствием читаю его стихи, проникаюсь всей душой в его лирические произведения такие, как например, «Евгений Онегин». Пушкинское творчество производит на меня неизгладимое впечатление. Я полностью согласна со словами Фазиля Искандера: «По-моему, «Мороз и солнце – день чудесный...» – не только прекрасные стихи, но и средство от простуды, и, что ещё важней, средство от депрессии. Всё творчество Пушкина – средство от депрессии».

Ближе всего мне лицейские годы жизни Пушкина. Я думаю, что именно в лицее начался в Пушкине развиваться и усовершенствоваться поэт. Не зря русский поэт Серебряного века И. Ф. Анненский писал: «Именно здесь, в этих гармонических чередованиях тени и блеска, лазури и золота, воды, зелени и мрамора, старины и жизни, в этом изящном сочетании природы с искусством, Пушкин ещё на пороге юношеского возраста мог найти все элементы той строгой красоты, которой он остался навсегда верен...»

Этого мало: в Царском Селе поэта окружали памятники нашего недавнего прошлого, в нём жил ещё грандиозный и блестящий красотой наш восемнадцатый век... Не отсюда ли, не от этих ли садов, не от этих ли памятников, простых и строгих, но много говорящих сердцу впечатлительного юноши, идут те величавые образы, которые так бесконечно разнообразны на страницах его поэзии?

Как известно, родители Александра не очень заботились о его воспитании. Отец был очень строгий, легко раздражаемый, он никого не выделял среди детей. Мать же была очень доброй и весёлой, любившей свет, и она относилась лучше всего к брату Саши – Льву и его сестре Ольге. За годы учения Пушкин сблизился со своими сверстниками – лицеистами, они стали, как братья. Я считаю, его друзья также помогали развивать в Пушкине поэта. Воспитатели и профессора оказывали большое влияние на творческое воспитание юноши. Мне кажется, что лицейская жизнь – это бурный, творческий период жизни Пушкина. В то время он написал много интереснейших стихов, прославивших его и помогших найти новых друзей из круга знаменных писателей.

Семья Пушкина была небогатая и незнатная, и поэтому родителям пришлось прибегнуть к протекции влиятельного петербургского знакомого Александра Ивановича Тургенева, чтобы устроить Пушкина в Лицей. В июне 1811 года Пушкин, выдержав испытания, был зачислен лицеистом. 19 октября 1811 года состоялось торжественное открытие Лицея. На нём присутствовал царь и члены царской семьи.

*Вы помните, когда возник Лицей,
И царь для нас открыл чертог Царицын,
И мы пришли...*

На открытии Лицея также присутствовали профессора, воспитатели и сами будущие лицеисты. Из всех выступающих навсегда запомнился Куницын. Речь профессора естественных наук произвела неизгладимое впечатление. С тех пор Куницын стал любимцем лицеистов:

*Куницыну дар сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный пламень,
Им чистая лампада возжена.*

«19 октября 1825 года»

Лицей был задуман как образцовое учебное заведение закрытого типа. Воспитанники должны были провести безвыходно в его стенах шесть лет. Пушкин учился прилежно, но не по всем предметам. Он недолюбливал математику и немецкий язык. Больше предпочтения отдавал русской и французской литературе. Был необычайно чуток к русскому языку, которому придал впоследствии невиданную до него в русской литературе гибкость, непосредственность, импровизационность. Каждый профессор относился к Пушкину по-своему. Кто-то восхищался его способностями, а кто-то ругал за небрежность к предмету, за ленивость, но в то же время все считали, что, если бы у него было желание, он стал бы лучшим из лучших.

Мне очень понравились слова Жуковского, которые были сказаны после первой встречи с Пушкиным: «Я познакомился с великим человеком! Он опередит всех нас! И чтобы он достиг совершенства, нам надо всем сплотиться в единое и помочь ему в этом...»

В Царском Селе процветал культ дружбы. Но из этого не следует, что не было ссор. Между лиценстами были как дружественные, так и враждующие группировки.

Каким был Пушкин в эти годы? Вот что писал о нём Мартын Пилецкий: «Имеет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкий и тонкий, нежели глубокий ум... знания его вообще поверхностные... самолюбие вместе с честолюбием, делающее его иногда застенчивым, чувствительность с сердцем, жаркие порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотливость с остроумием ему свойственны...»

Действительно, характер юного поэта был противоречивый и сложный. И он сам знал об этом. Вот что он позже писал о том времени:

...Порой бывал прилежен,
порой ленив, порой упрям,
порой лукав, порою прям,
порой смирен, порой мятежен,
порой печален, молчалив,
порой сердечно говорлив...

Его друг Иван Иванович Пущин впоследствии отмечал в своих воспоминаниях «Записки о Пушкине»: «Мы все видим, что Пушкин нас опередил, многое прочёл, о чём мы и не слыхали, всё, что читал, помнил, но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказывать и важничать... В нём была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то и другое невпопад, что тем самым ему вредило... главное, ему недоставало того, что называется талантом». Из этих воспоминаний следует, что, по мнению Пущина, у Пушкина той поры отсутствовало чувство меры.

Александр Сергеевич любил также французский язык, он его знал ещё с раннего детства. Когда ему было 8 лет, он уже много перечитал французских книг.

«Страсть к поэзии, — вспоминал брат Пушкина Лев Сергеевич, — проявилаась в нём с первыми понятиями; на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии».

Также маленький Саша любил разыгрывать свои пьесы. Автором и актёром был он сам, а за публику и заодно и за судью была его старшая сестра Ольга.

И в Лицее в свободное от занятий время проводились литературные игры. Это могло быть коллективным сочинением сказок: один начинал, другой подхватывал, третий придумывал финал. В таких играх заводилами выступали близкие друзья Пушкина: барон Дельвиг, Кюхельбекер, сам юный поэт, а также Илличевский и Яковлев. Так определилась одарённая группа лицеистов, в которой Пушкин занял первое место. «Не только в часы отдыха от учения в рекреационном зале, на прогулках, — рассказывал его товарищ С. Комовский, — но нередко в классах и даже во время молитвы Пушкину приходили в голову разные вымыслы, и тогда лицо его то омрачалось, то прояснялось, смотря по роду дум, кои занимали его в эти минуты вдохновения. Вообще он жил более в мире фантазии. Набрасывая же свои мысли на бумагу, где мог, а чаще во время математических уроков, от нетерпения он грыз обыкновенно перо и, насупив брови, надувши губы, с огненным взором читал про себя написанное.»

Я не думаю, что лицеисты отличались большой серьёзностью, каждый человек в детстве большой озорник. Сохранилась одна забавная запись о проделках лицеистов. Оказывается, царь жаловался директору Лицея Энгельгардту: «Твои воспитанники... снимают мои наливные яблони...».

Об этом сам Пушкин пишет позже в своих стихах: «И прыгал в сад через забор...»

То, что яблоки были царские, очевидно, придавало им особый вкус, а поход за ними — опасность.

Наиболее впечатлительным периодом для лицеистов стало время Отечественной войны 1812 года. Некоторые из них хотели воевать за свою родину, но они были ещё слишком молоды. Поэтому лицеисты могли только провожать гвардейские полки, проходившие мимо Лицея, читать газеты, в которых говорилось о ходе войны, переживать за поражения и радоваться за победы, а также писать стихи, передавая через них свои переживания, чувства. Позднее Пушкин написал:

*Вы помните, текла за ратью рать.
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто мимо нас шёл умирать.*

«Жизнь наша лицейская сливалася с политической эпохой народной жизни русской, — вспоминает И. Пущин, — приготовилась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо Лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечной молитвой, обнимались с родными и знакомыми, усатые гвардейцы bla-

гословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита!.. Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции, Каманский читал их нам громогласно в зале. Газетная комната никогда не была пуста, в часы, свободные от классов, читались наперерыв русские и иностранные журналы. Профессора приходили к нам и научили нас следить за ходом дел и событий. Таким образом, мы скоро сжились, свыклись. Образовалась товарищеская семья.»

В основе лицейской дружбы лежало чувство особой близости, которое было основано на неподдельном патриотизме, на горячей любви к матери – России. Этую общую любовь, рождённую общенародным духовным подъёмом 1812 года, лицеисты пронесли через всю жизнь:

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных уз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счаствие куда бы ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.*

Через несколько лет война закончилась победой, оставив неизгладимый след в памяти всего русского народа, а лицеисты продолжали учиться.

Из лицейской жизни Пушкина у меня больше всего запечатлелось в памяти встреча поэта с Державиным. Хотя уже в 1814 году в журнале «Вестник Европы» было напечатано его первое стихотворение «К другу стихотворцу», но подлинный триумф ждал его на пороге второго трехлетия его обучения в Лицее. Пушкину было задано к дню публичного экзамена по русской словесности сочинить оду «Воспоминания в Царском Селе». На экзаменах присутствовал патриарх русской литературы, признанный мастер одического жанра Г. Р. Державин.

Вот как вспоминал это событие сам Пушкин: « Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее, как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались... Державин был очень стар. Он был в мундире и плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подёрши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы обвисли: портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен по русской словесности. Тут он весь оживился, глаза заблестели; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочёл мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух ша-

гах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошёл я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил своё чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел обнять... Меня искали, но не нашли... »

Елена БЫКОВА (с. Альшанка Екатериновского района)

А.С. Пушкин — мой друг и учитель

...Пушкин всегда таков, каким он нужен новому поколению читателей, но не исчерпывается этим, а остаётся чем-то большим, имеющим свои тайны, чем-то загадочным и зовущим.

Ю. Лотман

Я обыкновенная девчонка, учусь в десятом классе, но, может, чуть-чуть не современная, потому что не люблю бестолковых тусовок, шумных компаний. Поэтому у меня нет настоящих друзей. Так считают мои одноклассники. Но это не так. У меня есть друг, настоящий друг. И пусть я никогда его не видела живым, но он всегда рядом, он живёт в моём сердце.

Его портрет стоит на столе в моей комнате.

Ясный и мудрый взгляд задумчивых светлых глаз несколько насторожен, спокойная поза со сложенными на груди руками. Поэт нахмурен, рот напряжённо сжат, изгиб губ выражает горечь.

Этот портрет написан прославленным русским художником Орестом Адамовичем Кипренским. «Лучший портрет сына моего тот, который написал Кипренским», — так считал отец поэта. А А.И. Гончаров вспоминал:

«Лицо его, матовое, суженное книзу, с русыми бакенбардами и обильными кудрями волос — врезалось в мою память...»

Александр Сергеевич Пушкин. Мой Пушкин. Кто не знает это имя великого и выдающегося поэта.

«Наша память хранит с малолетства весёлое имя: Пушкин. Это имя, этот звук напоминает собой многие дни нашей жизни». Удивительно верные слова нашёл Александр Блок для выражения сущно-

сти творчества Пушкина, его солнечной жизнеутверждающей поэзии.

Первое моё знакомство с поэтом было ещё в раннем детстве. С детских лет я полюбила мир пушкинских сказок.

*У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.*

Его сказки чаровали меня, я могла слушать их часами. И как только смолкал бабушкин голос, я всегда просила: «Ещё! Ну, пожалуйста, расскажи ещё».

*...Рассказ живой и простодушный
Он сохранять в стихах умел,
И вечно, музыке послушный,
Роскошный стих его гремел.
Огнистый, полный чувства, силы,
Врезался в памяти легко...*

Благодаря этому удивительному человеку я окунулась в мир волшебных народных сказок и песен, старинных былей и небылиц, пословиц и поговорок. А ведь когда-то много-много лет назад маленький Саша Пушкин сам заслушивался сказками своей няни Арины Родионовны Яковлевой.

*От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы...*

Пленительные старинные предания и былины, рассказанные няней, хранительницей народной мудрости и фантазии, Александр Сергеевич превратил в замечательные поэмы и песни, которыми все мы, и дети, и взрослые, зачитываемся сегодня.

*Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон...*

Что за чудо эти сказки!

С ними я росла, училась у героев справедливости, честности, добру. Они помогали мне отличить правду от лжи, хорошее от плохого.

Ну, вот я пошла в школу. И она открыла передо мной дверь в страну «волшебных звуков, чувств и дум» великого поэта. А.С. Пушкин становится моим неразлучным спутником, милым и добрым другом.

Я часто разговариваю с ним, прошу у него совета или просто рассказываю о прошедшем дне. Он – хранитель моих секретов и тайн.

Александр Пушкин – он всегда со мной: в моих делах, в моих мыслях, в моём сердце. Для меня он больше чем поэт.

*...Нет, никому на свете
Теперь я сердце не отдам!
Из всех людей я выбрала Поэта,
Любовь и жизнь со смертью пополам.
«Вся жизнь моя была залогом
свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом»,
До гроба ты учитель мой.*

Александр Сергеевич Пушкин... Кажется, нет более близкого и понятного русскому сердцу поэта. Он несёт в своём творчестве вечную тайну, которую хочется понять, разгадать. Он умеет войти в душу каждого, внимательно и проникновенно читающего произведения великого мастера, может стать простым и понятным.

Для кого-то Пушкин – поэт-лирик, для кого-то – философ, аналитик. Кого бы ни открыла я для себя в этом человеке, верно одно: каждой, по крайней мере, русской душе необходимо его невидимое присутствие. «В нём русская душа, русский язык, русский характер», – восторгался Н.В. Гоголь талантом Пушкина.

Поэзия А.С. Пушкина обладает удивительным даром. Она как живительный бальзам действует на человека. И хотя его стихи я знаю с детства, перечитывая их через некоторое время, я открываю для себя сказочный мир его поэзии и не устаю поражаться её кристальной чистоте, ясности, одухотворённости. Поэзия Пушкина вечна, ибо она обращена ко всему прекрасному в человеке. Прослеживая судьбы героев, я учусь любить и ненавидеть, страдать и веселиться, то есть – жить.

Действительно, в стихах Александра Сергеевича можно найти всё: и реальные портреты времени, и философские размышления о главных вопросах бытия, и портреты вечного изменения природы, и движения человеческой души.

Пушкинское слово, ложась на бумагу, превращается в прекрасное творение, подобия которому до сих пор не создано в русской литературе.

Автор создаёт произведения тонкие, смелые, естественные, добрые, лишённые фальши. И русская душа просто не может не увидеть, не почувствовать эту теплоту его творений. Своим слогом, чистым и сильным, поэт пробуждает лишь глубокие и искренние чувства. Нельзя не согласиться с В.Г. Белинским, что, читая творения Пушкина, «можно превосходным образом воспитать в себе человека». Каждая строчка

поэта «дышил» любовью к прошлому своего народа, к людям, к жизни. И мы чувствуем эту всеобъемлющую любовь, этот живительный источник оптимизма, веры в будущее и в свои силы.

У Пушкина есть стихи, доступные человеку любого возраста, любой социальной группы, жителю любого уголка Земли.

*Шумит кустарник... На утёс
Олень весёлый выбегает,
Пугливо он подножий лес
С вершины острой озирает,
Глядит на светлые луга,
Глядит на синий свод небесный
И не днепровские брега,
Венчаны чащею древесной.*

При кажущейся простоте пушкинский слог полон изящества, скрытой гармонии и глубокой мысли. Его поэзия дышит любовью — тем прекрасным чувством, ради которого стоит жить и творить:

*Пускай увенчанный любовью красоты
В заветном золоте хранят её черты
И письма тайные, награды долгой муки,
Но в тихие часа томительной разлуки
Ничто, ничто моих не радует очей,
И ни единый дар возлюбленной моей
Святой залог любви, утеша грусти нежной,
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.*

И мне не кажется удивительным, что стихи, написанные двести лет тому назад, звучат сегодня актуально, не потеряв своей прелести. Пушкин — гений, его стихи не стареют от времени, они становятся ещё прекраснее, изысканнее, «настаиваясь» на времени.

Анализируя творчество Пушкина, можно сказать, что его поэзия многогранна. Она наполнена предчувствием и желанием перемен; тоской по безвременно ушедшим друзьям; философскими размышлениями о бытии, но в первую очередь полна вдохновенной любовью, которую поэт не в силах держать в себе.

*Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с неё нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!*

Любовь для А.С. Пушкина — высокое гуманное чувство, которое вносит гармонию и красоту в человеческие отношения. Для поэта любовь — это источник жизни. Без любви человек мёртв.

*В глухи, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слов, без жизни, без любви.*

И он прав, я считаю, способность любить всегда должна быть в человеке («И сердце вновь горит и любит – От того, что не любить оно не может»), она является залогом его воскресения. Только любовь – знак того, что человек живёт настоящей полной жизнью, знак «пробуждения души».

*И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.*

Одно из самых моих любимых произведений Пушкина – это стихотворение «Я вас любил...», которое было написано в 1829 году.

В нём поэт рассказывает свои искренние и до того чистые чувства, что невольно восхищаешься его душой и сердцем. Сердце человека, любившего бескорыстно, не требуя ничего взамен, должно быть бездонным. Благородные чувства по отношению к любимой, но не любящей его женщине вызывают у меня преклонение перед чистым и нежным гением Пушкина. Чувство ещё не угасло в поэте, оно продолжает властвовать над его сердцем. Но он не желает печалить любимую, её душевный покой ему очень дорог. Отсюда и лёгкая грусть, которой пропитаны строки. Страстная и пылкая любовь отступает перед самоотверженностью, которая заполнила вдруг пустоту, оставшуюся в сердце Пушкина. Искренность и нежность поэта, светлое отношение к любимой женщине вызывает у меня чувство восхищения. Пушкин, неповторимый Пушкин, был способен на такую светлую, трепетную любовь, которую редко встретишь в наши дни. Он жертвует своим счастьем ради счастья возлюбленной, он желает ей быть любимой и другим человеком. Александр Сергеевич любит эту женщину неземной любовью, но любит же для собственного удовольствия, а только для неё самой. Поэт поклоняется предмету своей любви, но не требует ничего взамен своей безграничной преданности. Да, по-моему, на такое глубокое чувство способен только настоящий человек.

Читая строки автора о любви, хочешь верить, что где-то и сейчас существует такое светлое, бескорыстное чувство. А как же иначе? Ведь бессмертные творения Пушкина для того и написаны, пусть нас отделяют от них даже сотни лет. Бессмертная лирика А.С. Пушкина пробуждает в нас стремление к добру, к нежности, к любви.

Блистательный и ироничный, грустный и лучезарный, рассеянный и внимательный – Пушкин был и остается моим кумиром. Александр Сергеевич для меня «всегда открытие и всегда тайна».

Читая его произведения, я наслаждаюсь ими. Мне хочется жить, творить, любить, верить в завтрашний день. Но в чём же тайна произведений поэта? И хочется вспомнить слова А. Платонова: «В том, что за его сочинениями – как будто ясными по форме и предельно глубокими, исчерпывающими по смыслу – остаётся нечто ещё большее, что пока ещё не сказано. Мы видим море, но за ним предчувствуем океан...»

А.С. Пушкин – «поэт с многогранной душой», безгранично и преданно любя свой народ, в своих произведениях открыл родную землю в неповторимой красоте. Как настоящий живописец природы, он воспринимал её зорким взглядом художника и тонким слухом музыканта. Я считаю, что картины природы в творчестве Пушкина служат пре沃ходным средством воспитания любви к Родине, потому что можно любить лишь ту землю, ту красоту, среди которой вырос. Милые сердцу картины не забываются никогда, как никогда нельзя забыть своё детство. Природа делает человека нравственно чище.

И каждый раз изумляясь чуду родной природы, я не замечую уже, что смотрю на неё глазами своего Учителя, мыслю образами, сравнениями, которые впервые вспыхнули в его кристальных стихах. Приходит золотая осень, и я мысленно повторяю:

*Унылая пора! Очей очарованье,
Приятна мне твоя прощальная краса...
Или:
Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает.
Журча, ещё бежит за мельницей ручей,
Но пруд уже застыл...*

Я вижу в этих строках точность картины осенней природы, а ещё я слышу в них музыку. Она вливается в душу и заполняет её спокойствием и тишиной, наплывают какие-то смутные образы: медленно, кружась, падает печальный лист, танцуют блики нечастого уже солнца на шуршащих коврах в парке, и льют тяжёлые осенние дожди, и успокаивают тихие туманные рассветы. А потом, перечитывая в тысячный раз любимые строки, восхищаюсь красотой, необычайностью и свежестью слога.

«Пышное природы увяданье», – я повторяю эти слова, как бы прислушиваясь к их звучанию. Мне кажется, что автор этих строк

пользовался словами, как палитрой красок. Как искусный художник, он уверенно наносит мазок за мазком на полотно. Он наполняет слова, как потускневшие краски, новым ярким светом. Каждый мазок, каждое слово удивительно к месту, и, сливаясь, они составляют прекрасную картину. Пушкинские стихи не только красочны, но и удивительно музыкальны. Мне трудно прочесть «Зимний вечер», я могу лишь спеть его, потому что музыка романса слилась с музыкой стихотворения неразрывно. И размер другой, не «осенний», и имена «зимний», «ургюмый», «вьюжный». В нём кружатся снежные вихри.

Когда мне одиноко, тоскливо на душе, я устраиваюсь поудобнее в кресле с маленьким томиком в руках «А.С. Пушкин. Стихи» и опять перечитываю их. Мои чувства, мои мысли погружаются в тот мир, где жил мой Учитель, в мир – Пушкина. Мне не хочется ни о чём думать решать какие-то проблемы, я просто наслаждаюсь природой, я полностью отключаюсь от мира, в котором живу, я там... гуляю с Учителем по аллеям, по лугам, слушаю музыку тишины, голос ветра, шелест листьев под ногами или шёпот листьев деревьев.

*Под голубыми небесами
Великолепными коврами
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лист один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.*

Такое преображение природы, такие чудесные пейзажи создают хорошее настроение. Каждое стихотворение очаровывает меня. В этом удивительный гений Пушкина. Он словами, одними словами, ритмом и, наверное, чем-то ещё, что не дано понять никому, создаёт образ. Вся душа открывается на него и звучит музыка. И это прекрасно.

Идут года... Я становлюсь взросле, и мне открываются в творчестве Пушкина такие глубины, такие красоты, о которых раньше я не подозревала, снова и снова я нахожу что-то новое, неведомое для себя.

Действительно, у каждого возраста свой Пушкин. Как друг, как учитель он всегда оказывается рядом. Его творчество возникает передо мной в самых разных жизненных ситуациях. Не раз он говорил мне, видя грусть на моём лице:

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.*

Получается, будто поэт сам себя успокаивает. Александр Сергеевич учит меня смелости, учит не робеть перед опасностью, мужественно преодолевать трудности, которые встают на моём пути. Самые светлые, добрые и самые благородные чувства моего Учителя становятся для меня во всём примером. Пушкин делает нас всех сильнее, увереннее в защите добра и разума, человеческого достоинства, свободы. Ещё А.Н. Островский сказал: «Заслуга великого поэта в том, что через него умнеет всё, что может поумнеть».

Давно ушла в прошлое эпоха, в которой жил и творил великий поэт России. Но стоит взять книгу, и всё оживает: и Татьяна, пишущая при свете свечи своё письмо, и мечущийся Борис Годунов, и Арина Родионовна, которая дремлет у окошка со своим веретеном, и сам поэт, воссоздавший всё это, вложивший в свои произведения талант, душу, совесть.

Как-то в одной из критических статей я прочла: «Пушкин был поэтом пошлым и бесполезным...». Конечно, сейчас можно писать что угодно и о ком угодно. Но я, в свою очередь, не понимаю и только жалею тех, кто называет Пушкина поэтом пошлым и бесполезным, так как, минуя Пушкина, они в первую очередь «обижают» самих себя. Н.В. Гоголь писал, что «Пушкин – это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

А.С. Пушкин пришёл в этот мир, чтобы изменить его, сделать лучше и чище; он принёс себя в жертву во имя нас.

Прошло два века, а звезда гения славянского мира путеводно горит на небосклоне проникновенного слова, но равных ему так и не нашлось. До сих пор остаётся уникальной его способность чувствовать и быть откровенным перед самим собой, чистота и честность ощущений.

Человечество любит пушкинскую лирику за полноту восприятия жизни, вольнолюбие и гуманизм. Стихотворения А.С. Пушкина обеспечили поэту историческое бессмертие. Мне кажется, что никто не скажет о значении великого русского поэта лучше, чем сам Александр Сергеевич Пушкин:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа...*

А мне кажется, что это памятник русскому языку, русскому народу и России.

Александр ВАСИЛЬЕВ (г. Саратов)

* * *

Что связывает нас с тобой,
Курчавый правнук арапчонка?
Смеётся на бегу девчонка,
И машет рыжей головой.

Её пенаты — Летний сад,
Её проблема — синий мячик,
Который рифмами судачит,
И всё не в лад, не в лад, не в лад.

И Царскосельские сады, —
Её приют и развлеченья,
И сушит воздух вдохновенья
Рыжеволосые вихры.

Она под бронзовым столпом
Гоняет голубей вприсядку.
Ладошки пачкает о травку,
Где он бродил, теряя сон.

Она в саду, где лицеист
Искал стыдливо взор влюблённой,
Заводит спор с травинкой сорной,
Как самый нудный моралист.

И видится в траве сполна
Её комическая поза,
Смеётся у неё мимоза
И плачет горько лебеда.

Одной дорожкой до лицея
Она идёт и не робеет
Кидать в его фонтан цветы...

Как много в детстве простоты,
Как много в детстве совершенства.

Юлия ВЕДЕНЕЕВА
(р. п. Базарный Карабулак)

* * *

Ответь, мой Пушкин, мой отец,
Борьба тяжёлых дум во мне:
Осталось что-то в глубине
Жестоких каменных сердец?

Не верю я, что злость людскую
В душе ничем не побороть,
Не мыслю я, что наша плоть
Утех лишь жаждет и ликует,

Добившись... Пушкин, ты — поэт
Души и сердца в час уныния,
В минуты радости, и ныне
Ты также льёшь спасенья свет.

И верный указав нам путь,
Душою станем чуть светлей,
Когда б мы поняли скорей,
Что в этом нашей жизни суть.

Татьяна ВЛАСОВА
(с. Новорепное Ершовского района)

Читайте Пушкина, читайте!

Читайте Пушкина, читайте
И вместе с ним любите и мечтайте!
Ах, как любил он, как мечтал о счастье,
В его стихах терпенье и согласье.
Он так хотел, чтоб стали мы добре
И мир жестокий просто пожалели.
Читайте Пушкина! В его стихах природа,
И светлая печаль, и вечная свобода.
Его стихов мелодию послушай.

Читайте Пушкина! Читайте!
И сказок детства никогда не забывайте.
В его стихах надежда, боль и сила
Как хорошо, что Пушкин есть в России!

Наталья ВОРОЖЕЙКИНА
(г. Шиханы)

Встреча с Пушкиным

Я тихо сидела в парке,
Отрешённо читала стихи.
Листья неслышно падали,
И мне не мешали они.
Смеркалось. Было чуть грустно.
В воздухе пахло дождём,
Я читала томик Пушкина
И думала только о нём.
Внезапно всполохи света
Озарились в усталых глазах.
Я увидела рядом поэта
С улыбкой на грустных губах.
Язык онемел от восторга,
Не смогла я и слова сказать.
Сердце билось часто, неровно,
И нечем вдруг стало дышать.
Я очнулась совсем незаметно...
Так нелепо пришлось задремать!
Как жаль, что такого поэта
Я смогла лишь во сне повстречать.
Подняла я забытую книгу,
Но, вздрогнув, упала рука...—
На обложке написано было:
«Ваш Пушкин, Вспоминайте меня!»

Дарья ГЕРАСЬКИНА (р. п. Екатериновка)

А.С. Пушкин в моей жизни

Александр Сергеевич Пушкин... Я не помню, когда первый раз услышала это имя. Кажется, я знала его всегда. Наверное, это так и есть, потому, что часто, баюкая малыша, мамы рассказывают или напевают им:

*Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.*

Ритм, гармония, доброта, покой исходит из этих стихов. Человек как бы получает прививку доброты и красоты. Поэтому первое для родителей: с Пушкиным человеку надо знакомиться как можно раньше, чтобы расти духовно крепким и стойким, потому что сам поэт учился этому у самого народа.

Если взять интервью у людей разных возрастов, то каждый человек вспомнит что-то своё любимое у Пушкина. Первоклассник — сказки, молодёжь — стихи о любви, а взрослые говорят, что им всё по душе. Ещё я замечаю, что неожиданно для себя, откликаюсь на разные жизненные ситуации словами поэта. Мало того, чувства выражаю его словами! Проснувшись морозным утром, глядя в окно, миллионы людей сегодня произносят: «мороз и солнце, день чудесный...» и у людей поднимается настроение. Несмотря на холода за окном.

Осенью, когда мы бежим по лесу, любуемся разноцветной листвой, сердце замирает от восторга, а язык произносит: «Прекрасная пора, очей очарованье...».

Конечно, когда погода портится, можно своими словами сказать, что идёт дождь, что тучи закрыли солнце, темнеет рано, и деревья с облетевшей листвой наводят на грустные мысли, а можно сказать, как Пушкин говорит:

*Уж небо осенью дышало
Уж реже солнышко блистало
Короче становился день
Лесов таинственная сень
С печальным шумом
Обнажалась...*

Чувствуете разницу? У поэта всё живое. У него даже печаль светлая.

Мне всегда было интересно узнать, что же такое – гений. Очень похоже на слово «гены» – механизм, передающий информацию через многие поколения. Это память о прошлом, которая рождается вновь и вновь. Прошлое человечества – это его исток: сотворение и долгий путь в этом мире. Гений понимает этот путь сердцем и пишет о самом главном для человека на все времена. Талант – это дар божий, а Бог своими дарами зря не разбрасывается.

Идут годы, столетия, мысли многих поэтов становятся не актуальными, их мир поэзии как бы отступает в прошлое, глядит на нас оттуда издалека. А есть поэты, которые рядом с нами всегда. Их очень мало и Пушкин самый близкий из них.

Вообще-то Пушкин сам целый мир. Беру в руки том с его письмами друзьям, родным, знакомым и учусь общаться с людьми. Сейчас мы не умеем писать письма. Что взять с поколения СМС. Странно: технический прогресс всё замысловатее, а наше общение всё примитивнее. Мы не делимся своими чувствами и поэтому не знаем радости понимания и сочувствия, а поэт делится. Он в двух строках выразил то, что нужно нам сегодня в нашем мире, без чего Земля и люди погибнут. Экологи кричат: не навреди, земля в беде. Христианство учит любви к ближнему.

Мир захлестнула волна насилия. Страсть к богатству любой ценой. Люди губят своё здоровье почём зря. Конечно, это всё не от Бога.

А что наш Пушкин? Он нашёл «слово». Он сегодня говорит нам, что делать в таком мире.

Сочувствие и сострадание – это именно то, что отличает человека от нелюдя. Выбирайте, и вы выигрываете. Ведь даже сажая семена в землю или рассаду на грядку, мы представляем, в какой-то мере, себя на месте этого ростка: мягко ли, тепло ли, комфортно ли ему, и урожай нам обеспечен. И так во всём. И тогда всё на земле будет прекрасно.

Прогресс – это, конечно, хорошо, но люди стали меньше читать классическую литературу, и поэтому сегодня мы имеем то, что имеем. Скоро лето, и у Александра Сергеевича день рождения. Мне хочется его поздравить стихами.

Стояло начало лета
Земля, замерев, ждала,
Чуда – рожденья Поэта.
Поэта на все времена.
Качнула берёза серёжкой,
Ветер прогнал стаю туч.

*Растёт бальзамин на окошке.
Метнулся к земле солнца луч.
В Москве величаво красивой
В затишье, пред сменой времён
Родился Поэт твой, Россия,
Под тёплый малиновый звон.*

Вера ГЛАВКО
(с. Багаевка Саратовского района)

Чёрная речка

Утро встаёт обречённое.
Ветер несёт грусть.
Едет на речку Чёрную
В чёрные руки Русь.

Встанет под крики воронов,
Пуле, подставив грудь.
«Разве такой вздорною
Смертию я умру?»

Холод пройдёт под кожею.
И ужаснётся век.
В снег упадёт подкошено
Избранный человек.

Бич ли ты Божий над душами?
Кара ли ты небес?

Кем ты себя, надущенный,
Превозомнил, Данте?

Суд тебе высшими сферами,
Путь тебе — вечный страх,
Участь тебе — Агасферова,
Слава тебе, Герострат.

Как с тебя Богом спросится,
Нам не дано узнать.
Только к одру не бросится
Выплакать горе знать.

А перед домом Пушкина,
Глядя с тоской на вход,
Общей бедой оглушенный
Будет стоять народ.

* * *

Всё равнодушно поглощает Лета.
Но в этот раз, шагнув через провал,
Приняв на руки мёртвого поэта,
Господь в обиде вознегодовал.

«Безбожники лукавые, покайтесь!
Вам за него придётся отвечать.
Ведь сказано вам было: истребляйтесь,
Не тронув тех, на ком моя печать

Я лучшего отдаю вам серафима,
Вдохнув в него любовь свою и глас.
Раз гибель их от вас неотвратима,
Не будет больше Пушкина у вас».

Дмитрий ГОЛОД (г. Саратов)

О дуэлях

Дуэли смысл от нас сейчас далёк...
Вам объяснит юрист любой без колебанья,
Что каждый, в ком есть разум и сознанье,
За мирность и закон костьюми бы лёг...

Вполне возможно, правда в тех словах,
Ведь побеждай всегда кто духом выше,
И у Дантеся б ничего не вышло,
Мартынов не остался бы в веках...

Но почему тогда все эти люди —
Поэты: Пушкин, Лермонтов подчас
Стихами в бой подталкивают нас?
Иль дикарями мы считать их будем?

Как не крути, призыв их незаконен,
Хотя порою думает любой —
Дорога Правил с Честности тропой
Так редко сходится... Но кто же тут виновен?

Мы чтим Закон... Пусть не всегда, но что с того?
Не сложно нашим войнам дать оценку:
Дуэли наши — стенкою на стенку...
Иль даже хуже — все на одного...

* * *

Пройди немного в стороне
Свинца бездушного частица,

Он не лежал бы на земле...
А что? Могло и так случиться!

И новые литые строки
Ложились б вязью на листок —
Он больше знал, он больше мог!
Когда б ему другие сроки...

Насколько б больше волшебства,
Что прячет фраз переплетенье,
Родило бы его уменье...
Слова, как палая листва...

Нет тех томов — тех кладок из таланта,
Из тихих слов, приправленных огнём,
Которые созреть могли бы в нём,
Но не успели... Жалко, но понятно.

И лишь порою грустно мне —
Сколь многое могло роиться,
Пройди немного в стороне
Свинца бездушная частица...

Обидно, Александр!

- Обидно, Александр, вот честное слово... Обидно!
- Чёрт знает, сколько времени прошло, а ты каждый вечер начинаешь с этих горестных воплей.... Надо уметь проигрывать, Жоржик!
- Давайте без панибратства, Александр!
- Ну, уж нет! Убийцей Пушкина и проклятым Дантесом тебя пусть зовут филологи, а мне с тобой, радость моя, ещё до страшного суда куковать! Так что, уж не обессудь, будешь ты у меня Жоржиком...
- Тогда ты будешь Сашкой!
- Да хоть Шуриком!
- Всё равно обидно...
- Нытик.
- Нет, ну почему ты так? Ведь если б ты попал...
- А я бы и попал, разве тебя окрестили бы посмертно убийцей

Дантеса? Нет! В худшем случае добавили к бесконечной череде восхвалений ещё звание меткого стрелка и всё!

— А в лучшем?

— А в лучшем — даже не заметили бы. Был Дантес, и нет Дантеса. Зато есть его великолепие Александр Сергеевич! Слава ему, слава! А вот я попал. И стал Убийцей Пушкина! И без вариантов! Хотя шансов было у обоих одинаково! Почему тебе слава, а мне мордой в грязь?

— А сам-то? Кто через сорок лет после дуэли представлялся русским в Париже — «Барон Геккерн, который убил вашего поэта Пушкина»? Не ты? Вот ты свои сорок лет отгордился, а теперь мой черёд.

— Где мои сорок лет, а где твои двести?

— Зато ты первый!

— Обидно...

— Нутик!

— Если бы не твоя подслеповатая супруга...

— Да брось ты! С чего все взяли, что она могла что-то изменить? Ах, если б она присмотрелась, ах, если б он не отвернулся в этот момент! К твоему сведению я потому и отвернулся, чтобы не портить последние минуты перед дуэлью ещё и семейным скандалом, кроме лицезрения твоей прилизанной физиономии...

— Да ладно тебе! Неужели не послушался бы, если бы она бросилась на шею и стала бы упрашивать?

— Да причём здесь она вообще?! Ты что, действительно веришь, что я воевал из-за Наташки, или из-за этого дурацкого письма про орден рогоносцев?

— Ну да... А разве...

— Нет, что меня всё-таки поражало в таких эмоциональных инвалидах вроде тебя, или твоего милейшего папаши — вы просто не понимаете, что у людей бывают другие мотивы, кроме приписываемых общественным мнением!

— И чем тебе ревность и оскорблённая гордость не угодила в качестве мотива?

— Чушь это всё. Человек по-настоящему живой и счастливый не будет ревновать. Ревность это помесь из неуверенности в себе, жадности и самой подлой зависти. К чему мне поганить душу этой грязью? А уж оскорблённая гордость... Ты хоть понял, какую чушь ты сказал?

— Почему чушь? Очень даже распространённое...

— Настоящую гордость оскорбить нельзя — она сама по себе выше любых оскорблений.

— Тогда чего ж ты так рвался со мною стреляться? Ведь не я тебя принуждал...

— Это точно. Рисковать собственной шкурой — занятие гораздо менее привлекательное, чем великосветское размазывание помоев...

— Нет, ты ответь! Если ты такой же живой и все наши, как ты выразился «помои» твоей гордости как с гуся вода, тогда какого рожна тебе было надо? Я ведь тоже от твоего геройства пострадал! И ведь стрелял, подлец! А должен был стоять с опущенным пистолетом и ждать...

— Он стоял! Он ждал! О, прекрасный пример доблести! А кто боком повернулся и рукой прикрывался?!

— Так ведь своей рукой... Ты ещё скажи, что я пуговицу специально подставил!

— Вот о чём ты сейчас плачешься?

— Обидно...

— Ох, и морока мне с тобой...

— Так ты не ответил, за каким чёртом ты полез стреляться?

— Трудно с тобой говорить, Жоржик... Ты слова вроде бы те же говоришь, а осознания под ними и нету... Вот ты слово «любовь» знаешь?

— Знаю.

— Ни черта ты не знаешь! Ты знаешь худосочное сочетание звуков, затёртое, замусоленное и заплётанное тысячью поэтов и мириадами графоманов и бездарей! А всей полноты этого чувства ты не знаешь! Ты понятия не имеешь, что значит произносить это слово, из всех сил стараясь ничего не чувствовать, потому что знаешь — за хрупкой стеной твоего разума беснуется целое море страсти, страха и желания, и ты понимаешь, что чуть ослабь узду и сойдёшь с ума, взорвёшься изнутри, и что будет дальше, не знает никто! Твоя любовь — это вялое вожделение, примочки из чужих слёз на твою ушибленную гордость и очередной женский скальп в ягдаше, который потом всё равно окажется дешёвым париком... Но ведь дело не в тебе, Жоржик! Не в тебе одном, верней. Дело в миллионе Дантеев, из которых ты ещё самый честный. Дело в том, видеть и двигаться в гнилом тумане, творимом вашим дыханием, втройне сложней, а ещё сложней в этих поганых испарениях жить!

— Ну, знаете, Александр! Вы забываетесь!

— Видит Бог, я пытался бороться с вами словом и пером, но как переубедить словом глухого, не умеющего читать? И, что самое забавное, все мои прочие чувства меркнут перед жалостью к вам...

— Нужна нам твоя жалость!

— Не нужна. И это самое грустное. Вы, как утопленники, никогда не дышавшие воздухом и отрастившие жабры. Изредка в жизни вы по недомыслию глотаете кусочек чистого морского воздуха, и он обжигает ваши жабры. И вы в испуге бросаетесь вниз. На дно. В тишину чистого разума и в ледяной покой вашего молчаливого сердца, которое и билось-то за всю жизнь раз десять-пятнадцать, не больше... А чтобы никто не догадался, что вы все умерли еще в детстве, вы учите волшебные слова «любовь», «честь», «счастье» и стараетесь говорить их почаше... И вас безумно жаль только за то, что вы не знаете их истинного значения... Жоржик! Ты чего? Да что с тобой?! Еще плачущих баронов мне тут не хватало! Что с вами, Данtes!

— Мне... Просто... Обидно, Александр.

Наталья ГОРОБЦОВА (с. Александровка Советского района)

Уроки Пушкина

Есть в истории России имена, при упоминании которых испытываешь радость и гордость, потому что это твои сограждане.

Пушкин — в их числе. Да, Пушкин принадлежит к замечательной плеяде писателей, составивших славу России.

Я не помню, когда узнала имя поэта, его произведения. Иногда кажется, что я знала его всегда, потому что с детского сада слушала его сказки и учila стихи, позже, в школе, читала его повести и романы. Сегодня Пушкин для меня — часть моего духовного мира, интеллектуального багажа.

Поэт Пушкин может быть разным: грустным и весёлым, сердитым и добрым, лукавым, мудрым, озорным... И всегда искренним!

*Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день. Как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.*

На первый взгляд, неброская пейзажная зарисовка. Но есть в ней что-то магическое, притягивающее, потому что хочется вновь и вновь повторять знакомые строки.

В этом магическом очаровании — тайна поэта. Я вглядываюсь в знакомый пушкинский портрет: огромные выразительные глаза, взгляд, устремлённый в будущее... Обычный портрет человека.

Необычны его творения, адресованные всем и каждому, волнующие и юного читателя, и убелённого сединами.

Пушкин одинаково дорог всем.

Что значит для меня Пушкин?

Мой Пушкин — учитель. Он научил меня ценить дружбу. Лицейские друзья остались верны ему до последних мгновений жизни.

Эти замечательные стихи посвятил поэт друзьям:

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью муз.*

Истинная дружба испытывается на прочность жизненными трудностями. Друзья помогли Пушкину пережить горькие минуты ссылки в Михайловском. Находясь там, вдали от друзей, поэт тоскует. И вдруг ранним утром у его крыльца зазвучал дорожный колокольчик:

*Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор единеный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.*

Опального поэта посетил И. Пущин. В жизни Александра Сергеевича будет ещё немало трудностей и тревог, пережить которые помогут друзья, и сам поэт свято берёт память о лицейском братстве.

Мой Пушкин — труженик, а не «гуляка праздный».

Читаю в книге с Гейченко «Пушкиногорье»: «Его спасла работа».

И ещё: «Он пришёл к простым людям, и они пришли к нему. Он полюбил их, и они полюбили его. Перед ним раскрылся мир неизданного, мир народного творчества».

Мой любимый поэт удивительно близок к народу.

За год до дуэли А. Пушкин писал графу Репину: «Как дворянин и отец семейства, я должен блюсти честь и имя, которое оставлю детям».

Честь и имя — вот что он оставил детям, вот о чём он беспокоился перед дуэлью! Это самое ценное!

Пушкин преподал мне урок нравственного достоинства, верности семье, гордости. Да, он погиб на дуэли. Но остался в памяти потомков человеком чести, совести, благородства души.

Лучшие его герои верны чести. Пётр Гринёв, Маша Миронова...

Откуда в юной Маше столько мудрости? В ней совершенно нет расчёта, нет корысти... Искренность, верность слову, разумность – эти качества делают её по-настоящему красивой.

Бессспорно, молодёжи XXI века есть чему поучиться у героев А. Пушкина.

Любовь... Загадочное, волнующее слово... О ней писали Петрарка, Шекспир, Фет...

Шедевром любовной лирики А. Пушкина стало стихотворение «Я вас любил...» Его герои умеют не только красиво любить, но и красиво расставаться... Любовь – чувство хрупкое.

Пушкин учит, как оставаться человеком, если тебя разлюбили, как возвыситься над обидой...

*Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.*

Есть ещё одна черта нравственного облика поэта, которая мне очень дорога, – уважение к истории, к прошлому. Мы живём в такое время, когда многое переосмысливается, иногда «белое» объявляется «чёрным» и наоборот. Трудно бывает разобраться в той или иной ситуации, оценить того или иного исторического деятеля.

Пушкинская «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» ставит всё на свои места. Родину принимают такой, какая она есть. И делами доказывают своё к ней отношение.

В творчестве А. С. Пушкина соединились лучшие человеческие черты.

В его поэзии и прозе можно найти ответы на многие вопросы, нас волнующие.

В 2009 году Россия отметит 210-летие со дня рождения поэта, который и сегодня «живее всех живых». Поэт сам предсказал свою судьбу:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал...*

Каждое новое поколение, каждый человек открывает своего Пушкина.

Пушкин – бессмертен.

Юлия ГОРСКАЯ
(р. п. Самойловка)

ПОСТСКРИПТУМ К РОМАНУ А.С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Евгений поражён отказом,
Душою не спокоен он.
Увы, он осознал не сразу,
Что любит он, а не влюблён.
И всё не ладится погода,
И день за днём, как год за годом,
—
А за окном идут дожди —
Не может без Татьяны жить.
И каждый день о ней лишь думы
—
Она как будто идеал...
Весь иссыхал, скучал и ждал,
Для них давно он словно умер.
Ему осталось лишь решить,
Что без неё не сможет жить.

И вот решил, собравшись с духом,
Что тотчас снова к ней пойдёт,
Предложит ей свою он руку,
Её у мужа украдёт.
До вечера еще есть время,
И каждый час всё больше бремя,
Так долго тянется оно,
Но всё же свиданье суждено.
Знакомый дом, знакомый зал,
Все гости собрались давно,
Но где же счастье? Вот оно,
Знакомый милый идеал.
Евгений ринулся вперёд,
Письмо ей тайно отдаёт.

Письмо Онегина
к Татьяне

Я умоляю вас, не жгите,
Не прочитав, это письмо
(как моё сердце сожжено...)
Вы до конца его прочтите.
Я знаю, вас я недостоин,
Но смею я с судьбою спорить...
Ведь вы же любите меня?
И знаете, душа моя,
Что только вами я дышу,
Без вас мне нету смысла жить.
Я, как и прежде, вас люблю
И не смогу уже забыть.
И вместе быть — наша судьба,
Вы знаете, она права.
Зачем же мы вдвоем страдаем?
Зачем печальней каждый день?
И вы, и я бледны, как тень.
Зачем судьбы мы избегаем?
Имеет ль жизнь для вас значенье?
Но можно избежать мучений —
Сегодня ночью ровно в пять
Я у ворот вас буду ждать.
Мы только вместе будем рады
Жить, не испытывать нужды.
Мне, Таня, только вы нужны.
Преодолеем все преграды.
Ну что ж, до встречи! Буду
ждать,
Любить, надеяться, скучать...

Смятение в душе Татьяны,
Но что же делать ей теперь?
И в сердце не зажили раны,
И без любви ещё болней.
«Нет, не пойду, я не должна...» —
С тревогой думала она.
С трудом, но всё-таки решила,
Что смысла жизнь она лишила.
А время скоро будет пять —
Сопротивляться нет уж сил.
В письме Евгений ей внушил
Не потерять его опять,
Но вот решенье приняла:
Он ждёт, пойти она должна.

И вот столкнулись снова взгляды.
Не стали времени терять,
Решили вместе убежать
И навсегда оставаться рядом.
И солнце поднялось на небо,
А дождь прошёл, как будто не
был...
Не обращаем мы порою
На дни, которые весною
Были подарены, вниманья...
О, как прекрасно это время!
И забываются страданья,
Спадает с сердца тяжесть, бремя.
Вновь слышны птичьи голоса
И ввысь взмывается душа.

На месте время не стояло.
И пролетели день за днём —
И с солнцем, с проливным до-
ждём,
С любовью сердце трепетало,
Но стал Евгений понимать:
Чего-то стало не хватать.
Как будто что-то изменилось,
Но что же всё-таки случилось?

Совсем не то душа Татьяны,
Что видел лишь недавно он,
Всё пролетело, будто сон,
И нет уж той смиренной дамы,
И нету тайн в её душе...
Он разлюбил её уже...

Но как сказать? Онегин видит —
Татьяна любит лишь его...
Себя за это ненавидит,
Не может сделать ничего.
Но выхода не остаётся,
И он во всём ей признаётся.
И на щеках Татьяны слёзы —
Ведь для неё это серьезно!
Она так много потеряла —
Всё для того, чтобы быть лишь с
ним,
И без него ей свет не мил.
Зачем она о нём страдала?
Зачем так тяжело любить
И как теперь на свете жить?

И что Татьяне остаётся?
Лишь только ехать в отчий дом.
Но как туда она вернётся?
И как её воспримут в нём?
Покинуть мир — ужасный грех.
Но жить не может среди всех
Людей, которых предала,
Уж лучше б в мир иной ушла...
Но всё ж отправилась домой
И прошептала пару слов:
«Прости, прощай, моя любовь»,
А в мыслях: «Нет, уже не мой...».
Но дома ждали уж давно —
Им вместе жить не суждено.

Светило солнце, пели птицы,
А на лугах цвели цветы,

Но в сердце боль не прекратится,
Прервались навсегда мечты...
Но дома не нашла покой,
Была поражена бедой.
Быть может, Бога разозлила?
И вот лежит, едва жива, —
Ни слова, бледное лицо,
Всё бредит, видит страшный сон.
Проходит час и тишина...
И все страдания прошли —
Оставила наш мир она.

Так очень часто происходит.
Наверно, жизненный закон:
Что человек, который любит,
Он на страданья обречён.
И не имеют права люди
Решать за всех чужие судьбы,
Как это сделал наш Евгений.
Наверное, думал, что он гений.
И вот в душе бедной Татьяны, —
Быть может, даже и любя, —
Оставил место для себя...
И без того большие раны,
Увы, не скоро заживут,
Лишь, может быть, когда-нибудь...

Но всё-таки, когда случайно
К нему известие пришло,
Душу его (для всех не тайна)

В огромный ужас привело.
И как же дальше ему жить?
Ведь этот грех не искупить.
Едва подумал — решено,
Спасение всего одно.
Так больше невозможно жить.
Любить не будет никогда,
Про всех забудет навсегда
И церкви будет он служить.
Всё состояние своё
Он нищим отдал. Вот и всё.

Пусть говорят, что время лечит,
Не верьте, это всё не так,
А сердце навсегда калечит.
Казалось бы, совсем пустяк.
И вот последние слова:
Любовь бывает не права.
А что ж Евгений? Год прошёл —
Из церкви навсегда ушёл.
С тех пор его никто не видел,
Ходили слухи, что женился,
Быть может, он опять влюбился?
Не буду врать, чтоб не обидеть.
Не буду глубоко вдаваться.
Ведь надо вовремя расстаться.
Увы, пора, и это точно,
И я на этом ставлю точку.

Александр ДИВЕЕВ (г. Ртищево)

Диалог

*Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А перед нею разбитое корыто.*

А. С. Пушкин

«Твоей нероптной судьбе
Дарил одни страдания.
Теперь исполню я тебе
Любые пожелания.

Забудь земное здесь – табу,
Уверуй в мысль. И более –
Ты можешь изменить судьбу.
Переписать историю».

«Ты эти сказки, побожись,
Придумал, не для смеха ли?»
«Я есмь Путь, Истина и Жизнь.
Так что, мой раб, поехали»

«Хочу, чтоб голоса детей
Звенели серебристые.
Чтоб души, помыслы людей
И небо – были чистыми.

Чтоб мама, жданок вкус храня,
– Светлей не надо праздника –
Не на погосте бы меня
Ждала – у палисадника.

И чтоб дух жизни не исчез
Над ветхими избушками.
И пусть Каплан, а не Данте,
Стреляла б слепо в Пушкина...»

Внимал словам бесстрастно Он.
«Исполню, что обещано...»

Рассвет. Будильник. Ну и сон!
Как жаль, что не был вещим он.

Марина ЕЖОВА
(п. Горный Краснопартизанского района)

Мой Пушкин

Скажите, милые подружки,
Лежит у вас ли под подушкой
Заветный том, чей автор Пушкин?

Он в бурном жизни океане
Как остров славного Султана,
Подобно рыбке золотой
Поможет справиться с бедой.

Вот закапризничал сынишка.
Мы открываем чудо — книжку:
«У Лукоморья дуб зелёный, златая
 Цепь на дубе том...»
И сказка тихо входит в дом.

Иль загрустила дочка рано,
Совсем как Ларина Татьяна:
«Вот, мама, мне семнадцать лет,
А принца что-то нет и нет!»

Ах, дочка, не торопись,
Поверь, придёт любовь, ведь это — жизнь.
Людмила дождалась Руслана,
В твоей судьбе всё будет без изъяна.

Надеюсь, скоро в доме будут внуки —
Лекарство лучшее и эликсир от скуки.
И часто, что греха таить, мечтаю,
Что книгу Пушкина внучатам почитаю.

Итог моих не очень складных строк такой:
Нам Пушкин на всю жизнь и близкий
и родной.
Любви к нему все возрасты покорны.

Спросите у седой старушки:
«Кто ваш поэт любимый?»
— Пушкин.
И девушка в семнадцать лет
Такой же точно даст ответ.

Разговор о Пушкине с взрослым сыном

«Историк Пушкин? Ну, конечно, нет!
О том, что Пушкин наш поэт
Давно уж знает белый свет!» —
Сказал мне сын и уткнулся в Интернет.

Мой юный друг!
Не ретроград я, нет,
И знаю, что нужен Интернет.
Но, всё ж, послушай маменькин совет:
Не рассуждай о том, о чём понятия нет!

Тебе сейчас в два счёта докажу,
Что с книгой я всю жизнь не зря дружу.

Такой / только, естественно, в прозе/ разговор состоялся у нас с сыном. Впрочем, это было только начало долгой беседы.

— А помнишь, Серёжка, как ты писал сочинение по «Капитанской дочке» и сказал, что крестьянская война под предводительством Пугачёва описана Пушкиным гораздо интереснее, чем в учебнике истории. Я не могла с тобой не согласиться, как и не могла рассказать о том, что историю Пугачёвского бунта поэт изучил со всей основательностью, составившей бы честь и профессиональному историку: во-первых, Александр Сергеевич поехал в те места, где происходили события — в Оренбургские степи, в Поволжье. Там он расспросил стариков — очевидцев крестьянской войны, изучил все доступные архивные материалы, записал предания о Пугачёве. Итогом этих исследований стал серьёзный труд «История Пугачёва» (царь приказал его называть «История Пугачёвского бунта»). И только после выхода

в свет этого труда, поэт или историк? Приступил к написанию «Капитанской дочки».

Сын не остался в долгу.

— А «Полтава», что повествует о событиях Северной войны, а «Арап Петра Великого» и «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» — это ведь тоже страницы истории России?

— Безусловно, сынок. Кстати, сам Пушкин считал, что писателю, наряду с живостью художественного воображения, нужны «государственные мысли историка».

Александр Сергеевич был большим почитателем автора «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, и свою трагедию «Борис Годунов» предварил следующим посвящением:

«Драгоценной для России памяти
Николая Михайловича Карамзина
сей труд, гением его вдохновлённый,
с благоговением и благодарностью
посвящает

Александр Пушкин».

На лице Сергея явно читалось недоумение: «Что, Пушкин и о смутном времени писал?»

— А как ты думал? Или не думал, потому что не читал, — не смогла удержаться от совсем неуместной вспышки раздражения, — вот возьми и почитай.

Кстати, почитать «Бориса Годунова» я бы посоветовала не только своему, но и всем сыновьям и дочерям. Это не просто занимательное, но и исключительно познавательное чтение, где образы и характеры Бориса Годунова, Самозванца, бояр (в числе которых были и предки поэта «род Пушкиных мятежный») предстают перед нами в непосредственной связи с духом и особенностями исторической эпохи.

Так, московский царь Годунов — не просто умный правитель, но и любящий отец, усталый, глубоко несчастный человек. Он отнюдь не выглядит злодеем, захватившим трон, благодаря «цареубийству». Недоказанная версия об убийстве царевича Дмитрия по заказу Годунова заимствована Пушкиным из «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина. Из этого же источника был взят и практически весь фактический материал, положенный в основу трагедии «Борис Годунов».

Но как глубоко проник поэт или, повторяюсь, историк Пушкин, в самую суть событий, происходящих на Руси в начале семнадцатого века! С предельной ясностью он объясняет причины недоверия и нелюбви народа к Борису. Да, он сокрушил родовитое боярство, приоб-

ретя в лице Шуйских, Воротынских, Пушкиных смертельных врагов: но вместе с тем был царём — крепостником. И бояре, поднимая мятеж, рассчитывают именно на эту силу, что, названа поэтом «мнение народное». И Самозванец смог «сорвать порфиру» с московского царя только опираясь на поддержку народа. А когда кредит доверия к Самозванцу оказался исчерпанным, то «народ безмолвствует», что предрекает бесславный конец Лжедмитрия.

И здесь Пушкин-историк оказался глубже историка Карамзина. Как мне хотелось рассказать обо всём этом сыну, имея «все козыри на руках», благо, что увесистый том сочинений А.С. Пушкина лежал перед нами. А вот «Историю...» Карамзина надо было поискать в шкафу.

Всего несколько минут понадобилось, чтобы найти искомое, но вернувшись из своей кратковременной «экспедиции по книжным полкам», я обнаружила Сергея с книжкой в руках. Моего возвращения сын не заметил... Можно ли было на него обижаться? Более семи лет истории государства Российского широкой и пёстрой панорамой проходят сейчас перед его глазами, волнуется «как море - окиян» эпохи «многих мятежей».

А наш разговор ещё не окончен. Продолжение следует...

**Эдуард ЕЛШАНСКИЙ
(г. Балашов))
диплом второй степени**

Слово о поэте

Начало девятнадцатого века.
Период яркий, бурный, возбуждённый.
Немало перспектив для человека
Он открывал в России пробуждённой –
Прозревшей и очнувшейся, как в чуде...
Какое время и какие люди!
Был изгнан из страны Наполеон,
Мечтали о свершеньях декабристы,
Великою победой озарён,
Струился над Россией воздух чистый,

И символично: в свете этих лет
Рождается Великий наш Поэт.

И с детства каждый в Пушкина влюблённый,
Не пряча на своём лице улыбки,
Читал «У Лукоморья дуб зелёный»
И сказку мудрую «О рыбаке и рыбке».
Росли, взрослели, старились, менялись,
Но с Пушкиным уже не расставались.

Каким же был Поэт?

А был он разным.

Как разно всё — и люди, и явленья:
Одним — желанным, для иных — опасным,
Порой смешным до умопомраченья.
Чтоб подтвердить пример последний, надо
Привлечь запретный плод — «Гавриилиаду», —
Фрагмент, когда архангел Гавриил
Нахального лукавого лупил,
Тот миг, когда...
«...проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес грешил...
Лукавый пал, пощады запросил...»¹

Напомним, что писал сие Поэт,
Едва перешагнувший двадцать лет.
Ну что ж,
«Простим горячке юных лет
И юный жар, и юный бред!»

Прекрасно, если музा молода,
Прекрасны люди с юными сердцами!
А Пушкин окружён бывал всегда
Восторженными пылкими «юнцами».

¹ Здесь и ниже в кавычки заключены фрагменты из стихотворений А.С. Пушкина, а также фрагменты стихотворений В. Маяковского «Юбилейное», А. Одоевского «Струн веших пламенные звуки...» и отрывок из поэмы В. Маяковского «Во весь голос».

Смотрите, как возвышен, ясен, прост
Его заздравный, пылкий, звонкий тост:

«Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Стремителен, неудержим, неистов, —
Он в эту жизнь ворвался, как комета.
Не зря так возбуждали декабристов
Стихи двадцатилетнего Поэта:

«Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленильного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!»

«Покуда сердце не остановилось,
Пускай стучит всё чётче и сильней!» —
И это правило чудесно сохранилось
В поэте до последних дней.
Каким накалом, болью, светом чистым
Наполнено посланье к декабристам:

«Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
...Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,

Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас...»

И в том же духе и запале
Они Поэту отвечали:
«Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли.
К мечам рванулись наши руки,
И лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард, цепями,
Своей судьбой гордимся мы.
И за затворами тюрьмы
В душе смеёмся над царями...»

Понятно, что такая переписка
Велась тогда Поэтом не без риска.
Сочувствуя всем сердцем страшной доле
Товарищем своих, он знал: нельзя
Молчать, когда друзья в неволе,
Когда в оковах верные друзья.
И получал от чуткости своей
Любовь таких же преданных друзей.

И новый штрих, что тоже очень важен:
Он был любим различными людьми.
И не напрасно Маяковский даже
Ему признался в пламенной любви.
Шагая по Москве Тверским бульваром,
Решил он пообщаться с юбиляром.
А Пушкину тогда, — расклад таков, —
Исполнилось сто двадцать пять голков!
У Пушкинских забронзовелых ног
И состоялся этот монолог:

«— Александр Сергеевич,
разрешите представиться.
Маяковский.
Я люблю вас,
но живого, а не мумию.
Навели
хрестоматийный глянец!

Вы, по-моему,
при жизни,
думаю,
Тоже бушевали...
Африканец!...»

Бушевал – до как ещё, признаться!
Бушевал – сомнений в этом нет.
Бушевал, но не был африканцем, –
Русским, ОЧЕНЬ РУССКИМ был Поэт!

И «русскостью» своею постоянно
Со щедростью одаривал людей, –
Хотя б «ту самую Татьяну...»
Но вот, что он писал о ней:

«Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном.»

Тут недалёко до скандала –
Да что ещё за вздор такой:
«Она по-русски плохо знала»?..
Татьяна?!. «С русскою душой»?!

Конечно, странно, – что скрывать...
Вот мы и скажем, не скрывая:
Так выражалась наша знать,
Родной язык свой презирая.

Лишь после Пушкина наш слог
Стал и понятен, и высок,
И всем родным и нужным стал.
Он сам об этом так писал:

«В гостиной светской и свободной
Был принят слог простонародный
И не пугал ничьих ушей
Живою странностью своей.»

И этот новый слог внедрялся, жил,
Волнуя мысли и тревожа чувства.
Да, беспримерный подвиг совершил
Родоначальник русского искусства!

И этот стиль принял без лишних слов
И разделяя пушкинские взгляды,
Росли Языков, Лермонтов, Плетнёв
И прочие из пушкинской плеяды.

...А то, что Пушкин – правнук Ганнибала, –
И сам Поэт был этим горд немало.
Гордился, не скрывая, и не зря
Любил Петра – Великого царя.
Любил! Иначе б написать не смог
О нём таких великолепных строк.
(Какая прелесть, Боже правый,
Фрагмент из пушкинской «Полтавы»!) –

«Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» – Из шатра
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Пётр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен.
Он весь, как божия гроза.
Идёт. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могучим седоком».

Откуда взялся пушкинский талант?..
То ль дан он свыше – силою небесной,
Лицей ли Царскосельский «виноват»,
Иль няни сказки, всей стране известной?..
Вновь вспомним Маяковского. Близка
Цитата из него сему «экспромту»:

«Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.
Стихи стоят
свинцово-тяжело,
готовые и к смерти,
и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных
зияющих заглавий...».

Нам очень важно здесь найти истоки –
И тут не обойдёшься без цитат.
Вот Вам литые пушкинские строки,
Что созданы сто лет тому назад:

«Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем!
Тут каждый слог заметен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем!..»

Весьма похожи эти две цитаты,
А даты их рожденья разошлись:
Нет, год рождения у них один – тридцатый,
А вот века, простите, не сошлись!

Я вовсе не хочу «стрелять из пушки»
И заявлять, что это plagiat.
Нет, просто каждый хочет ТАК, КАК ПУШКИН,

И по возможности улучшить результат.
У некоторых это получается,
А у других, признаемся, не очень.
Ну что же, не у всех она случается –
Та Золотая Болдинская осень!

...И в завершение хочу сказать одно:
Измерь историю своим пытливым взглядом.
Как велика у нас Россия, но
Кого мы с Пушкиным

могли б поставить рядом?..
Что был бы всем (подчёркиваю – ВСЕМ!)
Он дорог, подходил бы идеально?..
Вот то-то и оно! – Ведь нет совсем
Таких талантов, что весьма печально.
Печально...

Но жалей иль не жалей,
А мы сейчас предоставляем снова
Поэту в этот славный юбилей
Финальное торжественное слово!

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пинт...

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал!»

Примечание: Исполнителю по его желанию монолог можно сократить, но можно и наоборот расширить – использовать в литературно-музыкальной композиции с исполнением пушкинских стихов и музыкальных произведений по теме.

Николай ЕРЕМЕЕВ
(г. Энгельс)

Чёрная речка

Где-то морозы, метели —
Здесь, на поляне, тепло.
Чёрная Речка — место дуэли.
Много воды утекло.

Выбитых не возместили,
Сколько ушло без следа...
Участь великих в России —
Горькая чаша всегда.

Что провидение, вера?
Кто прекратит этот бой,
Кто отведёт от барьера
И от черты роковой?

День, как оплывшая свечка,
Краткой судьбы колесо.
Чёрная Речка —
Наша расплата за всё...

Светлана ЕРМАКОВА
(г. Энгельс)

Воспоминания о Царском Селе

Синева над Лицейским садом.
И, как в давнем заветном сне,
Я стою с ним сегодня рядом —
Облака летят в вышине...
Здесь всё полно им до предела.
Каждый лист — часть его души.
И, мне кажется, знаю, как пела

Муза Пушкину в лунной тиши.
Мне понятны души её звуки
В этом старом Лицейском саду!
Лист кленовый упал мне в руки...
Спой, как Пушкину, Муза, я жду!

Тайна осени

Мне осень открывает тайну,
И я, как Пушкин, напишу:
Она – «очей очарованье»...
Я убедить себя спешу,
Что мне не кажется «унылой»
Такая дивная пора» –
Земля от солнца не остыла
И золотом блестит с утра.
Я по ковру легко ступаю
И чуда или сказки жду.
Туда, где в небе дымка тает,
Я неуверенно иду.
И вдруг – берёзка на опушке,
Что мне «не можно глаз отвесть» –
Я так сказала, словно Пушкин
Со мною рядом. Где-то здесь.
И снова осень окрыляет,
И тайною меня манит;
И вновь перо брать заставляет,
И вдохновение дарит.
Но Пушкин не даёт покоя,
Когда об осени пишу:
Моей он двигает рукою,
Его словами я дышу.
«Багрец и золото» – ну кто же
Сказать ещё так верно мог!
А лучше – вряд ли кто-то сможет,
Пройдя хоть тысячу дорог.
Я лучше точно не сумею...
И повторить ему хочу:
«Великий Пушкин! Я не смею!
Ты в сердце у меня!», – шепчу...

Серьёзная шутка

Как раньше глупо умирали! –
Из-за любовниц, из-за жён...
И Пушкина мы потеряли,
Дуэлью Лермонтов сражён...
Я Пушкина, как человека,
Люблю доверчивой душой.
И, не было б меж нами века,
Могла быть Я его женой.
На Натали я не похожа:
Я – не кокетка, я жена!..
И для него тогда, быть может,
Я, как никто, была б нужна.
Ах, если б я смогла, конечно,
Попасть в тот тридцать третий год!
Дантес не пел бы мне про нежность...
Но ведь и Пушкин не умрёт!..
Всерьёз мои мечтанья эти
Не принимайте вы, друзья.
Но если б Пушкин жил столетье, –
Благодарили б вы меня!

Кристина ЕРЕМКИНА (г. Петровск) поощрительный диплом

Монета

Как вы думаете, может ли человек путешествовать во времени? уверена, что да, в своем воображении, конечно.

Однажды я во время каникул гостила у своей бабушки. У нее удивительный дом, наполненный разными интересными вещами, здесь так и веет историей. Каждый мой визит к ней заканчивается как-нибудь «открытием». Вот и в этот раз, перебирая старые вещи, наткнулась на медную монету. Монета как монета. Но год выпуска 1832. И вспомнился мне тогда рассказ Ирины Владимировны, наше-

учителя литературы. Речь шла об А.С. Пушкине. Я довольно много читала и знаю о жизни и творчестве великого русского поэта, но одна ее фраза буквально заинтриговала меня: «Возможно, что Александр Сергеевич проездом был в нашем маленьком Петровске». Я внимательно рассмотрела монету: потертая, вероятно, многие руки держали ее... А вдруг?..

Монета согревалась в моей руке, она становилась все горячее и горячее... Мне стало страшно... Я зажмурила глаза, а когда решилась посмотреть, что же происходит, то не узнала ничего вокруг. Большой холл, старинная мебель, вокруг люди, одетые не по нынешней моде... Что произошло?! Из раздумий меня вывел приятный мужской голос: «Хозяйка, у Вас есть свободные номера?». Я оглянулась, смуглый мужчина с длинными курчавыми волосами и бородой смотрел на меня. Я «онемела». Он был такой загадочный, и одновременно что-то знакомое угадывалось в его чертах... Кто же это? «Так что, сударыня? Стоит мне надеяться?». Это он ко мне обращается... Ну что ж, была ни была, будем играть по вашим правилам. Я нашла на столе книгу записи постояльцев. «Как Ваше имя?» — вопрос, как показалось, ввел человека в замешательство. «Я путешествую инкогнито, а поживу здесь до тех пор, пока мне не предоставят лошадей», — последовал категоричный ответ. «Пройдите, Ваш номер «7», — с интересом я продолжала наблюдать за незнакомцем. Было в нем что-то интригующее... Все привлекало внимание: и как он медленно ходил по скверу около гостиницы, о чем-то думал, иногда даже что-то записывал, и как разговаривал с прислугой, просто и одновременно с необычайным достоинством.

Уезжая, незнакомец расплатился на номер. Монета как-то странно обожгла мне руку... На столе остался исписанный клочок бумаги. Я медленного развернула его... Стихи... Я прочла первые строчки:

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
Светит месяц, тройка мчится
По дороге столбовой...

Как сквозь сон раздался до боли знакомый, добрый голос бабушки: «Просыпайся, моя красавица! Будем чай пить». Так это сон! Я открыла глаза: бабушка смотрела на меня своими большими глазами, на ней был фартук, и пахло выпечкой. Сон... А в руках-то у меня — монета!

Сон не давал мне покоя, я постоянно думала о том, кто этот человек, написавший прекрасные стихи.

Закончились каникулы, и вот, собираясь в школу, я листала учебник литературы, перевернула очередную страницу, на ней портрет А.С. Пушкина. И тут мне вспомнился мой давний знакомый. Так вот на кого он был похож! На Александра Сергеевича! Правда, на фотографии нет бороды. Но это точно был он. Великий поэт с усмешкой смотрел на меня со страниц учебника, как смотрел когда-то во сне.

Меня очень заинтриговала эта история. Действительно, может быть, Пушкин и вправду бывал в Петровске. Теперь я обязана в этом разобраться. В местном краеведческом музее мне сказали, что документального подтверждения нет, но все факты говорят о том, что поэт и вправду был в нашем городе. Сохранилось здание гостиницы. Теперь там жилой дом.

Я ознакомилась с трудами исследователей жизни и творчества поэта. Некоторые краеведы утверждают, что Пушкин был в Саратове, а значит, не мог не заехать и в Петровск.

Виктор Семенов приводит строки из письма Александра Сергеевича к жене: «Еду к яицким казакам, а оттуда — через Саратов или в Пензу, Языково, а далее — в Петербург». Поэта в то время очень интересовали события, связанные с пугачевским бунтом, и он путешествовал по местам, связанным с этими событиями. Конечно, поехал ли он через Саратов или Пензу — неизвестно. Но на Московском тракте был только один город — это Петровск. Есть и такие факты, что поэт путешествовал инкогнито. Может быть, поэтому он отращивал бороду и волосы?! А вы помните произведение Гоголя «Ревизор»? Помните, он пишет про маленький уездный городок на тракте между Пензой и Саратовом? А вдруг это именно наш Петровск? Вдруг это он?! Конечно, все это только догадки и домыслы...

Мне захотелось прикоснуться к истории. Я пришла к дому, где когда-то была гостиница, дотронулась рукой до каменной стены, медленно прошлась вокруг здания. По-хозяйски прикрыла распахнутую дверь подъезда, все-таки когда-то я была здесь «хозяйкой», хотя и во сне. Мало что сейчас напоминает былые времена. Но как все-таки здорово, что у нас еще есть такая возможность — слиться с историей. А сон это или явь, а может быть, путешествие во времени — судить вам. А что касается монеты, то она теперь — мой талисман.

Александр ЕРОХИН
(г. Саратов)

* * *

Под сенью лип высоких
Аллеей Керн иду,
И Пушкинские строки
Пронзают на ходу.

Вот «Чудное мгновенье»
Мелькнёт передо мной
С кем Пушкин — русский гений
Встречался под Луной.

Читал стихотворенья
И жаром щёк алел.
И вечер озаренья
В стихах запечатлел.

Ах, Анна Керн, поверьте:
Вас ждёт в стихах бессмертье.

* * *

В Михайловском
Нас, поэтов, поэтесс,
Нас, любителей словесности, —
Игналинская АЭС
К Пушкинской привозит местно-
сти.

Холм, река, сосновый бор,
Домик Пушкина в Михайлов-
ском, —
О бессмертье разговор
На прерывистом дыхании.

Вот уж, не мечтал попасть
К Пушкину на день рождения, —
А гостей набилось, страсть,
Обленили насаждения.

Леший пушкинских лесов —
Гейченко Сергей Степанович —
Подошёл без лишних слов
К няне Пушкина с тюльпанами.

Вот поэты держат речь —
Соколов, Исаев, Друнина...
— Надо Пушкина сберечь! —
Речь сказала ель угрюмая.

Любовь ЖИЗДЮК (с. Семёновка Фёдоровского района), поощрительный диплом

Детство моё

Иногда так хочется вдруг оказаться там, в мире детства своего, в селе, каких много в саратовской губернии, с символическим названием Пушкино...

Итак, я помню себя ребёнком, когда жила в маленьком домике в два оконца на улицу, на восток, где буйным цветом горит алая герань под бабушкиными «образами» – так она, бабушка Груня, Аграфена Михайловна называла свои иконы. Именно она, простая крестьянка, вложила в меня свою веру в Бога, надежду и любовь через великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Я хорошо помню заветный сундучок, где хранились праздничная одежда бабушки: из ситца и штапеля блузка да юбка, фартук и неизменно красивый большой платок, который она в войну обменяла на пяток яиц. Сверху, на платке, хранилась довольно ветхая книжка: А. С. Пушкин «Сказки». Сказкой было детство моё и жизнь моя с бабушкой, когда родители уходили на работу, а две незамужние тётушки хлопотали по дому да во дворе. Бабушка, справившись с нехитрой стряпней, бралась учить меня читать и писать. Сама она едва закончила два класса.

Как хорошо тогда нам было всем в нашем доме, куда спешили сбраться за столом к ужину. Дом был не просто какой-то пристанью, убежищем от всех невзгод земных, непогоды, он был как бы той закрытой до срока раковиной в море жизни, где свято, мудро, бережно было взлелеяно и сохранено с достоинством русской души понятие семьи, гармонии природы и человека, плоти и мысли, правды и лжи, радости, любви и уважения к старшим.

Телевидения тогда не было, и вечерами семья собиралась в доме за большим столом. Ах! как хорош был чай, заваренный на мяте да смородине. Вприкуску с кубиком сахара, он обретал янтарный, золотой чудодейственный цвет и неповторимый аромат дома, уюта, семьи и такого безмятежного детства, что, казалось, так будет всегда. Весь вечер, до самого сна, неспешно шла беседа о прошлом, настоящем и будущем: кто мы? Какие мы? Знаем ли обычай и традиции своего рода? Зачем живём на земле? Или, подобно старику из сказки

Александра Сергеевича «О рыбаке и рыбке», трудом добывая свой хлеб насущный... Или, как бабка, из той же сказки, что поплатилась за своё неуёмное желание подчинить себе весь мир земной и пучину морскую? Пушкин учил нас жизни: возлюби ближнего и добро обратимо. Мне нравились тогда все сказки Пушкина. Умное слово поэта медленно, тихо и верно, как целительный мёд, вливается в голову ребёнка, как в маленький, чистый, хрустальный сосуд. «Что посеешь, то и пожнёшь», — гласит народная мудрость. Я жаждала знаний. Мне нужно было знать всё и сразу.

Взрослые брали книги из библиотеки, читали вслух большие романы, повести, а я, по-своему, внимала услышанному.

Вечерами бабушка пряла, вязала, и вкусно пахло домашним из русской печки — бабушкиным хлебом. В большой семье я была первой и любимой внучкой, спала с бабой Грушей, и только я одна слышала в ночи родной и тихий шёпот: «У Лукоморья дуб зелёный, златая цепь на дубе том...» Тогда мне казалось, что какой-то человек, большой и сильный, открытый всем ветрам, свободный, как этот дуб, непокорённый никем, потому что его сторожит, то есть защищает «кот учёный, что ходит по цепи кругом...». Мне тогда представлялась, что у меня тоже есть защита — моя семья. То мне хотелось вдруг пойти в дремучий лес и не бояться заблудиться там, или встретить страшных зверей, которые меня, я уверена была, маленькую, не посмеют обидеть; то вдруг хотелось подняться в небо и парить там на ковре-самолёте, созерцая с интересом, наивным, детским, доселе невиданные страны-государства; то вдруг оказаться в море рыбкой золотой и исполнить своё самое заветное желание, чтобы моя мамочка жила вечно. Видя всё, что меня окружает: степной луг с тюльпанами, васильками и ромашками, жужжащих шмелей, порхавших бабочек, поющих птиц, я знала, что всё это для нас, людей, а значит и для меня. Пушкин тоже видел это небо, это солнце, и любил так, как может любить только русский человек, по-русски, по-своему!

Сказка кончится вместе с детством, но останется великая пушкинская любовь к миру, к народу своему, Отечеству. И счастья рецепт так прост у Пушкина: упорно иди навстречу мечте своей, будь терпим к тем, кто рядом, будь честным, бескорыстным, цени то, что имеешь, не растворись в мелочах, и счастье твоё будет нерукотворным, заслуженным. Умей надеяться и ждать! Копи не золото, а знанья!

Когда уже училась в школе, вновь задумалась над стихотворением А. С. Пушкина «К няне»:

*Буря мглою небо кроет
Вихри снежные кружат,*

*То как зверь она завоет,
То заплачет как дитя...*

Я никогда не забуду всё лучшее, что написал Пушкин в разные периоды своей жизни, в том числе и для детей, и свою бабушку, так мне казалось, похожую на няню поэта Арину Родионовну. Я приняла эту великую любовь к русскому языку, Пушкину из уст крестьянки, бабушки Аграфены в сельской избе под искристый треск огня в печи, скрип русской пряхи и певучий родной голос – раз и навсегда! Эту любовь не предашь, не забудешь никогда! «Всё тленно в этом мире, нетленна лишь любовь!»

Всю свою жизнь я с тихой грустью и сердечным волнением буду помнить это славное место – Пушкино...

Владимир ЗАБРУДСКИЙ
(г. Энгельс)

Образ нежный

То имя трепетной рукою
При свете пламенной свечи
Сам Пушкин, в думах над строкою,
В безмолвной выводил ночи.
Тот образ, пламенный и нежный
Сердца младые покорял
И чувства океан безбрежный
В седых мужчинах пробуждал.
Оно и нынче с уст не сходит,
Прекрасной музыкой звенит.
Зимою с праздником приходит,
Мечтой о счастии пленит.
То имя русское, простое
Звучит на весь крещёный мир,
И благодать несёт с собою,
Как добрый вестник и кумир.
В Татьянин зимний день обычно
И веселюсь я и грущу,
Но в памяти своей привычно
Тот образ пушкинский ищу.

Татьяна ЗАВАРЗИНА (с. 2-ая Быстровка Петровского района)

А.С. Пушкин – наш современник

Всё чернее та Чёрная речка...
Всё светлей моя память о том,
Кто ушёл, чтоб в поэзии вечно
Оставаться в венце золотом.

E. Нефёдов

Каждый год, шестого июня, в Михайловское, на Псковщину, со всех концов съезжаются поэты, писатели, деятели культуры и искусства, все, кому дорога поэзия. В этот день на земле великого русского поэта проходит пушкинский праздник. Люди идут в гости к живому Пушкину – величайшему поэту. Это имя понятно на любом языке. Весь мир благоговейно склоняют головы перед творческим подвигом поэта, ощущая его своим современником – незаменимым собеседником, задушевным другом.

Украинский поэт Б. Олейник утверждает, что Пушкина наряду с Шевченко в каждом доме исповедуют как национальную святыню. Подтверждением его слов служит высказывание Д. Н. Журавлёва: «Я всегда говорю: жаль, что в наших календарях не помечена красным цветом дата шестое июня. Пусть это будет рабочий день, но страница – красная. Это же день рождения Пушкина! Он дал нам всю литературу, всю!»

Изучая поэзию и прозу Пушкина, мы неустанно восторгаемся своеобразием и неповторимостью художественного мира, созданного поэтом. И каждый из нас находит в этом мире что-то своё, особенное близкое и дорогое.

Мне так отрадно думать, что в каждом истинном читателе живёт свой Пушкин... Значит, тысячи Пушкиных существуют на земле вот уже полтора века, и каждый год рождаются сотни новых Пушкиных – ведь человек неповторим. Вот я всматриваюсь в его лицо и пытаюсь понять, почему же всё-таки Пушкин стал символом русской поэзии. Почему сегодня его стихи и поэмы, драмы и повести волнуют нас, людей нового века?

Очевидно, Пушкин сумел выразить то, что неизменно остаётся в человеке, в какое бы время он ни жил. Свобода. Счастье. Любовь. Дружба... Это вечно. Всё появляется, исчезает, меняется, но всегда человек будет стремиться к свободе, искать дружбы. Ждать любви,

добиваться счастья. Это вечно, и бессмертен Пушкин, как бессмертны Шекспир, Микеланджело, Бах, Врубель, Рублёв.

Можно говорить о том, что все великие художники были гуманистами, что они глубоко национальны и их нельзя оторвать от народа, их взрастившего. Можно детально исследовать их технику, спорить о новаторстве или традиционности их произведений. И всё-таки где граница, за которой начинается гениальное? Тысячи художников на протяжении тысячелетий пытаются постичь извечные тайны внутреннего мира, выразить своё собственное мироощущение, а через него дать обобщённое изображение современного мира, современного ему человека. Многим из них рукоплещут, подражают; их произведения – нарасхват... Но проходит десятилетия – их помнят лишь в узком кругу любителей; сто лет – и имена этих художников можно встретить лишь в учебниках, каталогах...

Пушкин не тускнеет. В чём же его секрет? Где начинается великое?

Там же, где и неизмеримое, невыразимое, необъяснимое. Там, где молчат. Так молчат наедине с Природой, наедине с собой. Там, где начинается личное. Здесь начинается мой Пушкин.

Он пришёл ко мне недавно. Ранее Пушкин казался мне или архаичным, или слишком простым. Гораздо ближе был Лермонтов с его мужественным пессимизмом. Пушкин пришёл ко мне неожиданно. Мой приятель развивал память и для этого ежедневно заучивал пять пушкинских строф. Это было необычно, странно. Я взяла в руки томик.

Так начался мой Пушкин. Увидев его мужественным, жизнеспособным человеком, обладающим, несмотря на противоречия, цельной гармонической натурой, я почувствовала уважение к нему и стала открывать его для себя. Это открытие продолжается до сих пор.

Какой же он, мой Пушкин?

Прежде всего, дающий возможность выключиться временами из бурно скачущего ритма жизни, забыть ненадолго о суете.

Таков мой Пушкин. Мой собеседник. То озорной, то задумчивый, то нежный, то ядовитый... Я люблю наблюдать его подвижное лицо, ловить быстрые мысли. С ним легко и спокойно. С ним я забываю о суете, которая норовит увести от самого главного. Он мой друг, и я хочу, чтобы он был жив.

Я люблю Пушкина. И рассказала об этом, как умею. Ну а невысказанное...

Нина ЗВЕРЕВА
(г. Балаково)

Литературная композиция «Талисман»

Когда душа застынет на ветру,
И среди туч не видно Синей Птицы,
Я с полки томик Пушкин беру.
И открываю наугад страницу.

И в трепетном мерцании свечи
Реалии куда-то отступают...
И с неба тихо музыка звучит...
И я читаю:
**«Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон. Как утренний туман;»**

О, милый юноша! Как страстно я хочу,
Отвергнув опыт взрослой моей жизни,
Сказать: любое дело по плечу!
Мой труд необходим моей Отчизне!

О, я намного Вас пережила!
Другие нравы, времена другие!
Я б описать, наверно, не смогла
всего, что с Нашей сделали Россией!
Стреляли, грабили, лушили, жгли
И ни за что на каторгу ссылали...
Всё русское, что есть в ней, как могли,
Из разума и сердца вытравляли...

Где свято чтили нравов чистоту,
Махровым цветом распустилось порно,
А щедрых душ славянских широту
Заполонил бурьян пороков чёрных.

В них песен о России не поют,
А если и поют, — в них боль без края!

Я родины своей не узнаю,
А Вашу вовсе не узнаешь!

И веры, и надежды лишены,
Как пасынки немилые в семье,
Растут её сыны. Но не нужны
Они безумной матери своей!

Но в час, когда для жизни силы нет,
Когда вокруг лишь тьма — черным-черна,
« Товарищ, верь! » — я слышу Ваш завет,
И жду — Россия вспрянет ото сна!

И вознесётся над планетой всей
В полёте без опаски и без риска
Залогом — гордость, что в душе моей
И в душах мне людей родных и близких!

Я золата на полушки не меняла,
Друзьями дорожу я и горжусь!
И сколько раз в душе я восклицала:
« Друзья мои! Прекрасен наш союз! »

О, разве может кто-то лучше Вас
Душевный пламень в слово облекать,
Облечь во фразу блеск влюблённых глаз,
Огонь из сердца высекать!

Написанное так давно до нас,
Но в час небесного благословенья
Так трепетно звучит нам каждый раз:
« Я помню чудное мгновенье... »

И как светло среди земных и грешных
Любви святейшей раздаётся гимн:
« Я вас любил так искренне, так нежно,
Как, дай Вам бог любимой быть другим! »

И если кажется, любовь — обман,
Я томик Пушкина снимаю с полки,
Он — памятник, и он же Талисман,
Хранящий веру и любовь в потомках!

Свеча в оплывшем воске затухает.
И боль уходит из груди моей,
И музыка волшебная стихает,
Но свет души всё зrimей и ясней.

За этот неземной волшебный свет,
Горящий, словно Солнце, негасимо,
Идущий к нам от Вас сквозь сотни лет,—
Спасибо Вам! Сердечное спасибо!

Диана ЗОЛОТОВА
(с. Новодубровка Петровского района)

Пушкин — всегда открытие и всегда тайна

С. Гейченко

...Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.
А.С. Пушкин

Александр Сергеевич Пушкин... Кажется, нет более близкого и понятного русскому сердцу поэта. Но Александр Сергеевич не был бы тем Пушкиным, если бы не нёс в своём творчестве вечную тайну, которую хочется понять, разгадать именно тебе. Пушкин у каждого свой. Он умеет войти в душу каждого, внимательно и проникновенно читающего поэзию великого мастера, может стать простым и понятным. Это удивительно, но у Пушкина есть стихи, доступные человеку любого возраста, любой социальной группы, жителю любого уголка Земли.

При кажущейся простоте пушкинский слог полон изящества, скрытой гармонии и глубокой мысли. Поэзия для Пушкина была смыслом жизни, мировоззрением, способом общения с огромной массой людей, не только современников, но и потомков. Он знал, что его будут чтить, помнить, читать. Без лишней скромности он говорил об этом в своих стихах, работая во имя будущего, так как поэзия бессмертна — это Александр Сергеевич знал точно. Его поэзия дышит любовью — тем прекрасным чувством, ради которого стоит жить и творить.

И нам не кажется удивительным, что стихи, написанные более ста пятидесяти лет назад, звучат сегодня актуально, не потеряв своей

прелести. Пушкин – гений, его стихи не стареют от времени, они становятся ещё прекраснее, изысканнее, «настаиваясь» на времени, по выражению Марины Цветаевой, «как драгоценные вина».

Блистательный и ироничный, грустный и лучезарный, рассеянный и внимательный – Пушкин был и остаётся моим кумиром. Пушкина отличает изысканность слога, совершенство формы и содержания.

«Минута и стихи свободно потекут». Обратите внимание – «свободно»! Это ключевое слово. Даже если взять и отделить звук от смысла, сама мелодия пушкинского стиха будет звучать, как гимн Свободе. Прислушайтесь:

*Блистательна, полу воздушна,
Смычку волшебному послушна...*

– это не балерина, а чистая Муза свободной поэзии «вдруг летит, летит как пух от уст Эола». Среди множества тех «неведомых дорожек», которые исследовал Пушкин в своей поэтической жизни, познание Свободы во всех её проявлениях было магистральным направлением его творчества. Неукротимые силы природы вызывают восторг и желание поспорить с ними: море – «свободная стихия», ветер, который гонит «волны на просторе», «свободный океан». Это пора неукротимого максимализма, особенно в жажде свободы для всех и во всём: в творчестве, в любви, в политике, в природе. И чтобы как можно быстрее – здесь и сейчас! Свободы общественной поэт ждёт, как «любовник молодой минуты первого свиданья». Но мудрое взросление проходит быстро. Ссылки, страдания друзей, равнодушие народа меняют тональность размышлений поэта о свободе: «Храните гордое терпенье, – пишет Александр Сергеевич в послании к декабристам, – не пропадёт ваш скорбный труд...»

Мудрые слова – «терпенье» и «труд» – теперь стоят рядом с понятием «свобода».

Мы понимаем, что стремление к свободе не может отменить стабильность и вечные ценности.

Полную, ничем не ограниченную свободу Пушкин всё-таки находят только в творчестве:

*Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не всё ли нам равно? Бог с нами. Никому
Отчёта не давать, себе лишь самому...*

Анализируя стихотворные произведения А. С. Пушкина, я прихожу к выводу, что он ни разу не ошибался, когда говорил о свободе. Поэт просто в разное время стоял на разных ступенях лестницы, ве-

дущей к Истинной свободе. И все эти ступени важны для человека, ни одну из них нельзя пропустить.

Но главное, чему учит поэзия Пушкина, — это поиску свободы внутри себя, творческому поиску истинной Свободы человеческой личности:

Вот счастье! Вот права...

Нина ИВАНОВА
(с. Благовещенка Самойловского района)

Я хочу в моё детство

Я хочу в моё детство —
Дивный сказочный рай,
Где друзья — по соседству,
Радость где — через край.
Молодая там мама, молодой и отец.
Где, счастливые самые,
С братом мы, наконец.
Где бабуля со сказками,
Тех историй не счесть.
Сказки разные, разные,
Они были и есть.
И всегда сказки Пушкина
В деревенской глуши
Бесконечно мы слушали
С замираньем души.
Как же в то не поверить?
Сказки мир многолик.
Он для детского сердца,
Что в пустыне родник.
Этот ключ чудный, пушкинский,
Нас, детишек, поил.
Отдавал нам всё лучшее,
Он нас жизни учил.
Изучали по Пушкину.
Наш великий язык,
И учились по-пушкински
Отчий край свой любить.

Имя Пушкина – свято!
И сказать не боюсь:
Перед ним преклоняюсь,
На него я молюсь.

Лина ИГНАТЬЕВА
(г. Саратов)

Белой ночью

Межу явью и небылью где-то
Мы бродили вдоль сонной Невы.
Нам приметою раннего лета
Аромат обновлённой листвы.

Вновь чеканя узор на ограде,
Незаметно закат догорал,
И в речной отражаем был глади
Весь дворцов рукотворный хорал.

Зазеркалья глубинного блики—
Из старинной парчи лоскутов.
Завораживал город великий
Полукружьем ажурных мостов...

Здесь стихами сам воздух настоящий.
Мы плутали меж времени вех.
И хотелось нам страстно обоим
На мгновение — в Пушкинский век.

Чтоб увидеть поэта воочью
Полупризрачной белою ночью.

Татьяна ИЛЯСОВА
(с. Новоросляевка Дергачёвского района)

Источник вдохновения

Можно удивляться. В самом деле,
Отчего же осень так мила,
Что воспел в твореньях дивный гений,
Нудный дождь и слякоть у двора?

Нам ли осуждать за то поэта,
Что любил туман в лесной глухи,
День морозный с ярким солнца светом,
А не весну с томлением души.

Видно, так угодно было свыше:
Осень придавала больше сил,
Да и дождь, что мерно капал с крыши,
Только вдохновенье приносил...

Людмила ИЛЬИНА
(г. Энгельс)

А.С. Пушкину

Волшебный мир твоей рождённый мыслью
И чудным слогом своего стиха,
Как радуги цветное коромысло.
К нам мостик проложило сквозь века.
Твой детский образ с кучерявою головкой,
Свеча у няни старенькой в руках.
И кот учёный с важною сноровкой,
Являлись часто в милых детских снах.
Твоя любовь творила с нами чудо.
Касаясь нас блистающим крылом.
Мир безнадёжности неведомо откуда,
Из сказок дивных наполнял мой дом.
Был мир тот чудный близок и далёк.
В нём я себя нередко представляла.
И часто радуясь тому, что он увлёк,
Я каждой милой строчке доверяла.

Нина ИСАКОВА (с. Камышёво Дергачёвского района)

Поэт

Не спится по ночам,
Пришла бессониц череда.
Горит на столике свеча.
А в небе яркая звезда.

Задумчив, отрешён поэт,
В окно свой устремляя взор,
Он со звездою тет-а-тет
Ведёт безмолвный разговор.

Наброски, первые штрихи,
Ещё не раз всё поменяет,
И как рождаются стихи
Он сам едва ли понимает.

В такие светлые мгновенья
Поэт душой и сердцем чист.
И нет милей уединенья:
Свеча, перо и белый лист.

Елена КАЛЯКИНА (г. Саратов)

Визави

Под этим зонтом всё кажется маленьким, Малюсеньким. Крошечным. Незначительным. Короткие кварталы до дома, редкие лужи под ногами, быстрая смена настроения...

Я училась в необыкновенной школе. В школе, имя которой звучит неподражаем гордо и романтично. «Пушкинский» лицей. Лицей № 3 им. А.С. Пушкина на улице Советской.

Меня отдали учиться именно в него не случайно. Хотя он и не нашего района. Просто там ещё оставались работать некоторые учителя, которые помнили мою молодую маму школьницей — ученицей средней школы № 3. Так сказать, «территориально» мама ходила в

другую школу: просто в её детство она находилась на улице Горького. Недалеко от улочки имени Пушкина. А в моё время её перевели в здание бывшего Дома политпросвещения, в котором лицей находится до сих пор. В тот год, когда мне исполнилось семь лет, набирала себе 1-й класс удивительная по своим качествам учительница Новикова Наталья Петровна. Она было известна как очень талантливый педагог, и мне повезло попасть именно к ней.

Я росла. Мимо меня стремительно проносились времена. Сначала мне было три года, я потеряла в лифте бабушкиного дома маленького игрушечного Гурвинника. К школе я помнила наизусть всю сказку о «Царе Салтане» и с восторгом могла рассказывать её. Потом — я тем монпансье на последней парте вместе с Колей Мусисом. Это уже первый класс. Делать мне в нём совершенно нечего. Так как с доски я абсолютно ничего не вижу, а читать и считать уже умею.

Или вот я «лечу» по белым ступенькам школьной лестницы, ладонью скользя по широким перилам, считая этажи: второй — холл, он же спортзал; третий — бюст Пушкина, кабинет завуча; четвёртый — английский... Впереди наш отличник, Илюшенька Козловский. Я тебя убью, положи мой пенал на место!

Когда я начинала записывать свои стихи, у меня был план написать больше, чем собрание сочинений Пушкина. И быть ни на кого не похожей — такой, каким был Александр Сергеевич для своих современников. И, зацепившись за край истории, встретиться в будущем со своими потомками.

Конкурс чтецов. У меня первое место. Диплом победителя. Первая в моей жизни турнирная награда. Тогда я читала Цветаеву.

«Бич жандармов, бог студентов...

Пушкин в роли гробокопа?

То-то к пушкинским избушкам
Лепитесь, что сами — хлам!

— Пушкин? Очень испугали!»

Это шикарный текст, нестандартность подхода к теме в котором, очевидна. Он поражает воображение и запоминается на лету. Разбуди меня ночью, я даже спросонок расскажу его без единой запинки. До сих пор это моя самое любимое стихотворение у Марины Цветаевой.

Пушкин меня не отпускает. Мне снится, что я никак не окончу одиннадцатого класса, не сдам экзамены, даже годы спустя. Я всё хожу по этажам в поисках нужных мне кабинетов, встречая незна-

комых людей и удивляясь тотальным переменам. А в актовом зале, как всегда танцы – банальные танцы. Или репетиция мероприятий к празднику. Одному из многих – День лицея, День рождения Пушкина, День поэзии...

Я действительно рисковала окончить школу со справкой вместо аттестата. Моё гуманитарное мышление непроницаемо для точных наук. Например, ну что за глупый вопрос – с какой скоростью движется свет в пространстве – конечно же, со скоростью света!

В нашем маленьком губернском городке жизнь замкнута по спирали. Она циклично возвращается к одним и тем же точкам отсчёта. Я описываю дежурной медсестре, как выглядел врач, который принимал у меня первые роды. Она понимающе улыбается. Говорит, что это Чертухин Андрей Алексеевич. Сейчас она его позовёт, и он спустится, и мы обо всём договоримся. А я знаю эту фамилию, я слышала её на протяжении десяти лет. И вот, во вторых родах, я, наконец-то, чтобы отвлечься, решаюсь спросить, а Лёша Чертухин вам не родственник? Оказывается, сын. Так я и предполагала. Они похожи. Высокие, худощавые, глаза на выкате... В школе Лёша увлекался баскетболом. Он был самым длинным. Я была тайно в него влюблена некоторое время. А он придумал дразнить меня Звездочётом. И все симпатичные козлы нашего «А» класса орали мне – Звездочё-ёт!

Все мы родом из детства, как сказал классик. А про себя могу ещё добавить, что я «родом» из «пушкинского» лицея. Меня воспитал Пушкин. Висящий портретами на стенах, стоящий бюстом в холле, рассыпанный буквами по страницам, прочно вбитый в моё подсознание и, я верю, живущий в моих стихах.

Владимир КАРАБАНОВ (г. Энгельс)

Болдинская осень

О, эта Болдинская осень
Симфонией пришла опять,
Кружит листва, а сердце просит,
Чтоб повернулось сердце вспять.
И я б увидел те дубравы, которые воспел поэт,
Где в тишине рождались главы
Про увлеченья юных лет.

И мне б открылась та аллея,
Где он мечтал, грустил, творил,
Где об утратах сожалея,
Своих друзей боготворил.
А мне всего милей и проще
В щемящей сладостной тоске
Уединиться в тихой роще
С заветным томиком в руке.
Чтоб снова ощутить беспечность,
Забыв мирскую суetu,
Увидеть жизни быстротечность
В стихах воспевших чистоту.
Проникновенны строки эти,
Они певучи и легки.
А мне б, забыв про всё на свете,
Шептать любимые стихи.

Ольга КАРГИНА
(р. п. Турки)

Тот уголок земли

Михайловское – место ссылки Пушкина, здесь он провёл долгие годы, здесь сочинял свои бессмертные произведения. Здесь, в Михайловском, он тосковал по своим друзьям и в тоже время наслаждался общением со своей няней. Пушкиногорье... Так называется место, где покоятся прах великого поэта.

Пушкин давно вошёл в жизнь и сердца людей всех возрастов. Едва малыш начинает понимать человеческую речь, в его сознанье входит: «У Лукоморья дуб зелёный...» И каждый год в июне собираются в Михайловское и стар и млад: все, кто любит пушкинскую поэзию, чтобы поклониться праху поэта, пройтись по тем тропинкам, где ходил он, посмотреть на озера и речку Сороть, которыми любовался он. А ведь во время Великой Отечественной войны все деревни кругом были разорены. Всё жилое разбито: музей Пушкина был уничтожен. Монастырь, где он был похоронен, и его дом, и домик няни, и деревья – его современники. Долгие годы после войны на территории Михайловского находили то снаряд, то мины, то патроны...

Постепенно усадьба Пушкина обретала свой былой облик: восстановили домик няни, дом самого поэта, были посажены деревья. И вновь пошли сюда люди, потому что именно здесь в Михайловском Пушкин стал народным поэтом. Здесь он увидел труд человека, его хлеб, его корову, его могилы, услышал его песни, его сказания... Здесь, после южной ссылки, Пушкин попал в скромную деревенскую обстановку и зажил просто и скромно. Обязанности хозяйки, экономки, поварихи взяла на себя старая няня Арина Родионовна — мастерица на все руки. Река, озёра, пруды Михайловского изобиловали рыбой. В лесах — тьма тьмущая грибов и ягод! Народные предания рассказывают, что Пушкин любил сам ходить по грибы.

А любимым деревенским вареньем было крыжовенное.

В Михайловском, кроме небольшого барского дома, был ещё и домик няни. Там печка с лежанкой, кот, ставни, соломенная кровля.

*Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты моя старушка
Приумолкла у окна?
Или бури завыванье
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжанье
Своего веретена?*

Сейчас у домика няни — клён. Старый-старый. И не один теперь, а два. Они растут от одного пня: разорвавшийся снаряд разделил ствол дерева на две части.

В доме Пушкина много льняных вещей. Учёные говорят, что лён берегает здоровье человека. Тот, кто спит на грубой льняной простыне, носит льняную рубашку, утирается льняным полотенцем — почти никогда не простужается. Редко болел и Пушкин. У него кругом был лён.

Пушкин всегда любил цветы. В Михайловском полюбил их особенно. Всем сердцем он «стремился к жизни полевой, в деревню, к бедным поселянам, к своим цветам». Цветочное царство Михайловского сказочно!

*Цветы, луга, ручей живой,
Счастливый гrott, прохладны тени,
Приют любви, забав и лени.
Чем, бедный, вас я награжу?*

Дедовский сад был для Пушкина не только «приют задумчивых дриад», но и его вторым рабочим кабинетом, аллеи, дорожки, садовые

диваны, беседки, старые деревья стали для него своими. Вот, например, на этой дорожке он встречался с Анной Керн... Отсюда пришли к нему строки о «чудном мгновенье».

Перед смертью Пушкин просил жену не забывать Михайловское: побывать там с детьми, пожить среди цветов и трав, похоронить его на этой земле. Наталья Николаевна выполнила свои обещания полностью.

Михайловское живёт обычной жизнью, и сейчас как во времена Пушкина люди живут то весело, то грустно, то, страдая, то радуясь. Но все мы знаем, что именно здесь, в Михайловском, «на темну ель повесил звонкую свирель» Пушкин.

Лидия КАСАЕВА (г. Вольск)

Две строки поэта

С душой, открытой
к просветлению,
Настроюсь я на тот же лад.
Проникнусь музы откровеньем
И струны лиры зазвучат.

Стихи волшебные поэта
Звучат загадкой непростой.
Стремлюсь узнать я, что же это
Таится в тишине ночной?

И, в его тайну проникая,
Хочу сокрытое понять —
Как он сумел блаженства рая
Свою лирой открывать?

И в ожиданье откровенья
Хочу волненье превозмочь,
Хочу увидеть то мгновенье,
Как с неба павой сходит ночь.

С землёй уставшою простился
Последний, слабый солнца луч.

Жемчужным веером пронзился
Просвет среди закатных туч.

Вдоль горизонта очертился
Лес тёмной зубчатой каймой.
Шатром сверкающим раскрылся
Небесный купол надо мной.

Утихла суета земная,
А высоко, где Млечный Путь,
Возникла музыка иная,
Раскрылась бренной жизни суть.

И, растекаясь песнопеньем,
Спустилась музыкой святой.
И вот он, его светлый гений,
Зажёгся, как ночник живой!

И вот он этот миг свободы,
Романтики и праздных муз,
В безбрежность он уводит грёзы,
Снимает оковы разных уз.

Он нас уводит к откровеньям,
От нас, сокрытых белым днём,
И заполняет вдохновенье
Своим негаснущим огнём...

Всего лишь две строки поэта
Но его гений так велик,
Что удивляет своим светом
И ныне пушкинский язык!

Александр КОБЫЛИНСКИЙ (г. Энгельс)

Пушкин и осень

Как только Болдинская осень
Означит трепетную синь,
Его душа отрады просит,
Да журавлей печальный клин.

Ему опять лесов багрянец
Над уходящей вдаль тропой
Напоминает жаркий танец
Пера над быстрою строкой.

И озеро, что так богато
Лазурным отсветом небес,
Ему пророчит снова злато
Чудесней призрачных небес.

И всё спокойно в воле новой.
Недаром он, осилив грусть,
В осенней доле видел слово,
Достойное прекрасных чувств.

* * *

Невольно пушкинские строки
Я начинаю повторять.
Вновь поражает смысл глубокий
И чувства страстного печать.

«Я помню ...» в сердце плещет снова,
И восторгаюсь я опять:
Века назад как мог он, словом
Предвосхитив меня понять!

Татьяна КОНОВАЛОВА (г. Саратов)

А время гонит лошадей...
А.С. Пушкин

На мостовой

Грохочут и скрипят колёса
На мостовой, на мостовой,
А кнут в руках возницы хлёсткий, —
Так и свистит над головой.

Несутся взмыленные кони,
И слышен храп и стук копыт,
Пурга беснуется и стонет,
А время быстрое летит.

Позёмка заплутает где-то,
Колёса остановят бег,
И спрыгнет с облучка кареты
Седой уставший человек.
Опустит взгляд прямой и дерзкий,
Отбросит с отвращенье кнут,
И будет ждать, когда в поездку
Его другую позовут.

Над мостовою пыль клубится
И слышен храп и стук копыт.
Вновь соберётся в путь возница,
А время кнут ему вручит.

Грохочут и скрипят колёса
На мостовой, на мостовой,
А кнут в руках возницы хлёсткий,
Так и свистит над головой.

* * *

*Моё беспечное незнанье
Лукавый демон восхитил...
А.С. Пушкин*

О, гений разума, коварный демон!
Исчадие уловок и забав.
Как дух непримиримый твой разгневан,
Когда осознаёт, что он не прав.

Коль человеку в мире одиноко,
Его прельщает перемена мест,
Но вечности недремлющее око
Прикажет ей поднять грозящий перст.

Что ж! счастлив тот, кто не заметил
Судьбы лихой неукротимый пыл,
Кто на вопросы сам себе ответил
И искру вдохновенья сохранил.

Пусть тщетного сомнения потуги
Не возмущают тайны бытия.
Мы все в одном, едином круге,
Возьмём друг друга за руки, друзья.

И разум просветлённый будет счастлив,
И тост заздравный прозвучит не зря,
И сдвинутся бокалы в одночасье,
Не расплескав хмельного янтаря!

У Чёрной речки

Дуэль – дворянского сословия удел,
Благи порывы, объясненья кратки,
И кто из стихотворцев не смотрел
Вслед брошенной обидчику перчатке.

На веки вечные замрёт высокий слог,
И важное окажется неважным,
И дважды тugo спуститься курок,
И выстрел разорвёт пространство дважды.

Теченье судеб предопределено
За тесною кулисой мирозданья,
Безумством чувств стесняется сознанье,
Честь или подлость, и другого не дано.

Кровавый след уничтожает снегопад,
А время души лечит человечьи,
Но, кажется, по-прежнему гремят
Раскаты выстрела на Чёрной речке.

Галина КОРДЮКОВА
(г. Вольск)

ВЕЧЕРОМ СЛУШАЮ СКАЗКИ МОЕЙ НЯНИ...

...Летним днем 6 июня 1799 года в Москве, в известной семье Пушкиных, случилось волнительное событие: родился сын, которого назвали Александром.

Пушкины жили весело и открыто. В доме царил невероятный беспорядок. В одной комнате — богатая и даже роскошная мебель, а в другой — пустые стены, ни стола, ни стула.

«Многочисленная, но оборванная и пьяная дворня; ветхие рыдваны с тощими клячами; пышные дамские наряды и вечный недостаток во всем, начиная с денег и до последнего стакана», — вспоминал барон Корф, соученик Пушкина по Лицею.

И это происходило не от бедности, у Пушкиных были имения: Болдино, Михайловское, — а от барской лени. Ни домом, ни имениями никто не занимался.

Сергею Львовичу было некогда: он едва успевал бегать с бала на бал, прочитывать французские книжные новинки, следить за парижскими и московскими новостями, уснащать их каламбурами собственного производства и разносить по московским салонам. Он дорожил славой первого московского остроумца и весь был погружен в светскую беготню, сплетни, в чужие дела, а на свои у него уже не хватало времени. Поэтому все заботы о хозяйстве он свалил на руки жены, Надежды Осиповны.

Но Надежда Осиповна не меньше мужа была занята веселой светской жизнью, балами и театрами и управляла хозяйством крайне нелепо.

...А тут пошли дети: Ольга, Александр, потом Николай и Лев. О них

надо было как-то заботиться: кормить их, одевать, воспитывать. Бес-покойное дело, кропотливое, скучное, не то что балы и театры!

Да и дети были совсем не такими, какими их хотелось бы видеть родителям. Вот, например, Александр — толстый, некрасивый, губастый увалень; чрезвычайно упрям, молчалив, неподвижен, не хочет играть со сверстниками, сидит в углу и грызет ногти. Разве таким должен быть ребенок?

Надежда Осиповна принялась было за его воспитание. Она всячески старалась расшевелить его, насилино заставляла играть и бегать со сверстниками, но упрямый мальчуган убегал к бабушке и залезал в ее рабочую корзинку. Эта корзинка была настоящей крепостью, в которой он чувствовал себя под надежной защитой.

Неповоротливый мальчик подрастал в шалостях. То и дело бил он маменькину посуду, и Надежда Осиповна в гневе наказывала его. Никто не решался остановить вспыльчивую барыню — ни дядя, ни отец малыша.

Только няня Арина Родионовна прижимала к себе мальчика:

— Ничего, нам бывает и похуже: розгами высекут, да еще и продержат... Пойдемте, Александр Сергеевич, я вам сказку скажу, добрую, легкую...

Она укладывала своего любимца, принималась сказывать...

...Вот взялись они за руки и пошли куда глаза глядят. Идут, идут — видят, озеро большое, а у озера табун лошадей. Захотелось Иванушке пить, а сестрица Алена не пускает. «Не пей, говорит, братец, а то будешь жеребеночком. Потерпи, милый, до колодца...» — Няня лукаво поглядела на Александра. — Сказывать дальше али спать будешь?» «Ну что ты, мамушка! Дальше!»

...Вот идут они, идут — колодезь далеко, солнце высоко, спину пропекает, потом прошибает. Видят пруд, а у пруда стадо коров. Побежал было Иванушка к воде, да сестрица Алена опять не пускает. «Не пей, говорит, братец, а то будешь теленочком. Потерпи, родимый, до колодца».

Клубок шерсти скатился с колен няни на пол. Она, кряхтя, нагнулась, подняла и снова задвигала спицами...

...Надежда Осиповна в конце концов невзлюбила сына, махнула рукой и сдала его на попечение бабушки и крепостной няньки Арины Родионовны. Сбросив с себя обузу, она вместе с мужем Сергеем Львовичем погрузилась в светскую жизнь.

Мария Алексеевна и Арина Родионовна — эти две добрые и умные женщины и были первыми воспитательницами Пушкина. От них он научился говорить по-русски, от них он впервые узнал и нежность, и

ласку. Так и слились в памяти Александра в один ласковый образ эти две пожилые женщины. В лицейском стихотворении «Сон» (1816) поэт с любовью вспоминал вечерние часы в своем раннем детстве:

*Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеяньи,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвцах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.*

...С раннего детства Арина Родионовна рассказывала Саше сказки и пела песни, возбуждая в ребенке любовь к народному творчеству. С воспитанниками своими она обращалась запросто, называя их «пушкинёта». Нянюшкина простота поначалу была в диковинку взрослым в городском доме, где в те времена и разговаривали-то больше на французском языке.

Один из современников Пушкина вспоминал, как однажды вечером, проходя мимо детской, Сергей Львович услышал разговор и приостановился. Говорила «Аришка» – так он называл Арину Родионовну. Прислушался: няня рассказывала Саше какую-то сказку. Говорила неспешно, иногда прерывая рассказ и зевая. Заглянул: Аришка вязала чулок, а Саша сидел на скамеечке и, заслушавшись, смотрел на нее неподвижным взглядом, приоткрыв рот.

*Слабо мерцает огарок свечи,
Перемешались все краски,
Маленький мальчик в звенящей ночи
Слушает нянины сказки.
Борется Саша с назойливым сном,
Сказку дослушать охота.
Тихо. Наверно, заснул уж весь дом.
В комнатах бродит дремота.
Годы пройдут, пролетят, будто миг,
Будто беспечное лето,
Этот кудрявый, смешной озорник
Станет великим поэтом.
Это сейчас жизнь, как сказка, бежит,
Это сейчас все так ясно.*

*Саша поймет, не всегда эта жизнь
Будет добра и прекрасна.
Ночь это знает, но все же молчит,
Путает темные сказки...
Маленький мальчик в звенящей ночи
Слушает нянины сказки.*

H. Карпова

Ничего не сказав, отец удалился, но тем же вечером удивленно бросил жене: «Мальчик, который говорит исключительно по-французски, заслушался дворни». Ему очень трудно было понять, чем так увлекли Сашу простонародные сказки: не было у него в детстве такой удивительной няни...

Дворянство стыдилось своей «сермяжной» Руси, о том, что народное творчество и народный язык – это кладезь мудрости, красоты, национальное достояние, и слышать не могли. Вот почему Пушкин будет говорить о «проклятом своем воспитании». Через много лет он напишет:

*Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.*

Эта волшебная свирель из няиних сказок зазвучала потом в чудесных пушкинских произведениях...

...И я там была, – закончила няня, складывая работу и втыкая спицы в шерсть, – мед, пиво пила, по губам текло, да вот, жаль, в рот не попало.

Она тяжело поднялась с табурета. – Ну спи, Христос с тобою, – сказала она. – Спи, глазок, спи, другой. О хорошем думай – сон хороший увидишь.

...Ему вспомнилось прошлое лето в Захарове. Раннее утро. Все еще спят, а он уже на ногах. На цыпочках пробирается на балкон, а оттуда спускается в сад. Его обдает запахом росы, косые лучи солнца греют щеки. Он идет куда-то по лугу, размахивает палкой, сбивает головки репейников и воображает, что это татарские головы, а он богатырь. Гуляет час, два, и когда возвращается домой, все уже на балконе, за са-

моваром. Мать бранит его за то, что он опоздал, няня с укором качает головой, а он с жадностью ест вкусный черный хлеб, запивая его густым холодным молоком.

А по вечерам бабушка рассказывает ему про своих дедов Ржевских, про царя Петра и его крестника Абрама Ганнибала. Она хорошо помнит старого арапа.

...Лицом черен был, настоящий эфиоп-африканец. А волосы белые, седые и курчавились, вот как у тебя. Об Африке своей тужил. Ему семи лет не было, как турки его увезли. Отец князем каким-то был в эфиопском царстве. Впрочем, кто его знает: может, так, фантазия одна. Сестренка у него там в Африке была. Когда его увезли, в море бросилась, за лодкой поплыла. Выкупить хотела, золотые ожерелья свои отдавала. Бывало, как станет о ней вспоминать — слезы текут по щекам. Даже жалко смотреть. Все собирается княжество свое африканское добывать, права свои хотел доказывать...

Александр слушает рассказы бабушки, сидя на ступеньках балкона. Внизу, под горой, видать сельскую дорогу. Там туча пыли от проходящего стада. Сышен разноголосый шум: коровы мычят, овцы блеют, лают собаки. Потом все стихает, и только доносятся из села заунывные песни девушек. Одну из этих песен он помнит:

*Ах ты, ель моя, елочка,
Золотая моя макушечка!
Покачнися ты туды-сюды,
Туды-сюды — на все стороны!
Молодая ты невестушка,
Оглянися ты туды-сюды,
Туды-сюды — на все стороны:
Вся ли тут твоя родина?..*

Никогда больше не увидит он своего Захарова. Бабушка продает его, и лето они проведут в городе, а осенью — в лицей.

...9 августа Пушкин подъехал к шаткому крыльцу старого михайловского дома, до того обветшалого, что он был похож скорее на лачугу, чем на барские хоромы. Дом стоял на холме над речкой, за ним шумел запущенный сад, за садом синела роща. Навстречу Пушкину выбежали брат, сестра, отец, мать и до слез растроганная Арина Родионовна. Она как раз выносила из погреба кувшин с молоком. Как увидела выходившего из коляски Александра Сергеевича, выронила кувшин, всплеснула руками и бросилась к своему воспитаннику.

«Здравствуй, мамушка! — обнимая няню за худенькие плечи, говорил растроганный Александр Сергеевич. — Что же ты плачешь? Видишь, вот мы и встретились!»

Он приехал внезапно, его не ждали, но встретили с радостью. Началась суета, на кухне загремели самоваром, пошли расспросы: что да как?

Возвращение сына из дальней ссылки в родовое имение родители истолковали как первый шаг к великодушному прощению правительства. Только сам поэт да его друзья понимали, какое тяжкое новое испытание ждет его. «Кто творец этого бесчеловечного убийства? — писал Вяземский. — Или не убийство заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской?... Должно точно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина!»

«Милый, прибегаю к тебе, — пишет Пушкин В.А. Жуковскому. — Посуди о моем положении!.. Пещуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче, — быть моим шпионом... Отец призывает брата и повелевает ему не зваться с «чудовищем», «выродком»... Голова моя закипела... Иду к отцу... и высказываю все...»

Произошла дикаяссора. И вскоре вся семья уехала в Петербург.

Пушкин остался в деревне. Здесь, в Михайловском, была его няня, Арина Родионовна, та самая, которая выпестовала его в детстве, у которой в Захарове пил он «душистый чаек» и которая так тосковала без него в лицейские годы и позже — в годы вынужденной разлуки.

С той далекой поры няня стала для Пушкина родной, близкой. Но только нынче в Михайловском он оценил ее в полной мере. Правда, она уже не звала его Сашей, величала Александром Сергеевичем, но любила по-прежнему, а может быть, и больше. Она понимала: ему тяжело — ссылка, одиночество, «бешенство скуки». И, как умела, старалась успокоить, подбодрить.

Каждый день, просыпаясь поутру, Пушкин слышал осторожные шаркающие шаги в коридоре. «Мамушка...» — думал он с нежностью, и теплее становилось на сердце.

«Он все с ней, коли дома. Чуть встанет утром, уж и бежит ее глядеть: «Здорова ли, мама?» — он ее все мама называл. А она ему, бывало, эдак нараспев: «Батюшка, ты за что меня все мамой зовешь, какая я тебе мать?» — «Разумеется, ты мне мать: не та мать, что родила. а та, что своим молоком вскормила». И уж чуть старуха занеможет там, что ли, он уж все за ней...» — вспоминал кучер Петр Парfenов.

Было тогда Арине Родионовне уже под семьдесят лет. По словам Марии Ивановны Осиповой, «это была старушка чрезвычайно почтенная — лицом полная, вся седая, страстно любившая своего питомца».

Зимой темнело рано. Пушкин читал или ходил по комнате, слушая, как ветер завывает в трубе. Арина Родионовна пряла в сторон-

ке. Свеча потрескивала на столе. Смутные тени метались по стенам. Пушкину казалось, что он один на всем белом свете. Он да няня. А там, за окном, снег, вой ветра, бесконечные просторы безмолвных полей. Тоска сжимала сердце.

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завoет,
То заплачет, как дитя.
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашуршит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.
Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжанье
Своего веретена?*

В долгие зимние вечера Арина Родионовна рассказывала Пушкину свои сказки, пела песни. Знала она их великое множество.

*Мастерица ведь была
И откуда что брала,
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Все бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?*

Рассказывала няня прекрасно. Для поэта она была сущий клад. В причудливом мире легенд и сказок чувствовала себя как дома. Повадки и хитрости домовых, леших, русалок, чертей, ведьм, Змея Горыныча знала наперечет.

«Вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны... — писал Пушкин одному из приятелей. — Она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно».

Он записал семь сказок.

...Пушкина восхищали разнообразие вымысла, поэтическое богатство

этих творений простого народа. «Что за прелест эти сказки! Каждая есть поэма!» Он записывал их «впрок», чувствуя, что вернется к ним.

...У моря лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, а по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет...

Пушкин слушал эту присказку, и в той же тетради, где записывал он нянинны сказки, на обратной стороне обложки набросал несколько строк:

*У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...*

А во время ярмарок в Святогорском монастыре любил ходить, где было более старцев нищих, и записывать, что они поют...

Он стал одним из основателей отечественной фольклористики — науки о народном творчестве.

...Ну, а в бане девушки моют невесту, поют, пляшут... А невеста плачет голосом, плачет да приговаривает:

*Как-то мне будет в чужие люди идти?
Что как будет назвать свекра батюшкой?
А как будет называть свекровь матушкой?
(Поясняет) Ну, стыдно, вроде...
Бог тебе судья, свет мой, родимый батюшка!
Али я тебе, молоденка, принаскучила?..*

Вот она, горькая судьба крепостной русской женщины... Все это испытала Арина Родионовна: нужда, работа от зари до зари, замужество подневольное, четверо детей...

Не молоденкой уже — тридцати девяти лет — взята была к Пушкиным, отказалась от «вольной», да так у них и осталась.

Она отказалась уйти — и помогла Пушкину — сама о том не думая и не ведая — стать тем, чем он стал для нас. Ведь гений — такой же человек, как и все — ему нужна обыкновенная человеческая любовь. И она любила его просто потому, что любила. И эта любовь дала ему не меньше, чем исторические события, выдающиеся деятели, мудрые книги.

«Любезный мой друг Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна — вы у меня беспрестанно в сердце и уме, и только когда засну, то забуду вас и ваши милости ко мне. Ваша любезная сестрица тоже меня не забывает.

Ваше обещание к нам побывать летом очень меня радует. Приезжай, мой ангел, к нам, в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю. Наши петербургские летом не будут, они едут в Ревель. Я вас буду ожидать, и молить Бога, чтобы он дал нам свидеться...

Прощайте, мой батюшка Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просвирку вынула и молебен отслужила, поживи, дружочек, хорошенко, самому слюбится. Я, слава богу, здорова.

Цалую ваши ручки и остаюсь вам многолюбящая няня ваша Арина Родионовна.

6 марта 1827 года».

И как ответ на письма старушки-няни звучит одно из самых задушевных стихотворений Пушкина, полное любви и нежности:

*Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствие, заботы
Теснят твою всечасно грудь.*

Обещание, данное няне, побывать в Михайловском, Пушкин выполнил. Но приехал не летом, а осенью, «почуя рифмы». Это было в последний раз, когда жили они вместе — поэт и няня.

Через несколько месяцев, 31 июля 1828 года, семидесяти лет, Арина Родионовна умерла в Петербурге на руках своей старшей воспитанницы — Ольги Сергеевны.

Пушкин не забыл свою добрую подружку. Всякий раз, наезжая в Михайловское, с грустью чувствовал он — нет здесь больше Арины Родионовны...

*Уже старушки нет — уж за стеной
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.*

Бывая в Михайловском, проходя мимо маленького домика в зарослях сирени, Пушкин о многом вспоминал...

О многом и сейчас напоминает домик няни...

Имя няни Александра Сергеевича Пушкина и поныне не забыто. Оно живет рядом с именем гениального русского поэта как память о вдохновительнице, свидетельнице его переживаний, участнице его трудов.

Галина КОЧЕГАРОВА (г. Новоузенск)

Его возвышенное слово

Спрошу, восторженно любя
Луга, леса, поля, опушки:
Что есть Россия для тебя?
Отвечу сразу – это Пушкин.

Его правдивая строка,
Его возвышенное слово
На все грядущие века –
Отчизны гордость и основа.

Он с нами с каждым новым днём
От колыбели до погоста.
Нам не страшна с его стихом
Цивилизации короста.

Гlamурных снимков красота,
Моральных качеств переделка,
Рекламных шоу суeta –
Всё перед ним ничтожно, мелко.

Пусть ложь возводят на престол –
Российской славы не порушить!
Есть Русь, есть Пушкин, есть
глагол,
Что правдой жжёт сердца и души.

Читая Пушкина

Открою книгу наугад,
Душа замрёт – стихотворенье!
Чужая мысль, чужое мненье,
Чужого чувства строй и лад.

Созвучье строк – за рядом ряд
Мне изменяет настроенье.
Даря восторг на удивленье,
Слова притягивают взгляд.

Конец строфы. Вернусь назад.
Стремясь запечатлеть волненье,
Чужой души полёт и рвенье,
Чужих поступков в рай и ад.

И вот поэт ужс, как брат,
Сродни мне все его творенья,
Близки тревоги и сомненья,
Хоть открывала наугад.

Сказки Пушкина

Я замирала в восхищенье,
Когда мне мама перед сном
Читала сказки с упоением
Про дуб и цепь на дубе том.

Про красну девицу в светлице,
Про хитроумного Балду,
Про петушка на тонкой спице,
Что предвещал царю беду.

Промчались годы. Своим детям
Читаю сказки перед сном
Про то, как гонит бочку ветер
По волнам в море голубом.

Про то, как Елисей влюблённый
Царевну спящую спасёт,
Про Лукоморье, дуб зелёный,
Где днём и ночью бродит кот.

Ах, что за прелесть эти сказки!
Ведь ими освящён мой дом.
Наступит день – и внуков глазки
Зажгутся Пушкинским стихом.

Татьяна КУЗНЕЦОВА (г. Энгельс)

О Пушкине

Ах, Александр Сергеич, право,
Позвольте всё же мне сказать.
Судьба, быть может, и лукава,
Но безнадёжности печать
К последствиям поступков наших
Прикладывает не она.
Пусть ваша дивная Наташа
Была прелестна и стройна!
Однако у мужчин не ново,
Когда и дух, и пламень свой
Они несут к Карамзиной, —
А женятся на Гончаровой.

Парафраз «Онегина»

— О, Господи — и здесь.
В глухи!..
— Постой, Онегин, не спеши! —
Но он меня не слышит.
Боится снова в детство впасть.

И хладностью пугает страсть,
И байронизмом дышит.

Ах, если б знать ему — чем он
Расплатится за давний сон
В глухи степных селений!
Перемудрил тогда — и вот
Уже всерьёз игра идёт,
И ловит, ловит тень он.
Но сон на жизнь не поменять,
И ничего нельзя опять —
С судьбою шутки плохи...
Люблю я пушкинский роман
За истину и за обман,
За аромат эпохи,
За ту, которая грустна.—
Вошла и села у окна
Видением тревожным,
Но — больше мне свидетель Бог —
За безнадёжный этот вздох
О счастье невозможном.

Сергей КУЗНЕЦОВ (р. п. Лысые Горы)

* * *

Минуло с той поры немало вьюг и стуж...
Вновь Речка Чёрная в туманной дымке тает...
Но сонмы одержимых русской речью душ
Над местом гибели, как над распятием, летают.

Строфой его оправленное слово,
И дат чреду простейших чисел,
Величие мы постигаем снова
И мысль глубокую и гениальный смысл.

Пророком был и, зная наперёд
Всё, что исполнить послан небом,
Объединил он россиян в народ,
Духовно накормив, словно Спаситель хлебом.

Минуло с той поры немало вьюг и стуж...
Вновь Речка Чёрная в туманной дымке тает...
Но сонмы одержимых русской речью душ
Над местом гибели, как над распятием, летают.

Лидия КРУХМАЛЁВА
(с. Сухая Елань Балашовского района),
поощрительный диплом

О любви к поэту

Я о любви скажу поэту –
Жаль, что не пушкинской строкой.
В себе держу я тайну эту,
Давно потерян мой покой.

Мой Саша! Мой любимый Пушкин!
Твой образ в мыслях и душе.
Неважно, на какой я службе,
Свободна, замужем уже.

Мой гений! Лучший мой учитель!
На видном месте твой портрет.
Мой талисман, мой вдохновитель!
Из всех поэтов – мой поэт!

Мой Пушкин

Хочу по-пушкински творить,
Чтобы ложились в рифму строки.
Хочу по-пушкински любить,
Чтоб окунуться в мир далёкий,

Когда дуэли и пари,
Когда за честь ломали шпаги.
Совсем другим был дух любви,
И люди это принимали
Как должное. То был их век –
Соблазнов, встреч и развлечений.
Мой Пушкин! Славный человек,
Любитель светских приключений.

Хочу по-пушкински страдать
И разделить с ним горечь чаши,
Его мне боли перенять,
Чтобы облегчить участь нашу:
Заочно прах боготворить
И сотворить себе кумира.
Мой Пушкин! Без тебя нам жить.
Ты ж, как Христос, явился миру!

Я — НИКТО...

Я никто. Зовут меня никак.
Но я живу и я имею душу.
Чувствую: свой след
Должна оставить я в стихах
И выплеснуть эмоции наружу.

Я слышу, как звучат чужие голоса
Давно ушедших в мир иной поэтов.
Мой голос тоже рвётся к небесам —
Непризнанный, пока что неприметный.

Во сне я ухожу в неведомый мне век
И посещаю там известные салоны,
Сам Пушкин как поэт и человек
Речь светскую со мной заводит.

Без ропота, боязни и тревог
Мы говорим с ним до утра, как други,
О том, как был в Михайловском,
Под дождь попал, прдорог,
О том, как на балу он танцевал с подругой.

Мы обсуждаем его новые стихи —
О любви как сотвореньи чуда.
Они о той, чьи помысли легки,
О Музе, снизошедшей ниоткуда.

Мне хорошо, свободно, как в раю,
Не хочется в реальность возвращаться.
Себя никем пока не сознаю.
Но понимаю, что пора прощаться.

Пройдут года. Я намотаю жизни срок.
Растворюсь в надежде повториться.
Найдёт моя душа таинственный исток.
И с именем моим поэтом возвратится.

Татьяна КУРОВА
(с. Александров-Гай)

ПРИЮТ СПОКОЙСТВИЯ, ТРУДОВ И ВДОХНОВЕНИЯ...

Читаешь Пушкина и невольно приходишь к мысли: поэт дает ответы на все вопросы, которые волнуют человека с юного возраста и до глубокой старости. Может, поэтому и хранит человечество память о великом поэте вот уже два столетия. Кстати, и о памяти, о долге, как категориях нравственных, говорит нам тоже Пушкин:

*Дна чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Именно память о Пушкине заставляет людей посещать места, связанные с его именем. Потому нескончаем людской поток в Михайловское, которое по праву называют второй родиной поэта. В Москве он родился, в Михайловском же, по точному замечанию А.П. Керн, «в тиши уединения созрела его поэзия, сосредоточились мысли, душа окрепла и осмыслилась...».

Ежегодно со всех концов страны приезжают в Михайловское и школьники. И не просто духовно прикоснуться к местам, где Пушкин «провел изгнаником два года незаметных», а еще и поработать, оставить добрую память о себе: подмести дорожки и аллеи парков, окопать приствольные круги мемориальных деревьев, полить цветы.

Когда я прочитала об этом в книге С.С. Гейченко «Пушкиногорье», то загорелась мечтой побывать со своими кружковцами у Пушкина в Михайловском. Моя мечта сбылась в июле 1988 года – 20 лет назад.

Сколько было радости, когда мы получили открытку-приглашение в ответ на свое письмо!.. Потом сборы, двое суток дороги и наконец – вот она, Псковская земля, первые шаги по Пушкиногорью...

Нас поселили в Тригорском, бывшем имении близких друзей поэта – Осиповых-Вульфов. Усадьба находится на одном из трех холмов. Это живописный уголок со старинным парком. Здесь Пушкин бывал в каждый свой приезд в эти места, здесь занимался в довольно богатой по тому времени библиотеке, а наблюдения за жизнью и бытом обитателей Тригорского использовал при создании деревенских глав «Евгения Онегина». Не зря после смерти поэта его друг поэт Вяземский говорил, что он посетил Михайловское, чтобы «самому походить по

следам Пушкина и Онегина». Следы Онегина можно увидеть, пройдя липовую аллею и выйдя к площадке у обрыва над рекой Соротью, где под сильно согнувшимся дубом стоит «скамья Онегина», на которой, по преданию, и произошло объяснение Онегина с Татьяной.

В парке Тригорского стояло гигантское дерево — двухсотлетняя «ель-шатер» — одно из любимых деревьев Пушкина. Оно погибло в 1965 году, так как было тяжело ранено в годы войны. Теперь на этом месте растет молодая елочка. А вот древний дуб, который видел поэта и был им воспет, двадцать лет назад еще был жив, и мы каждое утро приходили к нему, чтобы навести здесь порядок.

В первый же день нашего приезда, после того как мы устроились в бывшей людской избе, после вкусного обеда,готовленного на костре, решено было идти в Михайловское. Шли по дороге, по которой Пушкин приезжал в Тригорское, мимо «трех сосен», что «стоят — одна поодаль, две другие друг к другу близко» «на границе владений дедовских», мимо озера Маленец, где во времена поэта плыл рыбак и тянул «убогий невод», мимо воспетой им мельницы. А вот и «холм лесистый, над которым часто сиживал недвижим» поэт. Мы невольно останавливаемся у валунов, у табличек с поэтическими строчками, и, кажется, звучит голос Пушкина: «Здравствуй, племя, младое, неизнакомое...» Проходим через парк к «опальному домику», где жил с «бедной нянею» своей поэт-изгнаник. В доме все восстановлено так, как было при Пушкине. Широко представлены автографы написанных тут произведений, подробно освещена жизнь поэта в деревне.

Рядом с домом-музеем — домик няни Арины Родионовны, которая стала самым близким другом поэта в тяжелые годы изгнания. Он слушал песни и сказки, которых она знала множество, с ней, «доброй подружкой», проводил долгие зимние вечера в ее уютном домике, где под звуки веретена читал свои стихи и поэмы.

Любимым же местом прогулок Пушкина был Михайловский парк — источник его вдохновения. А теперь идем по парку мы, через горбатый мостик, и видим деревянную скульптуру — поэт, прилегший отдохнуть на мягкой траве парка. Здесь сохранились аллеи — Липовая и Еловая. Липовую аллею называют «Аллея Керн» в память лирического шедевра «Я помню чудное мгновенье...», посвященного Анне Петровне Керн, которая побывала в Михайловском летом 1825 года и которая гуляла с поэтом по этой аллее.

И хотя тут было тяжело Пушкину жить одному, без друзей, без шумных застолий, без литературных споров, он признавался И.И. Пушкину, своему близкому лицейскому другу, который навестил поэта в изгнании, что здесь он все-таки отдыхает от прежнего шума и волнения, с музой живет в ладу и трудится охотно и усердно. Не зря в кон-

це жизни Пушкин рвется в Михайловское из «свинского Петербурга», мечтает поселиться здесь на долгое жительство. И мы соглашаемся с Александром Сергеевичем – лучшего места, чем этот уголок Псковской земли, для поэта нет.

Мы возвращаемся «домой», в Тригорское, полные впечатлений и счастья: мы были в Михайловском, где все помнит Пушкина. Но хотелось увидеть и узнать еще больше, поэтому на следующий день после работы, обеда и купания в прохладной Сороти решено было идти в Петровское – имение двоюродного деда поэта П.А. Ганнибала.

Дом-музей в Петровском рассказывает об истории рода Ганнибалов, о связях Пушкина с этим местом. Наблюдая за бытом и укладом жизни этого имения, Пушкин нашел богатый материал для обличения крепостнического гнета в стихотворении «Деревня», в романе «Дубровский».

Мы погуляли по прекрасному парку, что является образцом садово-паркового искусства первой половины XVIII века, в нем сохранились деревья, которым более двухсот лет. Отдохнув в беседке, отправились обратно, слегка изменив маршрут возвращения. Теперь мы шли не через Михайловское, а мимо озер Кучане и Маленец, вдоль берега реки Сороть, через Савкину горку, которая привлекала поэта красотой открывающегося отсюда пейзажа, единственностью и своей древностью. Он мечтал приобрести Савкино, «построить себе там хижину, поставить бы свои книги и проводить бы подле добрых и старых друзей несколько месяцев в году».

К концу нашего путешествия (а прошли мы в этот день около 20 километров) все валились от усталости, но быстро отдохнули, стоило только омыть горячие от ходьбы ноги холодной ключевой водой. И снова – обмен впечатлениями за ужином у костра.

Однако самое яркое воспоминание осталось у меня от посещения Святогорского монастыря, у стен которого похоронен поэт. Наша экскурсия началась с северного придела, где хранятся документы и материалы, рассказывающие об истории края и Святогорского монастыря, о работе Пушкина над «Борисом Годуновым». В южном же приделе мы услышали взволнованный, доходящий до глубины души и сердца, трогающий до слез каждого неравнодушного рассказ о дуэли, смерти и похоронах Пушкина.

В этом приделе в ночь с 4 на 5 февраля (по старому стилю) находился гроб с телом поэта. Рано утром 5 февраля 1837 года Пушкин был погребен у восточной стены Успенского собора в присутствии близкого друга А.И. Тургенева, верного дядьки Никиты Козлова, друзей-соседей Осиповых-Вульфов и местных крестьян. Была исполнена последняя воля поэта: его похоронили не на душном петер-

бургском кладбище, а на родной Псковщине, на семейном кладбище Ганнибалов-Пушкиных.

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.*

На высоком холме, где стоит Успенский собор, в центре небольшой площадки стоит белый мраморный памятник, в нем ниша с траурной урной. На гранитном цоколе золотыми буквами высечена надпись: «Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 26 мая 1799 года, скончался в С.-Петербурге 29 января 1837 года». Мы молча стоим у памятника, где всегда живые цветы и куда приходят тысячи людей со всех концов нашей огромной страны и из-за рубежа, приходят, чтобы поклониться праху и вспомнить Великого Поэта...

Четыре дня мы провели в Пушкиногорье, бродили по тем местам, где любил бывать Пушкин, нам хотелось запомнить все увиденное, услышанное, стать лучше, добree. Были встречи и знакомства с интересными людьми: хранителем музея в Тригорском Г.Ф. Симакиной, заведующим хозяйственной частью Олегом Антоновичем, художниками-практикантами из Ленинграда, наблюдая за работой которых, невольно хотелось взять кисть и самому писать удивительные пейзажи этих мест.

Но, говоря о Пушкиногорье, нельзя не сказать еще об одном человеке, с которым мы повстречались в Михайловском у того самого «дуба зеленого», где «златая цепь», по которой ходит «и днем и ночью кот ученый», а «русалка на ветвях сидит». Конечно, все, кто интересуется Пушкиным, поняли, что говорю я о Семене Степановиче Гейченко — директоре Пушкинского музея-заповедника, ныне, к сожалению, покойном. До сих пор живы в памяти те несколько коротких минут общения с этим удивительным человеком.

Когда Семен Степанович с семьей приехал в 1945 году в Михайловское, страшная картина предстала его глазам. Фашисты разорили усадьбу поэта, сожгли и повырубили Михайловские рощи, оставили мертвую, обезображенную землю. Пять лет освобождали саперы заповедник от мин. И когда мы видим непередаваемую красоту этих мест, то не должны забывать, что все это прошло через сердца и руки музейных работников, во главе которых стоял Семен Степанович Гейченко. Было все сделано для того, чтобы пробудить у людей любовь к поэту, заставить прикоснуться душой к его поэзии. По-доброму завидуешь этому человеку: Семен Степанович увидел результаты своего более чем сорокалетнего труда — сумел сохранить «народную тропу»

к поэту, не дал ей зарасти, подтверждением чего является нескончаемый поток паломников в Михайловское, который мы видели все четыре дня нашего пребывания здесь.

Как же нам не хотелось уезжать! За такое короткое время мы сильно привязались душой к этим местам, так что при мысли об отъезде становилось грустно, тоскливо, а кое-кто и плакал. Единственное, что скрашивало наше нерадостное настроение, — это мечта, что мы еще сюда вернемся, пройдем теперь уже по знакомым аллеям парка и дорожкам Михайловских рощ. Придем к Пушкину.

К сожалению, не все мечты сбываются. Мне не удалось пока еще раз побывать в Михайловском, но я пишу эти строки и так ясно представляю те короткие четыре дня, что, кажется, это было совсем недавно, хотя выросли те мои девочки, с которыми я посетила пушкинские места, я учу уже их детей, но эти воспоминания навсегда останутся со мной, как самый счастливый момент моей жизни.

Прошло 20 лет, многое изменилось в стране, да и страна теперь другая — Россия. Идет XXI век, 2008 год — год, столь щедрый на победы, год, когда Россия выбирает героя, оставившего след в истории нашей страны. Я преклоняюсь перед гением наших великих полководцев, ученых, но если бы выбор зависел только от меня, назвала бы Александра Сергеевича Пушкина, потому что в наш «жестокий век» так не хватает «чувств добрых», которые пробуждал, пробуждает и будет пробуждать своей лирой Великий Русский Поэт.

**Егор КУЧУГУРА
(г. Маркс)**

Дуэль

Сбылось, как втайне двор желал:
Они сошлись у речки,
И между ними Бог не встал,
И пистолет не дал осечки.

Свершённым вдруг потрясена,
В немом молчанье вечностьстыла,
Но всю Россию разбудила
Глухая эта тишина...

Вера ЛАРИНА
(г. Шиханы)

Красавица и гений

Москва. Февраль в морозной дымке,
У Никитских ворот
В нарядной убранной церквушке
Толпился праздничный народ.

Что за событие их собрало?
Что взволновало чернь и знать?
Да, в этот день судьба решалась
Красу и славу повенчать.

Она -- из юности беспечной,
Он -- с грузом долгих трудных лет,
Перед лицом друзей и Бога
Давали верности обет.

Свершилось таинство венчанья,
Но побледнело вдруг лицо.
Сверкнуло, искрой покатилось
Его венчальное кольцо.

«Плохая, батюшка, примета,» --
Скользнул по церкви шепоток.
Свеча погасла у поэта --
Жить вместе им недолгий срок.

Его Мадонна, ангел Таша
сдва понять тогда могла,
Что вышла замуж за бессмертье,
И что за жизнь её ждала.

Ну, а пока что мчались сани,
Спеша на свадебный обед,
До Чёрной речки оставалось
Всего лишь шесть коротких лет.

Валерий ЛОГАШОВ (г. Петровск)

Сопричастность

С Есениным, конечно, не сравнюсь,
От Пушкина далёк я и в помине,
Но всё же за себя в душе горжусь,
Что их поэзия во мне отныне.

Я счастлив тем, что много лет спустя,
Смог Русь открыть в их солнечных твореньях.
Переживая, радуясь, грустя,
В поэмах мудрых и стихотвореньях.

И тем горжусь, что матушка-земля
Меня их лирой светлой наполняла.
Всё поэтичней становился я,
И муга крылья ярко расправляла.

Мне мир казался краше и добрей.
И Пушкин, улыбаясь с пьедестала,
Сказал Есенину: «Ну что, Сергей,
Пусть сей пишет национальную оду для начала.

О том, как любит Русь, свой край родной,
Пусть ярко обо всём, как мы, напишет,
Коль сможет всё сказать одной строкой,
Тогда народ признает и услышит».

И понял я, чтобы достичь вершин
Учиться и трудиться надо много,
Да, Пушкин на Руси всего один,
Но не закрыта к славе всем дорога.

Мне лирика твоя понятна и близка

Мне лирика твоя понятна и близка,
Она во мне, она меня волнует,
К тебе не зарастёт народная тропа,
Поэзия прекрасная чарует!

В ней светлый мир влюблённых юных дев,
Которых ты воспел так ярко,
И как они тебя любили жарко,
Ещё созреть для страсти не успев.

Да что там страсть под трели соловья —
Великого российского поэта.
Теряли голову, их песня спета...
Причём здесь род дворянский и семья?

Забыв про всё и на алтарь любви
У ног твоих святую честь забыли.
Ведь знали, что красавицы грешили,
Но то была романтика любви!

О, сколько неприступных крепостей,
Ты покорил, пленив чудесной лирой,
Здесь дамы голубых кровей —
Ты был их повелителем, кумиром.

Не устояла даже Анна Керн,
Терзаясь в вечных «Да» и «Нет» сомненьях,
Но твой изящный слог в стиле модерн
Венцом признания стал и откровенья.

Мне лирика твоя понятна и близка.
Она во мне, она меня волнует.
К тебе не зарастёт народная тропа
Поэзия твоя — она чарует!

Болдинская осень

Болдинская осень — Пушкинская осень,
Всех красот которой вряд ли описать,
Вся в волшебных красках, ты любима очень
Сотворила сказку здесь природа-мать.

Вся в тонах мажорных, в лице первозданном,
Позолотой броской сердце ты пленишь,
Ты прекрасна, осень, в цвете несказанном,
Тут и не захочешь, вирши сотворишь.

Ты цыганкой жгучей бродишь по полянам,
Там, где с клёнов льётся колдовская медь,
Здесь бродил сам Пушкин-гений утром рано
И не мог тебя, конечно, не воспеть.

Всей душой и сердцем он в тебя влюбился,
Потому так звонко музою воспел.
Вновь писал стихи он, очень торопился,
Выстрел чёрный грянул, Пушкин не успел...

Пушкинская осень – Болдинская осень,
Боли от потери той не передать,
Потускнели краски, стало грустно очень
Кто ж тебя так ярко будет воспевать?

Надежда ЛЯМИНА
(с. Еловатка Самойловского района)

А.С. Пушкину

Синее небо. Как снег, облака.
Под облаками и синью
Чёрные воды катила река –
Чёрная речка России.
Это было давно –
Девятнадцатый век.
Как механик в кино,
Крутим ленту назад.
Был поэт – Человек
И подлец – человек.
В том, что умер один,
Был другой виноват.
А гитара звучит нотой вечной тоски.
Жизнь плохая игра,
Без законов и правил.
Если умер Поэт – он оставил стихи,
Ну а умер подлец, что он людям оставил?..

Денис МАРКЕЛОВ (г. Энгельс)

Репетиция любви

Надя Иголкина стеснялась почти пустого кабинета. Всё происходящее напоминала ей школьный медосмотр, только в нём надо было раздеваться и отвечать на глупые вопросы врачей.

Она не сводила глаз с зеленоглазой крашеной блондинки: Вероника Андреевна гляделась в свою ученицу как-то особенно, очень пристально и оценивающе.

«Что она на меня так пялиться?!» — вспыхнула Надя... и вдруг услышала биение собственного сердца, которое прямо-таки норовило выпрыгнуть из груди.

Стоящая рядом подружка из параллельного класса глуповато улыбалась и старалась не слишком явно краснеть от волнения.

«И чего ей от меня надо?» — недоумевала Надя.

Она совершенно не чувствовала сходства с Пушкинской Татьяной, ей было даже совестно называть себя другим именем (ложь обычно вызывала у неё дрожь в коленках и странный липкий страх, точно такой же, когда она проходила мимо двоечника и хулигана Тарасова). Этот парень прямо не давал ей прохода. Он был всё время рядом — наглый, как ей казалось, настырный, ну не тот, от которого что-то шевелится в сердце. Она вообще старалась придерживаться о мальчишках определенного мнения — это мнение ей внушала мать.

Теперь Надю волновали лишь летние экзамены. Родители обещали свозить её на море. Это если она сдаст всё на пятёрки. И Надя старалась и вела себя в классе очень примерно.

Она не старалась противиться учительской воле. Но и представить себя провинциальной барышней из далёкого девятнадцатого века не могла.

— Ну что, девочки, надеюсь, вы сыграетесь вот с этими, такими же, как вы, артистами.

Стоящая рядом Наташка глуповато хихикнула. Она вообще смеялась без всякой причины и вгоняла тем самым Надю в краску. Наде же не хотелось думать об этом театральном лицедействе: она терпеть не могла театр и новогодние утренники. Где нужно было воображать себя кем-то без всякого на то желания.

Надя посмотрела на висевшие над школьной доской портреты. С них на неё задумчиво смотрели Пушкин, Чехов и Горький. Девочка

зарделась и перевела взгляд на носки своих поношенных сандаlet.

— Ну что же, Иголкина?! Кураж, милая, кураж!!! — проговорила, улыбаясь, Вероника Андреевна.

Надя вдруг почувствовала себя как бы в спортивном трико: будто она стоит перед выходом на манеж, а сердитая женщина в униформе грозит ей хлыстом.

— Что ж ты, как неживая, смелее...

«Я не хочу быть Татьяной Лариной. Я скорее умру...»

Она вдруг представила себя на сцене в актовом зале.

Она сидит в полупрозрачном платье, сидит и делает вид, что водит по листу бумаги гусиным пером.

Это было так нелепо, что Надя покачнулась.

«Ну, это же всё обман. А обманывать нельзя. Лучше молчать, но не врать...»

Она ухватила свой подол сбоку и замерла, словно кукла на буфете. Это было забавно. Покрасневшее лицо и надутые губы делали её сердитой.

Светловолосой Наташке, наоборот, было весело. Она улыбалась и по-дурацки строила глазки своему Ленскому. Этот черноволосый парень смотрел на неё исподлобья и явно не был в восторге от своей «невесты»...

Надя, наконец, решилась взглянуть на его соперника. Онегин был по-пушкински кучеряв, он чем-то напоминал то ли дореволюционного приказчика, то ли Сергея Есенина. Надя мысленно переодела его в чёрный фрак и светлые панталоны со штрипками. Переодела и впервые иронически улыбнулась: «Нет, такого бы я ни за что не полюбила! Даже на сцене...»

Надя торопливо опустила глаза вниз. Она и так страдала от мальчишеского любопытства. Особенно ей досаждал неуёмный Тарасов. Он словно прожигал её взглядом, и Надя чувствовала какое-то покалывание в области лопаток, стараясь не краснеть.

«Глупость какая-то. Нет, я не буду Татьяной Лариной...»

Вся эта затея казалось ей надуманной. Очень глупой. Но она не противилась, когда ей сказали, что она должна выучить текст...

...Семья Иголкиных собиралась ужинать. Надя вышла к столу и молча села на свой табурет, стараясь ничем не выдать своей тайны.

Отец, как обычно, копался в тарелке с яичницей. От дочери он ожидал лишь отличных отметок и похвальных листов.

Надя покраснела. Она взяла вилку и стала отважно сражаться со своей долей яичницы, стараясь на время забыть о своём «Онеги-

не», при этом содрогаясь от непонятного ей волнения. Наде не приходилось ещё что-либо скрывать от родителей. Она была чересчур правдивой: все её тайны как бы выходили на лицо, и ничего-то Надя не могла с этим поделать.

«Нет, я не могу так. А что я скажу?» Она боялась всерьёз увлечься этим Онегиным из класса.

«Что я буду делать, если он надумает поцеловаться на виду у всех...»

Она на мгновение зарделась и опустила глаза долу. Мать старалась не замечать дочкиных мук. Она привыкла жить с закрытыми накрепко глазами, ведь Надя пока что не причиняла хлопот, будучи на редкость скромным ребенком.

Этой уставшей от жизни женщине было не до театра. Она была слишком занята на работе и дома и смотрела на дочь скорее как на любимую куклу, а не на подрастающего и сомневающегося уже во всем человека.

— Как у тебя дела в школе? — с набитым ртом вдруг задал вопрос отец.

— Нормально, — безразлично отозвалась Надя. Она покачивала правой ногой и норовила сбросить с носка колеблющийся тапочек.

— Что значит нормально? — попытался вскипеть отец.

Надя молчала. Ей было стыдно рассказать о том, что произошло в кабинете литературы. В этом всём было что-то новое, и здесь Надя вдруг почувствовала себя старше своих пятнадцати лет.

— Мам, а сколько Татьяне Лариной было лет? — спросила она совершенно невпопад.

— Что? — машинально отозвалась мать, вымакивая куском мыкиша тарелку.

— Сколько было лет Татьяне? — пролепетала Надя.

— Боже мой, сейчас она спрашивает, сколько лет Татьяне, а потом ещё что-нибудь похлеще... Толя, ты слышишь?

Надя вспыхнула и, уронив табурет, бросилась из-за стола в свою комнату.

Она упала на застеленную кровать. Упала и замерла, боясь замочить слезами красивую наволочку. В её мозгу начинала вертеться настоящая карусель: физиономии мальчишек, глуповатое лицо Наташки и строгое лицо классной сменяли друг друга.

«Чего им всем от меня надо? Я не хочу этой репетиции любви! Я не хочу... Не хочу...»

Она вновь представила себя на сцене. Все, конечно, будут пялить на неё глаза, особенно этот противный Тарасов.

«Он и сейчас мне проходу не даёт... А так вообще обнаглеет...»

Она зажмурилась и покраснела, словно бы видела Тарасова совсем рядом и он хотел её поцеловать на виду у всего зала.

«Нет, только не это!»

Надя прислушалась: родители переместились в гостиную и включили телевизор. Шёл какой-то фильм, играла тревожная музыка.

«Им совершенно нет до меня никакого дела!»

Надя заплакала. Она боялась обмануть саму себя: «Онегин» ей почти понравился, но она боялась, что он на сцене окажется таким, как Тарасов в жизни.

«А если я взаправду влюбилась в него? Но я же не Татьяна...»

Она слезла с кровати и стала готовиться ко сну. Уроки были сделаны, хотелось покоя. Когда-то она засыпала сразу после «Вечерней сказки», тогда её целовали в лоб и желали спокойной ночи. Сейчас всё было по-другому.

Надя не переставала думать об «Онегине». Она думала о нём под душем, смывая с себя мыльную пену... Отец пару раз прошёл мимо закрытой на щеколду двери.

Надя поспешила выключить воду и, наспех вытеревшись, набросила на себя ночную сорочку. Отец не заметил, как она проскочила мимо него. Наде показалось, что она стала привидением. Родители и так держали её за пустое место, зля этим Надю, видя в ней всегда чистую и примерную куклу.

Надя разобрала постель и попыталась заснуть. Сначала она долго считала воображаемых овец, затем просто считала до ста, но сон не шёл. Наконец, утомившись от этого дурацкого счёта, решила слегка поиграть в Татьяну.

Сидеть за письменным столом и держать в руках воображаемое гусиное перо было приятно. Надя даже слегка порозовела от удовольствия.

«Интересно, а если узнать его настоящий адрес и прислать ему настоящее письмо? Но я же не люблю его! Совсем... А что значит «любить»?»

— Татьяна... — повторила она, стараясь говорить нараспев. — Татья-я-я-я-на-а-а-а...

Имя пушкинской героини заплясало на языке, словно кисло-сладкая карамелька. Надя оглянулась на дверь и крепко зажмурилась.

Мать Нади оставила мужа перед ярко мигающим экраном телевизора.

Ей было немного совестно: она слишком привыкла видеть Надю весёлой и совершенно наивной.

«А что, если она влюбилась? Что тогда?»

Ответа не было. И женщина вышла сначала в прихожую, затем подошла к дверям комнаты, которую по привычке называла детской.

— Надя, ты спишь? Открой, пожалуйста, дверь...

Надя вздрогнула. Она почти заснула, воображая себя Татьяной. В своём воображении она выслушивала упрёки не от этого светловолосого «Онегина», а от загадочного и немного нагловатого Тарасова.

«Вот мой Евгений. А не этот, который... Я так завтра и скажу Веронике Андреевне.»

Только теперь она услышала осторожное постукивание в дверь.

...Наде совершенно не хотелось спать. Она сидела рядом с матерью и пыталась понять, что такое любовь. Мать рассказывала ей что-то о своей любви.

— Мам, но ведь у отца такая смешная фамилия — Иголкин! — улыбнулась Надя, — как у портного...

— Любит не за фамилию. Любит... просто так любят.

— А как это узнать, как узнать, что любовь настоящая?..

Надя покраснела. Её клонило в сон, хотелось лечь лицом на колени матери, лечь и забыть обо всем тревожном.

— Глупенькая! Ты сама узнаешь... Это у тебя лишь репетиция любви. Только игра в любовь...

— А в любовь можно играть?

— Можно... Некоторые всю жизнь играют...

— Это ты про папу? — предположила Надя.

И тут мать вспомнила свою первую встречу. Тот парень с мотоциклом ей понравился не сразу. Она даже стыдилась его и боялась ревущего зверем мотоцикла. Но постепенно страх ушёл, оставив вместо себя восторг и безрассудство.

— Мам, а ты не против, если я буду Татьяной?

— Не против... Давай-ка спать. А то ты уже носом клюёшь...

Надя послушно легла в постель. Она вдруг забыла и про Тарасова, и про «Онегина»... Лишь мама была важна для неё.

— Репетиция любви... — пробормотала она сонно. — Пока что репетиция...

И ей приснился сон. Он был гораздо затейливей, чем сон пушкинской геройни. А был ли он вещим — Бог весть.

Анна МЕРЗЛИКИНА (с. Клинцовка Пугачевского района), поощрительный диплом

УНИКАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Каждый раз, когда я прихожу в свою родную школу, я обязательно захожу в Пушкинский зал...

В 1989 году в Клинцовской средней школе появилась уникальная коллекция картин, включающая в себя портретную галерею «Пушкин и его современники» (около 200 портретов различных размеров), выполненная техникой резьбы по дереву, и более 20 картин, написанных маслом. Аналогов этой галереи в России не существует! Она была подарена школе самобытным художником и большой души человеком Александром Дмитриевичем Казаковым-Клинцовским. Как рассказывал автор, картины пытались выкупить в частные руки, но Александр Дмитриевич рассудил иначе: школьникам они принесут гораздо больше пользы, нежели частным ценителям искусства.

Художник оказался прав. Ученики Клинцовской школы имеют уникальную возможность глубже и подробнее знакомиться с жизнью и творчеством великого поэта – Александра Сергеевича Пушкина. Благодаря кропотливой работе педагогического коллектива и, собственно, самих учеников, был собран подробный материал о судьбе Пушкина, его родных, любимых, друзьях, соратниках. Эти данные не остались лежать пыльным грузом на полках школьного архива. Из года в год, сменяя друг друга, ребята проводят экскурсии по «Пушкиниане», рассказывают о людях, сыгравших важную роль в жизни поэта, показывают портреты, читают стихи.

Разве можно оставаться равнодушным к человеку, о котором так много говорят окружающие! Я помню, когда в младших классах нас приводили на экскурсии в Пушкинский зал, я с замиранием сердца слушала старший товарищей, которые с энтузиазмом рассказывали об Александре Сергеевиче. И мне хотелось узнать о нём всё больше и больше, прочитать все его творения...

После первого посещения галереи, дома, в книжном шкафу, я обнаружила трёхтомник произведений Пушкина. Узнав о моём желании прочитать все книги сразу, мама посоветовала начать со сказок и стихов о природе. Перелистывая страницы, я оказывалась то на берегу синего моря вместе с рыбаком, разговаривающим с золотой рыбкой,

то у Лукоморья, или просто любовалась прекрасной природой, воспетой поэтом...

Переходя из класса в класс, я узнавала о Пушкине всё больше. Творчество поэта привлекало меня простотой слога, глубоким смыслом и лёгкостью понимания. Всегда с удовольствием я учила наизусть его произведения.

Моё увлечение Пушкиным заметила учитель литературы Раткина Тамара Павловна – хранитель Пушкинского зала – и предложила стать экскурсоводом. Изучая материалы галереи, я всё больше хотела познакомиться с человеком, который смог своими руками сотворить такое чудо...

Благодаря тому, что уникальная коллекция находится именно в Клинцовской школе, здесь часто проводятся всевозможные Пушкинские праздники, встречи, экскурсии. Частым гостем на таких встречах был автор коллекции А.Д. Казаков-Клинцовский. Каждый его приезд превращался в большой праздник для всего села. Ведь в Клинцовке он родился, учился, отсюда ушёл на фронт и, вернувшись, проработал здесь несколько лет.

Любовь к рисованию появилась у Александра Дмитриевича ещё в детстве, а позже это увлечение переросло в огромную любовь к искусству. Большое место в его творчестве отведено Саратову и родным заволжским местам.

Клинцовцы благодарны своему знаменитому земляку за большую краеведческую работу. Он, вооружившись аргументами и фактами, а также архивными документами, доказал возможность посещения Пушкиным Саратова и его проезд через наше село. По дороге из Уральска в Саратов во время непогоды Александр Сергеевич заехал к нам поменять колесо. В школьном музее хранится инструмент – крючок, которым местный кузнец ремонтировал карету Пушкина.

Казаков-Клинцовский был человек с открытой душой и горящим сердцем. Он всегда был другом детей, глубоко понимал жизнь современной молодёжи, с которой всегда общался на равных и находил с ней общий язык. Молодые люди с восторгом встречали художника на молодёжных вечерах отдыха, дискотеках. Подрастающее поколение с благодарностью принимало знания и опыт художника.

В родное село Александр Дмитриевич всегда привозил гостей: своих коллег-художников, работников областной Пушкинской библиотеки, журналистов. В последний раз привёз даже московских кинематографистов – съемочную группу «Аквариус», которые снимали о художнике документальное кино. Александр Дмитриевич никогда не приезжал с пустыми руками, всегда привозил подарки – картины

для галереи, сладкие сувениры, выделял денежные средства на нужды школы.

В 2006 году Пушкинский праздник совпал в 80-летием художника. Свой юбилей он решил отметить на родной земле. В программе праздника было костюмированное шествие, театрализованное представление по пушкинским произведениям, экскурсии по картинной галерее. В моей памяти осталось внезапное появление долгожданного гостя – А.С. Пушкина. В школьный двор он въехал на двухколке и, опираясь на трость, прошёл на почётное место. С ролью поэта прекрасно справился ученик Сергей Рассыльнов.

Настоящим подарком для жителей села стала демонстрация фильма о жизни и творчестве художника-земляка. С большим интересом зрители смотрели на экран: они видели родное село, себя, своих детей, свою историю и лучшие авторские работы, хранящиеся в различных музеях области.

Пройдут года. И в Пушкинский зал придут мои дети, а может быть, и внуки...

Новое поколение школьных экскурсоводов будет рассказывать им о великом поэте – А.С. Пушкине, о художнике-земляке А.Д. Казакове-Клинцовском, создавшем уникальную галерею «Пушкини его современники». А я, слушая их восторженные впечатления от экскурсии, буду гордиться тем, что когда-то тоже была экскурсоводом в родной школе и имела возможность прикоснуться душой и сердцем к судьбе и творчеству любимого поэта.

Владимир МОЛОТКОВ (г. Петровск)

Муза

*Поэзия как ангел утешитель
спасла меня, и я воскрес душой*
А.С. Пушкин

Таинственна и сладостна пора
Влечения к поэзии высокой.
Когда свежо, торжественно с пера
На лист стекают трепетные строки.

Ты с Пушкиным шагаешь не спеша,
Шурша листвой, в Михайловскую осень,

Ты слышишь тихий шелест камыша
В пруду Тархан иль на поле колосьев.

С четой берёз. Иль вдоль Оки чуть свет,
Бредёшь один к есенинскому дому,
Где мать с любовью чествовал поэт
Стихами, неподвластными другому.

Но есть другая — горькая пора,
Когда беда бьёт злобно за бедою,
Пронизывая болью до нутра
И падаешь без сил, как после боя.

Волчицей злой бросается беда.
Одна, другая, третья и ещё там
Бывает в наших судьбах иногда —
Такое, что сбиваешься со счёта.

Но всё ж светла и благодатна жизнь!
Ко мне пришла и рядом села Муза.
Взяв за руку, промолвила: «Держись»
Очнулся, ожил, Был я Музой узнан.

И брызнула безбрежная заря
В мои глаза заветным чудным светом.
Не зря, друзья любезные, не зря
У муз в телохранителях поэты.

Поэзия — волшебная страна,
Души пенаты — создавай и здравствуй!
О. Муза, благоденствия полна,
Веди в своё пленительное царство.

Пушкин — историк

Время от времени возникает идея, что Пушкин устарел. Вздор! Вне всякого сомнения, чем больше, ближе и глубже знакомишься с поэтом, тем больше находишь в нем нового, интересного, загадочного. В небольшую заметку не уложишь всего желаемого сказать. Да, Пушкин — это океан, который вечно манит и своими просторами, и своими глубинами. Пушкин для нас, как Гомер для греков, как Данте для

Италии, для Германии – Гёте, для англичан – Шекспир и Байрон, последнего, кстати, Александр Сергеевич очень любил за неукротимость борьбы за истину и справедливость, за революционный романтизм. В письме своему другу Петру Вяземскому поэт пишет: «Нынче день смерти Байрона – я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности».

Пушкин не только великолепный поэт, но и замечательный прозаик, вдумчивый литературный критик и неугомонный публицист, проникновенный и глубокомысленный историк.

Буквально забомбардировал он шефа жандармов Бенкендорфа просьбами разрешить ему доступ к государственным историческим архивам. Всепоглощающий интерес к событиям и явлениям прошлого так увлекали поэта, что он уже не представлял себя вне истории России, впрочем, как и зарубежья, где, к великому сожалению, ему не удалось побывать. Это теперь можно считать, что Пушкин был, по крайней мере, в пяти странах.

В ответ на письмо Николая Гнедича, автора перевода гомеровской «Илиады» на русский язык, в котором тот предлагает поэту воспеть в стихах историю святой древней Руси, глубоко сожалея, что «тень Святослава скитаются не воспетая», автор «Песни о вещем Олеге» пишет: «А Владимир? а Мстислав? а Донской? а Ермак? а Пожарский? История народа принадлежит поэту».

Считается, что сорок-пятьдесят пройденных лет – уже история. Истинный и искренний патриот, Пушкин проникновенно и тщательно изучает «дела давно минувших дней», будь то отношения России с Турцией или прошлое молдавских цыган, времена Петра Великого или события Пугачевского восстания, переселение калмыцких племен или даже... Французская революция. Путешествуя по Уралу и Поволжью, в своих исследовательских материалах о восстании на Яике, о пленении Пугачева и сопровождении его Суворовым поэт упоминает и наш Петровск с произошедшими здесь событиями.

Пушкин как натура, как личность разносторонен, пытлив, многогранен. Далеко не каждый знает, что поэта глубоко заинтересовала даже экзотическая Камчатка, хотя она куда как дальше и Лондона, и Парижа. Но это наша земля, край нашего Отечества. География, этнос с его обычаями, устоями, нравами, жизнь аборигенов-коряков, юкагиров, камчадалов, курилов, освоение и заселение русскими людьми – все представляет интерес для исследователя. «Камчатка – страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанно овевают ее. Снега не тают на высоких горах», – пишет Пушкин. Открытия русскими землепроходцами Федотом Алексеевым и Семеном Дежне-

вым до петровских и елизаветинских времен — диапазон изучения историка. Коротко, сжато, четко. Только факты без каких-либо лирических отступлений и комментариев. Подробно пишет о «Камчатском Ермаке», как он его называет, Владимире Атласове, немало претерпевшем злоключений в далекой земле. Периодически на Камчатку шли отряды по 50–100 казаков. После гибели Атласова на его место был послан боярский сын Петр Чириков и бывший при казне сын боярский Иван Панютин с 50-ю казаками, дано которым две пушки медные, сто ядер, пять пудов свинца, восемь пудов пороху. Строительство и заселение крепостей (острогов), открытие морских путей в Охотск, в Анадырь, на Курильские острова, мятежи, сбор подати (ясака) — все оживает под пером поэта. К примеру, он пишет: «Ясак состоял из 332 соболей, 3282 лисиц красных, 7 бурых, 41 сиводушчатых да 259 морских бобров».

Год за годом осваивалась «Камчатская землица». Шли сюда новые предводители — Василий Севастьянов, Василий Колесов, Дмитрий Павлуцкий... Шли сюда и бесстрашно селились русские люди. Обо всем этом пишет Александр Сергеевич. Таков Пушкин-историк, и ему небезразлично и дорого было благополучие Отечества.

Читайте Пушкина! Пусть юбилей поэта станет причиной взять в руки томик его прозы — вы узнаете много нового и интересного о своей родине.

Наталья МОЛОТКОВА (п. Алексеевка Хвалынского района)

Великому поэту

Писать о гении имею ли я право?
Иль чести удостоена? За что?
Хочу приблизить пушкинскую славу?
Иль прикоснуть к поэзии чело?
Не знаю, как ответить на вопросы,
Зачем берусь о Пушкине писать.
Но ветер мысли к классику уносит
Родник желаний вовсе не унять!
В нём поражает искромётность мыслей,
Блистательный язык и божий дар.

И время перед гением повисло,
Признав талант и благородства жар.
Как Глинка в музыке достиг вершин творенья,
Так Александр Сергеевич воспел словотворенье!

Анна МОРКОВИНА (г. Саратов)

Летние стансы

На улице Пушкина ива
Плакучая тихо растёт,
Прохладна, скромна и красива.
Над нею плывёт небосвод.

И облако, словно Гораций,
Всю мудрость июня вобрав,
Не может грустить и смеяться,
Чтя кодекс таинственных прав.
И бюст загорелый поэта,
Чьи очи печалько полны,
Томится, как памятник лету,
До будущей, лучшей весны.

* * *

Трагедий нету маленьких,
Нет горя мелких порций —
И Гость приходит Каменный,
И умирает Моцарт.

И пир, чумой приправленный,
И в посвисте метели
Пустеет бал оставленный
Убитым на дуэли.

Прощай задира-мученик,
Игрушка злых заветов,
Оставивший — по случаю —
Весь мир, тобой воспетый.

Александру Сергеевичу Папшеву

Не за созвучие имени-отчества
И совпадение инициалов —
Мне поклониться Папшеву хочется
За воздвижение пьедестала.

Пушкину в нашем любезном отечестве
В городе, где побывал он когда-то,
Пусть благодарное человечество
Пушкинской точкой считают Саратов.

Время проходит, и взгляды меняются...
Люди читают с поклоном глубоким
То, что незыблемым сохраняется —
Ваши о Пушкине лучшие строки.

Татьяна МУХАМЕТШИНА (г. Балаково)

* * *

Не надрывайте связки, господа,
Напрасный труд все ваши рассужденья.
О том, что неминуема беда
Высоких душ разъединенья.

Нет. Дух наш неделим, как никогда,
Скреплялся он бессмертными строками.
С тех пор, как незакатная звезда
Веленьем Божиим вознеслась над нами!

С тех пор, как в каждодневной суете
Храним в душе заветное распятье.
Мы братья все не только во Христе,
В святой любви к поэту все мы братья!

* * *

Струится жизнь, как с горных круч вода.
Слагая в годы, дни уносит вдаль,
Но остается с нами навсегда
Одна на всех и радость, и печаль.

Какая б нам ни выпала беда,
Умрём сто раз и возродимся вновь,
Ведь остаётся с нами навсегда
Одна на всех и слава, и любовь.

Он был правдив, он честен был и прям.
Он орденов в петлицах не носил,
Но дай-то Бог всем научиться
Любить Россию так, как он любил!

Дом на Мойке

Ночь над Невой, но в сумраке седом
Всё скрип саней да гулкий конский топот.
Не спит на Мойке белостенный дом,
Вокруг него не умолкает ропот.

Медлительно, как будто не спеша,
Скользя по тёмным сводам кабинета.
Прошается бессмертная Душа
С несчастным телом русского поэта.

К его одру неслышною стопой
В притихшие, печальные покой
Стекаются невидимой толпой
Его осиротевшие герои.

Он оживил их росчерком пера,
Заставил плакать, верить и смеяться.
И вот теперь проститься им пора
уходит он — они должны остаться.

Чтоб в тот же час, в безмолвии ночном
Нелёгкий путь пройти поодиночке,
И на заре, ворвавшись в каждый дом,
Застыть навеки в гениальной строчке!..

Ночь над Невой, и в сумраке седом
Холодный ветер пешеходов гонит...
Не спит на Мойке белостенный дом,
Как верный друг, он всё скорбит и помнит.

Галина НИКИТИНА
(г. Энгельс)

Мой Пушкин

Читать я научилась рано:
Годков, наверное, с пяти.
А начала с чего? — с «Руслана»,
Верней, к нему на полпути.
Картинку гладила ладошкой.
И разбирала подпись к ней:
«Там, на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...»
Волшебным звуком этих строчек
Была навеки в плен взята.
Во сне звенел мне колокольчик
На шее умного кота.
Меня тот звон вёл в лес дремучий,
И я бесстрашно шла вперёд.
Ведь думала, что дуб могучий
Средь... грядки луковой растёт.
А грядка — прямо рядом с морем, —
Такой вот образ возникал.
(Таинственного Лукоморья
Мой детский ум не понимал).
Зато в моём воображеньи
Всех ярче был старик Кошечай
(Добрейший сторож дядя Женя
С огромной связкою ключей)...
Я многого не понимала,
Но ритм меня заворожил.
Твердила вновь и вновь сначала:
«И я там был, и мёд там пил...»
Играли с куклами подружки,—
Мне было не до их затей:
Что там за странная избушка
«Стоит без окон и дверей»?
Как могут крохотные ножки
Дом настоящий удержать?
Поморщив лобик свой немножко,

Я принималась вновь читать.
«Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя,
Там в облаках, перед народом
Колдун несёт богатыря...»
Как будто музыка звучала,
Меня манила и звала!
С восторгом строчки повторяла.
Шли годы – суть их поняла.
И, спрятав книгу под подушку,
Ждала я новой встречи с ней.
Мне снился Александр Пушкин...
«Дела давно минувших дней»...

Пушкинский стих

Все плакали над убиенным:
Ему бы жить ещё да жить!
О нём писали: несравненный...
И верно, с кем его сравнить?
Он был талантлив, артистичен,
А стих его – силён, могуч,
Блистательен и поэтичен,
Как капелька смолы, тягуч.
И, как звезда, далёк и ярок,
Высок и мягок, как волна.
Он, как костёр,
Искрист и жарок.
И многоцветен, как весна.
В нём – доброта, любовь и нега,
Прозрачность звонкого ручья;
В нём – чистота и свежесть снега,
Многоголосье соловья.
В нём – обольстительная нежность,
Сиянье, блеск... и простота;
И нарочитая небрежность,
И подлинная красота.

**Елена НИКИШИНА
(г. Саратов)**

* * *

Тоска, тоска... Так давит душу...
Снег падает с небес, как слёзы,
Над чем-то давним и минувшим
Летят, летят снежинок звёзды...
Тоска веков от речки Чёрной,
Когда упал сражённый Пушкин.
Снег падал также равнодушно,
И также боль сжимала горло.
И было то, что суждено,
Что сам он напророчил в Ленском...
И я не знаю, отчего:
Во снах или мечтах из ничего
Коснулась скорби я вселенской.

**Анна НОСОВА
(п. Чапаевский Пугачёвского района)**

Имя России

Пушкин... Это имя знакомо каждому в России и за её пределами. С детского сада нам известны строки:

*У Лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том...*

Читаешь, и перед глазами предстаёт огромный величавый дуб, кот — хитрый, пушистый, знающий всё на свете. Мир сказки появляется постепенно: неведомые дорожки, невиданные звери, русалка, избушка на куриных ножках...

Мне очень нравилось в детстве рисовать иллюстрации к сказкам. К любым. Но лучше всего у меня получались всякие страшилища, Баба-Яга и Кошечка; не очень получались, правда, Василисы и Иваны-царевичи, но я старалась!

К стихотворениям А.С. Пушкина я рисовала иллюстрации с удовольствием в детском саду, потом в школе, сначала в младших классах, затем в старших. Они получались всё лучше и лучше. Также, всё

лучше и лучше, я узнавала Пушкина. Оказывается, что у него есть стихи про всё! Наступила осень, мы пошли в школу и с удовольствием учили:

*Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов, таинственная сень
С печальным шумом обнажалась...*

И было ещё непонятно, что такое «сень». Но печальный шум был близок настроению. Началась зима. Первый снег радовал белизной и свежестью, все с нетерпением ждали, когда же, наконец-то, замёрзнет пруд, можно будет покататься на льду. И в такт с нашим настроением звучало пушкинское :

*Зима! Крестьянин торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь.*

А сказки! Я смеялась вместе с А.С. Пушкиным над жадной старухой, переживала за прекрасную царевну (когда же, наконец, найдёт её Елисей?), ждала с нетерпением, когда встретятся царь-Салтан со своими женой и сыном, радовалась за Балду. Почему-то мне не очень нравилась «Сказка о золотом петушке», но мне запомнилось одно: держать данное слово.

Я росла, взрослела, переписывала стихи, а среди них мне попадались:

*«Любви все возрасты покорны, » —
Великий Пушкин так сказал.
И этой истины бесспорной
Ещё никто не отменял.*

И мне захотелось узнать стихи Пушкина лучше. В школе в это время проходил конкурс, посвящённый поэту. Я сумела ответить на все вопросы и победила. Сколько нового я узнала! С удовольствием прочитала новые стихи и вдруг нашла в них хорошо мне знакомые. Оказывается стихотворение «У Лукоморья дуб зелёный» — это вступление к поэме «Руслан и Людмила», а стихи об осени и зиме — отрывки из романа «Евгений Онегин».

Мне очень нравится роман «Евгений Онегин». Я могу перечитывать его сколь угодно, он мне не надоедает. Каждый раз я открываю для себя в нём что-то новое. Поражают простота и образность языка поэта, то, как точно выражает он чувства и мысли героя.

Среди драматических произведений А.С. Пушкина мне встретилась «Русалка». Эта незаконченная драма очень мне понравилась таинственным сюжетом, загадочностью. Жаль, что она осталась незавершённой.

В нашей стране объявлен конкурс «Имя России». Нужно выбрать 12 людей, которые олицетворяли бы всю Россию. Для меня Россия — это прежде всего А. С. Пушкин.

Алексей ОВЧИННИКОВ (г. Аткарск)

Пушкин для меня всегда герой

А ты пошёл бы с Пушкиным в разведку?
Представь, что были б вы друзья...
Такие мысли у меня не редки,
В фантазиях такого упускать нельзя.
Я верю — Пушкин был бы друг надёжный,
Ему бы, не боясь, доверил я секрет.
И в жизни миг довольно сложный
Он бы мне дельный дал совет.
И в ссылке, где-то на Кавказе,
Его по голосу я б с лёгкостью узнал —
В знакомом слове или фразе
Есть то, чего я у других ни разу не встречал.
В моих фантазиях живут его герои:
Дубровский, Ленский, царь Салтан,
Онегин, Моцарт и Сальери —
Мне другом верным Пушкин стал.
И за столом. Среди знакомых,
Пускай хмельных, но добрых лиц
Всегда узнаю взгляд поэта —
Печальный взгляд из-под ресниц.
И если б смог, то на дуэли,
Его закрыл бы я собой.
И что б завистники не пели,
А Пушкин для меня всегда герой.

Ольга ОРЛОВА
(г. Энгельс)

* * *

*Известно, что пуля Дантеса не была извлечена
из тела А.С. Пушкина*

Смертельная рана.

Смертельная.

И соль. И рыданья жены.
И смерть. И дорога метельная.
И крест у соборной стены.
Тому уж второе столетие.
А боль, словно в сердце игла.
Вам странно? А вы не заметили
Что пуля с Рим в землю легла?
Что пуля того, с эполетами,
О, гнев. Дай сказать, не души! –
Красавца с ногами балетными,
Больного пороком души.–
Та пуля, тупая, калёная,
Вонзилась укусом змеи
Сквозь снежное платье холодное, –
Вы слышите? – в тело земли!
А если земля твоя ранена
Разрывом, ударом ножа,
Иль пулей – так что же тут странного,
Что боль так болит, так свежа?..

Александр ПЕРЕПЁЛКИН
(г. Саратов)

Мой сон

Я как-то Пушкина читал,
Усевшись в кресло летом,
И незаметно задремал,
И встретился с поэтом.
Приснился мне чудесный сон,
Что сам великий гений

Ко мне явился на балкон
И встал, скрестив колени.
Меня он выйти попросил
И я к поэту вышел.
– Послушай, тёзка, я звонил,
Ты что, звонка не слышал?

Я в дверь твою два дня стучу.
Ты дверь не открываешь.
А я, как проклятый, молчу,
И что сказать, не знаю.
Сегодня день последний мой,
Как я брошу по свету
И вот пришёл к тебе домой
Я, как поэт к поэту.
Душа, бездействуя, скорбит.
И мечется в эфире.
Я знаю, Пушкин не забыт,
Непросто быть кумиром.
Он говорил. А я молчал,
А что я мог ответить,
Что я двух строк не написал,
Что мне звезда не светит.
Что с появлением на свет
Вот в этом бренном теле
Живёт художник много лет.
Как Боги повелели.
Он продолжал: – Мой дорогой,
Послушай, Александр,
Я прилетел к тебе домой
С посланьем от Кассандры.
Она сказал: « Пусть он ждёт
По трём её приметам».
Однажды час такой пробьёт,
И станешь ты поэтом.
Час тот не долго ждать,
Как сбудутся приметы,
И ты начнёшь стихи писать,
Поэмы и сонеты.
Свободно, просто и легко
Как я писал когда-то,
И этот час недалеко,
Настала эта дата.
Промчалось полтораста лет,
Как Пушкина не стало.
Я навсегда покинул свет,
А вот душа летала.
И в этот юбилейный день,
Моя душа, как птица,
Промчалась грешная, как тень,

Чтобы в тебя вселиться.
Наскучил звёздный ей покой,
Впустую суетится,
Пусть малость поживёт с тобой,
Пора ей потрудиться.
Тебе сегодня пятьдесят...
И он меня коснулся,
Но слышу, громко в дверь стучат
И тут же я проснулся.
Пошёл я двери открывать.
В дверях стоит Светлана –
Жена моя, ни дать, ни взять.
Как Зыкина с экрана.
Послушай, Саша, я стучу
И сумкой надрываюсь,
А я, как статуя, молчу
И с Пушкиным прощаюсь.
Стоял столбом и сожалел,
Расставшись так с поэтом,
Что он открыть мне не успел
Последнюю примету.

Зачем тогда, на склоне лет
Мне твой завет, как драму,
Во сне пересказал поэт,
Ответь мне, дочь Приама?
И почему не в двадцать лет
Мне этот сон приснился?
Тогда б Кассандра, твой завет
Мне точно пригодился.
Но той поры тревожно мне,
Как он меня коснулся.
Живу, Кассандра, как во сне,
Я будто не проснулся.
А твой посланик, мой поэт,
Живёт в моих виденьях.
То, как Кипренского портрет,
То, как Богов знаменье.
И с той поры, мои друзья,
Откроюсь перед вами:
Пишу и часто мыслю я
Не прозой, а стихами.
Уже не молод я и сед,

Средь муз живу, безбожник.
Коль он со мною, я — поэт,
А коли нет, — художник.
Подвластны мне и явь, и сон.

Живу с двойной душою.
То будто я, то будто он...
Сгорает жизнь свечою.

К портрету А.С. Пушкина

Он снова посетил меня во сне,
С зарёю перед самым утром
И что-то говорил как будто мне,
Уставшим выглядел и мудрым.
Но, что он говорил, не слышал я,
В пространстве пальцем указуя.
То ль утверждал, — стихи судьба твоя,
То ль осуждал, не так стихи пишу я.

Наталья ПЕСЧАНСКАЯ
(с. Натальин Яр Перелюбского района)

Пушкину

Возложите венки на могилу поэта
И букет алых роз положите ему.
Его песня ещё до конца не допета.
Его имя ещё не уходит во тьму.
Грянул выстрел в тиши — и не стало поэта,
Только брызнула кровь лепестками на снег.
Его песня ещё до конца не допета,
В безызвестность ещё не ушёл человек.
Пусть не встанет он, а не увидит рассвета,
Что сменяет собой беспросветную тьму.
Возложите венки на могилу поэта!
И букет красных роз положите ему...

* * *

Осенняя пора, лучи рассвета,
И золото листов роняет клён.
Ах, в осень, а не зиму и не в лето.
Ты, Александр, был всегда влюблён.
Печальное природы увяданье

Со страстью в своих строчках ты воспел.
Когда деревья в сонном состоянье
Встречают безутешно свой удел.
Когда на улице — дождливая погода,
От листопада голову кружит.
Когда ручьём затихшая природа
По руслу времени так медленно бежит.
Тебе просторы леса больше любы,
Покрытая листвой златой земля.
Мне ж степь родного Перелюба
Дороже, её реки и поля.
Ты «пышное природы увяданье»
В своих стихах давно уже воспел.
Деревьев полусонных угасанье,
Кустов и трав желтеющих удел.
А я весну люблю. Её цветеньем
Охвачена порою вся земля.
И ветка фиолетовой сирени
Укажет путь мне в дальние края.

Анна ПОДГОРНОВА
(с. Алексеевка Базарно-Карабулакского района)

Мой родственник

Мы в комнате вдвоём:
Он за столом сидит,
А я, уткнувшись в том,
стихи читаю.
И чувствую, как взгляд его
следит
За тем, что я
не понимаю.
И мысль направить
в правильное русло.
Он — мой отец, а я,
возможно, — дочь.
Хотя, наверно, дочь его —

Искусство.
Он мало жил, и 37 –
не срок,
Когда пора приходит мир
покинуть тесный.
Уйти туда, где сплошь
речной песок.
Где у души лишь облик
бестелесный.
И он ушёл в неведомую даль,
Оставив дар
божественный
бесценный.
Ах, Пушкин!
В сердце горькая печаль,
Что ты ушёл
трагически со сцены.

Иван ПОПКОВ
(с. Новые Бурасы)

Ночь перед дуэлью

И сколько тамсталось жить на свете,
И это правда, неужель?
«На Чёрной речке, завтра, на рассвете
Явиться соизвольте на дуэль».

О жизни краткой, о возможной смерти
Легли раздумья на покатом лбу –
И сколько там осталось жить на свете,
И стоит ли испытывать судьбу?

Горит свеча, стучат часы в прихожей,
Какая разница теперь – по чьей вине?
В кудрявой голове одно и то же –
Что день грядущий уготовил мне?

«Паду ли я на снег глубокий,
И горечь душу окропит,

Или архангел светлоокий
Меня от смерти защитит?»

Смыть кровью сплетни, Боже правый!
Но что поделать: се ля ви —
Обида требует расправы,
А сердце требует любви.

Тень на стекле как будто корчит рожи,
То мечется, то прячется на дне.
А в голове опять одно и тоже —
«Что день грядущий уготовил мне?»

Пусть я умру, пусть кровью жаркой
Прольюсь на землю — всё приму,
Но пачкать имя грязью маркой
Я не позволю никому.

Чего-чего, а подлецов хватает
На православной матушке Руси.
Уходит ночь. Едва-едва светает.
Пора, однако. Господи, спаси!

Виктор ПОПОВ
(г. Петровск)

Петровск и Пушкин

Мой дядя самых честных правил
В Петровске-граде проживал.
Но не искал богатств и славы.
Он с детства Пушкина читал.
Россию он прошёл, проехал
И для него одна утеша:
Сегодня здесь, а завтра там. —
Всегда по пушкинским местам.
Его искали телеграммы
И телефонные звонки.
Для писем дядя был закрыт

Жила в печали его мама.
Пыталась дочь его искать:
Он в Оренбург уже скакал.

В краях ковыльных Оренбуржья
(Где, может быть, бывал и ты)
Зимой в метель и злую стужу
Искал он Пушкина следы.
Где пил чай, где сказки слушал,
Где открывал крестьянам душу.
Развеивал дяде печаль

Дом тот, где Пушкин ночевал.
Почти столетье пролетело,
Но люди память берегут:
Поэт читал стихи вот тут,
А здесь боролся он с метелью,
А здесь на тройке проскакал.
Мой дядя гнался — не догнал.

Шумят века. И мы стареем:
Теряем вид, теряем лоск,
Мой дядя знает, он уверен,
Что Пушкин посетил Петровск.

Он записал былины, песни.
В Саратов мчался он из Пензы,
А здесь, хоть как крути-верти,
Петровск любимый на пути.
Шумят года, и вскрылись раны.
Мой дядя с точностью узнал:
С прабабки нашей написал
Наш Пушкин дочку капитана.
Поэт стал ближе и родней
С прабабкой мы одних кровей.

Сказки Пушкина

Родился я в тайге сибирской,
В семье крестьянской и большой
А за околицей (так близко)
Голодный волк бродил зимой.
Но не о том хотел сказать я:
Мои двоюродные братья
Ещё живут в деревне той
И предков берегут покой.
Своей я маме благодарен:
С Крыловым, Пушкиным. Она
Стихи читала с пылом, жаром,
Хоть и безграмотна и пусть
Стихи читала наизусть.

Когда мороз, когда метели.
Передо мною стрекоза,
Что лето красное пропела,
А тут зима катит в глаза.
Я мать просил всегда с улыбкой:
«Про рыбака читай и рыбку».
Читала мать, читала мне,
И видел невод я во дне.
Старик, похожий на соседа,

Ещё не слаб, ешё не хлип,
Забросил невод. Ждал обеда.
Я от волнения дрожал —
Мне было очень рыбку жаль.

Попалась рыбка не простая
И бьётся в неводе хвостом.
Её чешуйка золотая
Сверкает пламенным огнём.
Кричит старуха ртом открытым:
«Пускай заменит мне корыто!»
И знаю я, что наконец
Старуха требует Дворец.
Вот жадность. Жадность. Нет
предела.
(Куда заводит нас она?)
И ни покрышки и ни дна —
Царицей бабка захотела.
И чем закончилось потом?
Корыто, дед и старый дом.
Года летят. И лоб морщинит.
Жизнь разбивается о быт,
И в волосах белесый иней,
Но сказки детства не забыть.

О Пушкине

О Пушкине ещё не всё пропето,
И сказано о Пушкине не всё.
Всегда он неизвестная планета,
И неразгаданный столетиями сон.

О нём пиши и прозу, и поэму.
Он величав, истории под стать.
О, Пушкин! Он всегда, как теорема,
Которую в веках не разгадать.

И памятников гению так мало
(История ещё не все хранит)
А Пушкин остаётся идеалом.
Поэзия жива и будет жить.

Светлана ПОПОВА
(с. Широкое Татищевского района)

Обращение к Пушкину

Ах, Александр Сергеевич! –
Я обращаюсь к Вам
Из двадцать первого века,
Где нет кавалеров и дам.
Осталась в далёком прошлом
Честь обеих сторон.
И слышен вокруг не французский,
А пошлый и скверный жаргон.
Здесь даму, увы, не пропустят
И не предложат присесть.
И на дуэль кавалеры
Не пойдут защищать её честь.
«Кавалеры» и «дамы» в кавычках,
С амбициями до небес
Другие имеют привычки
И странный, порой, интерес.
Здесь правила этикета
Давно пылятся на полках,

А красота при этом
В пирсингах и наколках.
И то, что модно порою,
Невозможно окинуть взглядом.
Гордятся, словно герои,
Чуть прикрытым задом.
Вам, Александр Сергеевич,
Нынешний век не узнать.
В те клубы, что раньше ходили
вы,
Теперь никого не зазвать.
Балы изменили названия,
Теперь это шквал дискотек.
От внутреннего содержания
Дуреет порой человек.
За деньги и без стеснения
На каждом углу стриптиз.
В ваш век рождались гении,—
Наш век катится вниз.

О Пушкине

Пушкиным родиться невозможно,
Так же, как по-пушкински творить,
Просто быть талантливым
не сложно,
Гениальность надо заслужить.

Ведь словами мысли виртуозно
Мог он на бумаге разместить.
Жанр любой: поэму или прозу –
Так создать, что лучше не сложить.

И пускай пройдут ещё столетья,
Его имя будет также на слуху,
Прочитают мамы своим детям
Пушкина любимую строфу.

Он, как звезда на небосклоне,
Что так ярка, но далека.
И для того, кто к рифмам склонен,
Недосягаем он ...пока.

Елена ПОТАПОВА
(с. Большая Фёдоровка
Татищевского района)

Мой Пушкин

Мой Пушкин. Фамильярно очень?
Зато искренне и точно:
Любимый томик под подушкой
И притененной лампы свет...
И так вот много-много лет
В вечерней и ночной тиши
Десяток строчек для души.
И суeta дневная мельче
Покажется – в его строках
Так много добрых, мудрых мыслей,
А сколько музыки в стихах!
Вздохнёшь и, сонно улыбаясь,
Положишь под подушку том.
И спиши всю ночь, не просыпаясь,
Волшебным, дивным, лёгким сном.

Татьяна ПОТАПОВА (г. Красный Кут)

Чудо Пушкинского стиха

Открываю томик пушкинских стихов. Наугад. Читаю с любой строчки. Не перестаю удивляться чуду абсолютной гармонии чувств, мысли и слова. Это пленяет, завораживает. И неудержимо тянет читать и читать дальше.

Пушкин дарит нам щедро и непринуждённо бесценные «россыпи мудрости». Отвечает на бесконечно возникающие в жизни вопросы – острые, злободневные. Стихи Пушкина волнуют нас так, как будто написаны в ответ на сегодняшние наши проблемы... И это почти через два века! Как сумел поверить поэт так безоговорочно и в своих, и моих современников?! А ведь и возрастной, и исторический диапазоны у нас такие разные. А разрыв в образовании и культуре почти катастрофический. Он достигает размеров непроходимой пропасти. Наверное, происходит это потому, что, будучи сам человеком высоких искренних чувств, Пушкин предполагал это и в других. Мерил всех своей высокой планкой доброты и чести. Но прозорливость гения не давала подняться до оценки «всех без изъятия», до немыслимых высот. Тонкий психолог, он видел почти физически невозможность достичь того нравственного идеала, который христианская церковь видела в самопожертвовании. Но он верил (он – поэт и человек!) в великие возможности русского человека, в его извечную тягу к справедливости. Поэтому и писал от первого лица, поэтому и обращался к лучшему в нашей душе. Он объединял нас великим словом любви, он дарил нам надежду, он верил в нас, он – законная гордость России, бесценное достояние Русского народа. Он подарил нам законную гордость, называемыми россами, великороссами. Потому что это ко многому обязывает каждого из нас.

«Хорошему человеку»

Эта книга одиноко лежала в парке на скамейке... Я знала, что часто хорошие книги подписываются. Подошла. «А.С. Пушкин – Избранное». Открыла. Наискось через форзац было написано: «В подарок хорошему человеку». Я почему-то растерянно оглянулась по сторонам. Рядом никого не было, значит, книга предназначалась мне. Стало почему-то странно легко на душе. Но лёгкое чувство тревоги

не покидало. Согласитесь, надпись ко многому обязывала. Но вера в меня, в доброе во мне окрыляла. Потому что подарок был сделан по-царски щедрый: прекрасные мне дарил стихи замечательный человек, который верил так же искренне, как и сам Поэт.

Роман ПРУДНИКОВ (р.п. Романовка)

Пушкинская осень

Октябрь – самая середина волшебной, золотой осени. Ах, какое же это прекрасное время года! время поэзии, наполнение увядющей красотой, оставленной отшумевшим летом.

Прогулявшись по нарядно-убранному лесу и наслаждаясь его тишиной, смотрю на разноцветный ковёр из листьев под ногами. Боже мой, какая пестрота! Кажется, вся палитра осенних цветов собралась здесь. Будто неведомый художник крупными мазками нанёс всё это на зелёный холст, сотворив настоящий шедевр.

Свежо. В чистом воздухе чувствуется дыхание приближающейся зимы. Где-то вдалеке еле слышно шуршит очередной упавший лист и невольно откуда-то из глубины души всплывают, словно лёгкие мелодии осеннего вальса, стихи:

*Унылая пора! Очей очарованье! Приятна мне твоя краса.
Люблю я пышное природы увяданье.
В багрец и золото одетые леса...*

Ах, Александр Сергеевич! Вы тоже когда-то, как и я, любили эту чудную пору, не раз повторяя это в своих стихах и прозе. Вы были поистине лучиком солнца, сияющим сквозь низкие хмурые тучи. Да разве ж можно не любить Российскую природу? Она, в любой поре, как жизнь, всем хороша! А осень, как царица, правит балом, червлённо, злато-щедро нам даря.

Вот уже иду обратно по узкой тропинке. Закончилось моё свидание с лесом, а сердце так и поёт в груди. Стучит окаянное в такт вечным, как мир, стихами:

*И каждой осенью я расцветаю вновь,
Здоровью моему полезен русский холод,
К привычкам бытия вновь чувствуя любовь,
Чредой слетает сон, чредой находит голод.*

Татьяна ПРЯДИХИНА
(г. Энгельс)

На встречу Пушкина и Марии Раевской

Море, горы, на Кавказ дорога...
Дни тихи, прозрачны и легки.
Девочка мила и быстронога,
Бегает с волной вперегонки...
И не думали, что счастье вдруг растает,
Что назначен жребий им иной —
Князь Волконский ей супругом станет,
Гончарова — Пушкина женой.
Что готовит время быстротечно,
Не расскажет им морская ширь.
Пушкину — дуэль на Чёрной речке,
Девочке — изгнание в Сибирь...
Это после — сердце затрепещет,
Болью вспыхнет в роковом огне.
А пока — спокойно море плещет,
И поэт завидует волне...

Василий РЕСНЯНСКИЙ
(г. Энгельс)

Памяти Пушкина

Погиб поэт... И лет прошло немало,
Как выпало перо из славных рук.
Но музу не погасла, не увяла.
Своих владений расширяя круг.
Она в зените властвует над нами,
Великих дум и ярких чувств полна,
Как то — упавшее то знамя
Поэтами подхвачена она.
И слово русское не стихло, не пропало
Среди бумажных дебрей и пучин,

Оно ещё многоголосней стало,
Провозглашая Пушкина почин.
И лучший памятник придумать невозможно,
Чем те стихи, где мы своей рукой
Живописуем мир наш многосложный
Высокой поэтической строкой.

Никита РУБЦОВ
(г. Аткарск)

Клянусь и верю, Александр...

Мы, современные поэты,
Взрастим утихшей лиры глас.
Впитали мы твои заветы —
Они живут в душе у нас.

Мы будем жечь глаголом стройным
Навек уснувшие сердца.
И все останутся достойны
И не отступят до конца.

Чтоб в час души, беспечно спящей,
Вновь пробудился человек.
И неподдельной, настоящей
Зажил бы жизнью в этот век.

Не пропадут твои уроки,
Пройдут безмолвия года,
Но будут вечны живы строки
И не погаснут, как звезда.

Тебе и лире присягаю,
Клянусь, покуда я дышу,
Я, ни на миг не остывая,
Путь к пробуждению освещу.

Ольга РЫГАЛОВА
(п. Горный Краснопартизанского района)

Ода поэту

Я ямб, и, вместе с ним
Хорей,
Для классиков
оставлю,
А Пушкина в простых стихах
прославлю.
Взгляд дерзновенный.
Бакенбарды. Смоль кудрей –
Таков портрет поэта
в памяти людей.
Гусиное перо. Горит свеча,
которой зыбок свет.
И с музой ждёт свидания
Поэт.
Он – в нетерпении,
весь горит от вдохновения,
А результат –
его бессмертные творения.
Его стихи, как молнии удар,
как тёплый вечер – проза.
Читать их наслаждение:
в летний зной, иль в лютые морозы.
В руке перо, глаза, что угли,
смоль кудрей –
Таков портрет Поэта
в памяти людей.

Валерий САВИН
(г. Петровск)

В дороге

...Надобно тебе знать, что нынешний год была всеобщая засуха, и что
Бог угодил на одного меня, уготовя мне везде прекраснейшую погоду...
(А. С. Пушкин – Н. Н. Пушкиной, 2 октября 1833 г. из Болдина)

— Эй, ямщик, какого чёрта,
Ты сидишь, что бедуин.
Глянь, как осень красит вёрсты,
Что ж тащиться средь картин?

Погоняй своих лошадок,
Путь до Болдина далёк.
Пусть в коляске старой, шаткой
Растрясёт меня чуток.

На Руси дороги плохи,
Все мосты вовсю гниют.
А в гостиницах, брат, блохи
Спать нисколько не дают.

Ипполит встряхнулся бойко —
Пристяжной рванул, заржал.
— Шевелись лихая тройка,
Просит граф, мой генерал! —
И пошла, пошла лихая,
Лишь в глазах мелькает цвет!
Чудо-осень золотая
Улыбается вовслед.

Позади Уральск казацкий,
Оренбург, стан Пугача,
Вождь, где с выходкой кабацкой
На престол сел сгоряча.

Незаметно пролетела
Встреча шумная в Бердах.
Хорошо старуха пела
О повстанческих делах.

Он певице за старанье
Горсть отсыпал серебра...
Пили жжёнку на прощанье
С другом Далем до утра.

Сколько встреч в дороге было!..
Сколько будет впереди?
Но одна из них заныла
Болью пламенной в груди.

По этапу шла девица
Небывалой красоты.
Невозможно не влюбиться
В её тонкие черты.

И поэт остановился.
С ней поэт заговорил.
И ответом поразился,
Когда вдруг её спросил:

– За какое преступленье
Ты, мой друг осуждена?
– За убийство! – в исступленье
Тихо молвила она.

– Незаконную убила.
Дочь пяти от роду лет,
Мать свою, что зажурила...
Много бед – один ответ.

Как про то услышал Пушкин,
Побледнел. Оцепенел.
Долго вслед безумной Лушке
Он, задумавшись, смотрел.

Бесконечная дорога...
Труден и опасен путь.
– Ипполит, стой ради Бога!
Дай немного отдохнуть.

Тишина вокруг земная,
Навела природа лоск...
Куполами завлекая,
Впереди сиял Петровск.

Дмитрий САВИНОВ
(с. Большая Журавка Аркадакского района)

Дивный сон

Однажды мне Пушкин явился во сне —
Живой, озорной и нарядный.
«Послушай,— сказал, наклонившись ко мне,
Пахнувши духами изрядно,—
А что-то, дружок мой, тебя тяготит.
Задумчив смотрю и невесел.
О чём твои мысли, что сердце таит,
Что голову буйну повесил?»
Ему я не сразу решился в ответ
Извлечь свою душу наружу.
Дивясь и робея, принёс табурет.
Он сел, подмигнув неуклюже.

Поставил я чайник, достал и шербет.
Две чашки, звеня, приземлились.
Ах, кто бы увидел наш странный дуэт,
Уж точно бы долго дивились.
И вот наконец, улучивши момент,
Когда между гостем и мною,
Мешаясь с лиловым дымком сигарет,
Наполнился дух тишиною,

Я робко спросил: «А скажи-ка, поэт,
Как быть, как в письме упражняться?
Не трогая темы, что ты много лет
Возделывал с мудростью старца.

Ведь лучше тебя уж не скажет никто
Про Русь, про любовь и природу,
Так, может, и вовсе не мучить перо,
Глушить в себе творчество сходу?»

Тут гость мой впервые меня перебил,
Сказал: « Успокойся, послушай,

Когда я писал, не жалея чернил,
О тех я не думал, кто лучше.

Так вот что, дружище, пиши, не ленись.
Здесь прелесть совсем не в сравненье.
А в том удивительном взгляде на жизнь,
В особом от строк упоенье».

Сказавши вот так, он растаял, как дым.
А я, как прельщённый оркестром,
Смотрел на то место, где только что был
Мне ставший чуть ближе «маэстро».

Алексей СЕДОВ (г. Балашов)

Разгадывая загадку Онегина...

Снова июнь, снова пушкинские дни, детишки-выпускники снова мусолят свои теперь уже гелиевые ручки, переписывая с маленьких жёлтых листков на большие белые всё то же: «энциклопедия русской жизни»¹, «страдающий эгоист», «жизнь без смысла, роман без конца»; литературоведы снова отрабатывают свои гранты, перебивая со старых жёлтых листков на теперь уже электронные носители, а далее — на страницы малотиражных специальных журналов — открытия заслуженных пушкинистов (ну и по мере своих слабых сил добавляя нечто своё).

Биография Пушкина уже давно сделалась национальным достоянием, любой обыватель знает, кто такой Данте (сволочь такая), Наталия Николаевна, Анна Петровна Керн, Арина Родионовна; знает также российский обыватель, кого тогда ещё заметил старик Державин и, в гроб сходя, ещё и благословил.

Памятников поэту сделалось так много, надо очень постараться, чтобы быть в этом смысле замеченным публикой. Года три тому назад поставили памятник... зайцу. Тому самому, который перебежал

Автор цитирует по памяти, ставя знаки согласно современным правилам правописания и заранее извиняясь за возможные неточности; читатель может проверить по книжке и уличить; увлекательная, доложу я вам, может получиться игра...

Пушкину дорогу в начале декабря 1825 года, когда поэт задумал было самовольно оставить предписанное ему властями Михайловское и прибыть в столичный город Петербург. Как известно, увидев перебегающего дорогу зайца, Александр Сергеевич решил вернуться и не искушать судьбу. Таким образом, 14 декабря он и не оказался на Сенатской площади со всеми вытекающими из этого последствиями...

Можно сказать, что неведомый русский заяц спас солнце русской поэзии от крупных неприятностей.

Но памятник зайцу – это что-то типа псковской водки «Пушкин» (а также настойки «Болдинская осень»). То ли шарлатанство, то ли некий дремучий провинциальный постмодерн...

Право же, гораздо интереснее открыть томик нашего классика, почитать хрестоматийные строки и спокойно над ними поразмышлять...

Загадку Онегина разгадывали многие, и, казалось бы, что можно прибавить к многотомным исследованиям литературоведов, блистательным статьям критиков и мемуаристов, громоздящимся в тиши библиотек, подобно айсбергам?..

Известно, что этим образом Пушкин открывает галерею т.н. «лишних людей» (термин появился позднее), само существование которых есть своеобразное обвинение тогдашней общественной системе, ибо им некуда было приложить свои таланты, и они задыхались в душной атмосфере самодержавно-крепостнической России: «Я молод. Жизнь во мне крепка. / Чего мне ждать? Тоска, тоска...» Не очень-то логично, не очень-то какому-нибудь иностранцу понятно, но очень зато по-русски (а, впрочем, несколько даже и по-английски, ибо «русская хандра» недуг, «подобный аглицкому сплину»).

Ещё Ю.М. Лотман заметил очевидную завершённость, симметричность имени и фамилии героя (а также и названия романа: Евгений О-нег-ин – ген-нег). Общим местом было и есть – производить фамилию героя не только от северной реки – Онега – но и от некой разновидности лени – неги. Воспитанный в барской холе и неге, герой пушкинского романа и продукт своей среды, и в то же время – он и воплощённая амбиция подняться над нею (средой), что и фиксируют другие персонажи – «учёный малый, но педант», «сосед наш неуч, сумасбродит, / Он фармазон, он пьёт одно / Стаканом красное вино» – дорогое импортное вино позволяет себе употреблять, а от соседских домашних настоек сомнительного качества у него, видите ли, живот болит, и он не стесняется в этом признаться: «Боюсь, брусничная вода / Мне не наделала б вреда». Романтические герои о таких прозаических вещах обычно скромно помалкивают...

Дворянские фамилии часто имели происхождение от топонимов:

Шуйский (Шуя), Одоевский (Одоев), Потёмкин-Таврический (Таврида), но почти никогда от гидронимов (названий рек и иных водоёмов; исключение — Невский, но ведь это, собственно, прозвище, а не фамилия). Евгений точно дворянин, но вряд ли столбовой дворянин и уж точно не Рюрикович (или там Гедиминович). Современники, кстати, обнаружили реального Евгения Онегина, причём в Торжке, этот Онегин был кондитером (или буфетчиком?), а Пушкин про него, безусловно, не знал. Тогдаших читателей романа буфетчик Онегин весьма позабавил...

Пушкин создаёт зримый образ своего героя из деталей-вешей: «Морозной пылью серебрится / Его бобровый воротник», «Надев широкий боливар» (шляпа такая круглая, чёрная, такую носил Симон Боливар, предводитель южноамериканских борцов за независимость от Испании). Но вот черты лица героя нам как будто не видны. Носил ли Онегин бакенбарды? Или усы? Был ли он шатен, брюнет или блондин? Какое-то пустое место взамен физиономии.

Пушкин для отдельного издания заказал две иллюстрации: Татьяна читает книгу, Онегин и Пушкин стоят на фоне Петропавловской крепости. Художник в точности выполнил заказ, но этой появившейся определённостью в отношении своего героя поэт остался не очень доволен и даже написал не вполне приличную эпиграмму по поводу каждой из картинок (о Татьяне не привожу, щадя нежные души читателей, а только лишь по поводу второй иллюстрации):

*Вот перешед через мост Кокушин.
Опершись ж... о гранит,
Сам Александр Сергеевич Пушкин
С мосье Онегиным стоит,
Не удостаивая взглядом,
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом.
Не плюй в колодец, милый мой.*

Похоже, что Пушкин сам пожалел о том, что его герой волею иллюстратора обрёл вполне определённый облик и тем самым утратил некую долю своей загадочности.

Внутренний мир Онегина для нас закрыт, как закрыт он и для автора («я был озлоблен, он — угрюм» — а почему? догадайтесь сами), для автора, который лишь однажды позволяет герою самораскрыться в письме Татьяне — и какая, обратите внимание, симметрия в романе: два письма-объяснения, две психологические ошибки героев. Какие такие психологические ошибки? Извольте: Татьяна в своей отповеди герою называет его «чувства мелкого рабом». Это сурово. Вроде бы,

Онегин не смог полюбить юную Татьяну, а обратил на неё внимание лишь после её общественного признания. Может быть, что-то в этом есть, но вряд ли чувство героя – «мелкое». С другой стороны, Евгений в своём письме прогнозирует реакцию возлюбленной: «Какому злобному веселью, быть может, повод подаю». Как такое предположение сочетается с любовью? Но ведь сочетается... И это тоже ошибка, хотя какое-то удовлетворение от своей запоздалой победы Татьяна испытывает и укоряет героя: «Онегин, я тогда моложе и лучше, кажется, была, / И я любила вас, и что же?».

Но это всё намёки, нюансы, подтекст, который так или иначе можно интерпретировать.

В черновиках, впрочем, представлен довольно подробно дневник Онегина, но тут произошло то же, что и с портретом – Пушкин не wollte представить полной определенности чувств, а сохранил и здесь элемент загадки, не поместив в основной текст почти законченный дневник своего героя.

Современный читатель сетует иногда на недостаточное вольнолюбие пушкинского героя, который всего лишь «ярём барщины старинной оброком лёгким заменил» – почему, мол, не вовсе перевёл своих мужичков в разряд «вольных хлебопашцев»? Но Онегин нигде не служит, и с каких доходов в таком случае ему жить? Сдавать этим самим «вольным хлебопашцам» свою землю в аренду, предоставив им самим разбираться с повинностями и податями? Будущий декабрист Якушкин (тот самый, который в уничтоженной автором десятой главе «молча обнажал цареубийственный кинжал») как-то приехал в своё имение и предложил мужичкам вариант перевода их в вольные хлебопашцы. Согласно его воспоминаниям, будто бы, предложили ему версия а'ля Онегин: «Мы, барин, лучше будем твои, а земля – наша». Впрочем, даже перевод мужичков на оброк некоторым соседям Онегина показался и политически, и экономически сомнительным, так что в глазах окрестных помещиков он и стал – «опаснейший чудак».

Советское литературоведение домысливало за Пушкина дальнейшую судьбу его героя, то приводя его на Сенатскую площадь (далее – Сибирь), то превращая его в славянофила, католика или какого-то неопределённого секстанта. Но оперировали исследователи исключительно материалами черновиков, либо расшифрованными фрагментами сожжённой автором десятой главы, что нельзя признать вполне правомерным: автор ведь сам держал корректуру отдельного издания 1833 года, а также успел подготовить издание 1837 года – таким образом выразилась его последняя и окончательная авторская воля. И там, в

этих изданиях, нет никаких декабристов, никаких славянофильских или католических поползновений; у его героя в окончательном тексте были попытки лишь заняться литературной работой — попытки бесплодные.

Пушкинский герой так и остался в некотором роде загадкой, вечным скитальцем, неудовлетворённым жизнью при всех видимых признаках обывательского благополучия («оброк лёгкий», который получает Евгений от своих крестьян, позволяет ему сносно существовать, бывать в свете и даже путешествовать).

Автор этих строк в одной из своих книг² обратил внимание на один эпитет, который кое-что говорит нам о пушкинском герое, которому частенько подавали «донского жеребца», и Евгений скакал по полям и лесам, Избегая встречи с надоевшими соседями. Способность скакать на полудиком табунном донском жеребце (а также умение метко стрелять, временами срывать «младой и свежий поцелуй» у «белянки черноокой») существенно дополняют облик нашего тоскующего, безответно влюблённого страдальца, «типичного представителя передового дворянства», русского скитальца, загадочного «лишнего человека», который волею судеб оказался грозой наших школьников и предметом упражнений целых поколений литературоведов...

Пушкин задаёт нам, теперешним читателям, загадки, и не говорите, что, разгадывая их, вы потратили время зря, потому что, постигая пушкинского героя, мы постигаем самих себя.

**Виктор СЕМЕВ
(г. Маркс),
диплом первой степени**

Уйдя — остаться

Земные жизни гробя ради вечной,
Плетём порой немало чепухи,
И грезя о пыли библиотечной,
В пыль чердаков складируем стихи.

Навек замолкнем — вовсе не потеря,
Но всё же в поэтическом строю

² Седов А.Ф. Разрешите представиться: поручик Ржевский! — Балашов, 2004.

Я перед Пушкиным, как жалкий подмастерье,
Как перед Богом трепетно стою.

Нам Муза в срок чуть приоткрыла тайну,
Сейчас кому-то, а кому давно.
Воспели мы кто Лауру, иль Таню,
Воспеть Мадонну Пушкину дано.

Во времени трагически отстав,
На Чёрной речке, в чёрную годину,
Мы б оправдали жизнь, под выстрел встав,
Предательский, как будто выстрел в спину.

Как командира в битве, как отца.
Прикрыв собой от тупости глумливой,
Мы, с радостью вобрав удар свинца,
Упали б в снег с улыбкою счастливой.

Мы – подмастерья, Пушкин был творцом,
Пером гусиным начертавшим строки,
Навеки, как по мрамору резцом,
Стихов ажурных эталон высокий.

Его душа, расправив два крыла,
Жить по законам века, не желая,
Сквозь тернии нас к звёздам позвала,
Канонов жёсткость с лёгкостью ломая.

Есть в книге славы вечности графа,
Какие там дела, творенья, лица!
И Пушкина чистейшая строфа –
Там камертонной нотой вечность длится.

Сергей СИДОРИН
(с. Солянка Пугачёвского района)

Великое имя

Богата Россия сынами,
Которых забыть нам нельзя.
И с детства учили мы с вами
Великие их письмена.

Припев: Гордится тобою Россия,
Её ты прославил в веках.
И всё, что ты создал, поныне
Поём мы на всех языках.

Средь славных поэтов России
Тебя мы поставим вперёд,
Ведь Пушкина имя родное,—
Оно никогда не умрёт.

Припев: Гордится тобою Россия,
Её ты прославил в веках.
И всё, что ты создал, поныне
Поём мы на всех языках.

Промчаться столетья, и время
Сотрёт навсегда имена.
Но Пушкина будут творенья
Бессмертны, как наша земля.

Припев: Гордится тобою Россия,
Её ты прославил в веках.
И всё, что ты сделал, поныне
Поём мы на всех языках.

Великое имя

сл. и муз. Сергея Сидорина

I Bo - ga - ta Ros - si - ya sy - na - mi, ko -
to-ryx забыть нам нель - зя, и с дет-ства у-чи - ли мы сва-ми ве-
ли - ки - е их пись-ме - на Гор - дит - ся то - бо - ю Ros - si - ya e -
ё ты про - славил в ве - ках, и все, что ты соз - дал по -
ны - не, по - ём мы на всех я - зы - ках

**Лариса СИЛИНСКАЯ
(г. Хвалынск),
диплом II степени**

Гордость России

Насколько хорошо знают в России А.С. Пушкина, судить не бе-
русь. Но только имя его повторяется всуе и по поводу столь часто, что
становится понятно: Пушкин свой!

Родной и тёплый, как любовно связанные бабушкой шерстяные
носки, согревающие в зимние холода.

Пушкин – это русская зима с её морозами и тройками, это Бол-
динская осень с её разноцветной круговертью. Это – А.П. Керн и
Наталья Гончарова, это пронзённые стрелой Амура романсы. Уво-
дящие нас в другую эпоху. Да сам он – эпоха. Его огромный, раз-
ножанровый мир, вмещающий, пожалуй, всю Россию с её широтой и
высью, величием и неизменностью душ человеческих, с детства идёт с
нами по жизни, и, как водится у гениев, главным героем становится
маленький человек с его взлётами и падениями, с бедами и радостя-
ми, с, быть может, смешными и забавными мечтами, со всем тем, что,
называется, человеческой жизнью. И ещё. Рядом с именем его всегда
будет стоять имя няньки его, Арины Родионовны, простой русской
женщины, сумевшей окружить его пространством любви, в котором
вмещалась вся Русь с её вековыми преданиями. Сказки Пушкина,
знакомые нам с детства – это ведь и его детские сказки, без коих не-
мыслимо детство вообще.

Широко раскрытые глазёнки, блестящие в ожидании чуда – это
маленький Саша Пушкин слушает и впитывает всё, что рассказывает
ему нянюшка о «делах, давно минувших дней, преданьях старины
глубокой...»

А потом он станет писать – много и жадно. Потому что – дано.
Потому что это – не удержать, ибо всё, что видит, слышит, чувствует
душа, будет рваться наружу и будоражить человеческие сердца. А
когда его не станет – всё это «уляжется» и будет нашим. Просто –
нашим. Нашим общим – прекрасным и всеобъемлющим. Отсюда и
выражение: «Пушкин – это наше всё!»

И он становится столпом российской поэзии. И мы всё чаще представ-
ляем его в виде памятника, фолианта, собрания сочинений и как раздра-
жающий фактор для нерадивого студента в экзаменационном билете.

*А он, наверное, плакал, когда бывал нелюбим...
И ему было страшно идти на дуэль!*

*И он, может быть, ненавидел себя
За маленький рост и втайне мечтал
Быть высоким красавцем!?
Этого нам уже никогда не узнать...*

А он не узнает, что попадёт в школьные учебники, и ученики будут обыденно произносить его имя в связи с тяжкой необходимостью готовить домашнее задание на завтра. А родители, укоряя своё чадо за беспорядок в комнате, недовольно попеняют — «что, за тебя Пушкин, что ли убираться должен?»...

Всё необыкновенное по истечении времени становится привычным и понятным как хлеб, без которого мы не можем жить.

И потому печально удивляет тот факт, что к 200 — летию Пушкина с экранов телевизоров мы слышим, как известные актёры отдают дань великому поэту, не выходя за рамки школьной программы.

Но — прочь печали. Мы празднуем день его рождения! Светлый день. Судьбоносный для России. И вспоминаем о нём всё, что можем вспомнить. И в стотысячный раз говорим ему «спасибо», читаем, экранизируем, играем на сцене. Он по-прежнему загадочный и популярный, печальный и смешной. Живой...

А что бы написал он, будучи нашим современником?.. И сколько ещё мог бы написать, если бы не покинул этот мир так рано?

Но пришёл человек и забрал его жизнь. Данте! — острое, как шпага, имя. Короткое, как приговор. Финальное, как сомкнутый занавес, который даёт понять, что концерт окончен, и пора расходиться по домам...

Он был когда-то, непонятно, неощутимо, но — был! И когда попадаешь в сладкий плен его бессмертных творений, особенно понимаешь это.

Мне кажется, что и сейчас не отпускает меня. Он — где-то рядом... Смотрит, тихонечко сидя в углу, обхватив неширокие плечи руками. И я ловлю себя на мысли, что мне, как и гоголевскому герою пьесы, хочется спросить его: «Ну, что, брат Пушкин?» А он посмотрит печально, и ответит мне: «Да всё так как-то». А «потом» — это мы. Поэтому что мы — потомки. И хочется верить, что благодарные. Потому что сумеем отличить зёрна от плевел.

Потому что и детям своим будем читать бессмертные сказки его и наблюдать широко раскрытые детские глазёнки, блестящие в ожидании чуда.

И впитывать вместе со стихами его Россию, потому что она — настоящая. А всё настоящее переживает века. И имя Александра Сергеевича Пушкина по-прежнему будет гордостью России. Потому что он это заслужил.

Заслужил своей жизнью.

И смертью...

Зинаида СИЛКИНА (г. Красноармейск)

И снова ... «Чудное мгновенье...»

«Я помню чудное мгновенье ...»
Оно со мною вновь и вновь.
Молчу в счастливом потрясенье —
Здесь жизнь, и слёзы, и любовь.

Какая в нём скрыта сила,
В чём таинство заключено?
Что так поэта вдохновило
И страстью пылкой обожгло?

И в том порыве безмятежном
Девичий стан в ночной тиши
И голос милый, голос нежный
Рождает жар его души.

И в этом сумраке туманном
Сиянье обнажённых плеч,
В томленье трепетном, желанном
И боль, и радость дивных встреч.

Как дар грядущим поколеньям
Воспел он юный образ твой,
И снова ... «чудное мгновенье»
Звучит бессмертною строкой.

Бахчисарайский фонтан

Шагает чинно караван,
В Бахчисарай идёт с дарами,
Где белый мраморный фонтан
Стекает горькими слезами.

Здесь повесть о любви большой
Покрыта тайной роковою.
Был старец весь, как лунь седой,
Наказан грозною рукою.

За то, что создал он фонтан,
За эти золотые руки,
Когда его свирепый хан
Обрёк на рабство и на муки.

И мне виденья той поры,
Как будто из тумана:
И горечь юной Диляры,
И страсть в глазах Гирея-хана.

И повести печальней нет...
Легенд немало на Востоке,
А мрамор плачет сотни лет
О той трагедии жестокой.

И, как в далёкие века,
Блестят на белом камне слёзы,
Лежат безмолвных два цветка —
Их Пушкин возложил —
Две розы.

«В еврейской хижине...»

«В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит...»
Читаю Пушкина, я рада,
Когда со мной он говорит.

Он говорит с моим народом.
Великим русским языком,
И слово гордое «свобода»
Горит сильнее с каждым днём.

Пришёл, как добрый, мудрый странник,
С собой принёс надежды свет
То был Всеышнего посланник,
Мы свято чтим его завет.

Для всех живущих поколений,
Святыни ценящих свои,

Он с каждым годом современней
Во дни печали и любви.
«В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит...»
Вновь повстречаться с ним я рада
Со мною Пушкин говорит!

Читая Пушкина

Я очень бережно беру
И раскрываю книгу эту,
Побыть наедине хочу
С любимым Пушкиным, поэтом.

Его стихи читаю вновь,
Переживая миг чудесный,
Восторги, страсти и любовь
Слились в гармонии небесной.

По-новому смотрю на мир,
Он стал мне ближе и роднее
И вновь чаруют звуки лир
И я пред гением немею.

Первая любовь России

*Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..*
Ф. Тютчев

В эти июньские дни солнечного рассвета, когда природа одаривает нас теплом, мы чувствуем её особое очарование: «улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года...» В такие светлые минуты особенно чувствуется незаменимость Пушкина. Прошло более двух веков со дня его рождения, но к нему не заросла «народная тропа».

Говоря о Пушкине, невольно хочется повторить проникновенные слова, какими в поэме «Цыгане» простые люди говорили о поэте Овидии:

*Имел он песен дивный дар
И голос, шуму волн подобный.*

Задумывались ли мы над тем, что Пушкин сопровождает нас всю жизнь? Он начинается для нас с самого раннего детства, вначале мы слышим памятные слова: «У лукоморья дуб зелёный...», потом, в то время, когда мы ещё не умеем читать, самые родные и близкие нам люди, чьи голоса мы будем помнить всю жизнь, читают нам про царя Салтана... Или немного позже, но тоже в детстве — мы, едва овладев азбукой, сами отворяем заветную дверь, входя в волшебный мир пушкинских сказок, чудесный мир пушкинской речи.

Когда на школьном вечере, посвящённом творчеству Пушкина, я со сцены читала письмо Татьяны к Онегину, возможно, ещё не совсем осознавая себя, я помню, какие чувства, волнения охватывали меня, и все это передалось залу, так завораживала мелодия пушкинских строк, которая осталась во мне навсегда.

Был по-зимнему тёплый январский вечер. Полные впечатлений, мы отправились гулять по парку. Летел лёгкий прозрачный снежок и таял на разгорячённых лицах, делая наши волосы седыми. Деревья стояли мохнатые и сверкающие, а мы шли и читали его стихи: «Роняет лес багряный свой убор», «Я помню чудное мгновенье», вслушиваясь в ритм «Медного всадника» и других его стихов.

Может быть, я и выбрала профессию педагога, чтобы попытаться донести этот живой русский язык, яркий, с тончайшими оттенками мыслей, образностью, эпитетами, сравнениями, метафорами, своим воспитанникам. Ведь это Пушкин преподнёс нам его, как драгоценный камень, сверкающий всеми гранями.

Передо мной лежит альбом. Я просматриваю старые фотографии, и, словно живой струй, память возвращает меня к счастливым дням, когда, путешествуя по Крыму, я посетила Бахчисарай. Как заворожённые ходили мы по этому сказочному дворцу, который произвёл на меня неизгладимое впечатление. В «диванной» старались присесть на роскошные диваны, чтобы ощутить ту удивительную атмосферу, в которой жили, страдали, мечтали пушкинские героини. Трепетное волнение охватило при виде знаменитого «Фонтана слёз», который ежесекундно роняет хрустальные капли-слёзы в переливах и звонах, и казалось, что вот-вот зазвучат, оживут пушкинские строки: «Фонтан любви, фонтан живой!.. »

И сегодня старая пожелтевшая фотография будит во мне потрясающие чувства грусти и любви, надежды и сожаления, и невольно рождаются уже мои собственные строчки:

*И как в далёкие века,
Блестят на белом камне слёзы.
Лежат безмолвных два цветка,—
Их Пушкин положил — две розы.*

Последний день в Крыму, немного грустный, и по особому светлый. Мы пошли к морю, чтобы бросить традиционную монетку. Ярко-оранжевое солнце клонилось к закату. В шум морского прибоя как бы вплеталась музыка пушкинского стиха.

Каждый звук, словно эхо в горах, которое то замирает, то возникает снова:

*Прощай свободная стихия!..
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.*

Иногда мне кажется, что это он запечатлел те образы, которые нас окружают. Русская природа «в багрец и золото, одетые леса» осени или «холодная краса» русской зимы, история нашего отечества, наши нравы и обычай, душевный склад русских людей, склад их мыслей и чувств, — всё это навсегда запечатлено неповторимым словом Пушкина.

Как же надо было любить, глубоко сопереживать, чтобы своей лирой призывать к свободе, как вершине гармонии между людьми, как высшему человеческому счастью.

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы
Мой друг, Отчизне посвятив
Души прекрасные порывы!*

И эти строки, написанные им в далёкие века, остаются актуальными и в наше время.

Говоря о Пушкине, нельзя забывать влиянии его творчества на культуру народов России. Русско-еврейский поэт Самуил Яковлевич Фруг в 1899 году написал стихотворение, посвящённое столетию со дня рождения великого поэта, которого он не просто любил — обожал:

*Поэзии русской чарующий гений,
Пленитель души и властитель ума!
С бессмертных страниц твоих
дивных
творений*

*Звучит нам великий завет
вдохновений:
«Да здравствует солнце,
да скроется тьма!»*

И мне вспомнилось стихотворение Пушкина «В еврейской хижине лампада...», созданное им в 1826 году, где в «еврейскую хижину»

постучался «странник», тот могучий дух культурного возрождения, который внёс в эту тёмную и тесную хижину струю новой полной надежд и отрады жизни... В ту хижину, где старик читал Библию, (и не только Библию), этот странник внёс букварь, русскую хрестоматию...

И тысячи еврейских детей стали учиться русскому языку. Первое стихотворение, выученное еврейским ребёнком, было стихотворение Пушкина «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда...» Первый восторг поэтического настроения, испытанного еврейским юношей, еврейской девушкой, черпался им у Пушкина. Ибо, «он говорил с моим народом великим русским языком...»

Легка, воздушна, мелодична пушкинская строка, есть в ней всё: «И божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь...»

У него большое количество стихов о любви, которые в его творчестве составили образ Женщины, Женщины с большой буквы.

До сих пор меня волнует его стихотворение «Я помню чудное мгновенье...», и под его впечатлением легли на листок строки:

*Как дар грядущим поколеньям
Воспел он юный образ той,
И снова... «чудное мгновенье»
Звучит бессмертною строкой.*

Но всё-таки, единственной женщиной, которую он поставил вровень с Божеством, была Наталья Николаевна Гончарова, которой он посвятил одно из лучших своих стихотворений «Мадонна». В ней поэт видит «чистейшей прелести, чистейший образец». Это чувство высочайшего мужского благородства, одна из его граней, которая ярко раскрывается в стихотворении «Я вас любил». В этой лирической миниатюре заключены общечеловеческие ценности, которых, как мне кажется, очень не хватает нам в нашей современной жизни. Чувство любви вынуждено подчиняться другому чувству — самопожертвованию:

*Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.*

Мы привыкли считать, что Пушкин прожил короткую жизнь. Но чем измерить жизнь поэта — долгими годами, месяцами, днями или поэтическими строками, удивительными по своей глубине и накалу, каждая из которых вместила в себя всё пережитое и прочувственное поэтом, словно оставленное им в наследство потомкам: и страстную любовь, и покой домашнего очага, и преданность настоящей дружбы, и зрелость отцовского чувства, гонения, цензурный гнёт, клевету и сплетни высшего света, материальные трудности.

И всякий раз воспоминание о том роковом чёрном дне 1837 года на Чёрной речке, рождает в сердце надежду: может быть, найдётся она, та рука, которая остановит пистолет Дантеса? Но... И Пушкин падает в голубоватый прохладный снег. И остаётся боль утраты в душе.

*...Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..*

Тютчев был прав. Пушкин был и остаётся первой любовью России. Каждое прикосновение к его жизни и поэзии волнует и раскрывает душу, переносит её в сияющий мир гармонии и свободы.

И, соприкасаясь этим прекрасным, мне хочется глубже вникать в необъятный мир пушкинского творчества. И, по возможности, полнее передавать сокровища пушкинского духа юным, вступающим в жизнь своим детям и внукам. Они донесут их до новых поколений, и это будет тем «нерукотворным памятником», о котором писал Пушкин.

Татьяна СЛЕПОВА (с. Сосновка Балтайского района)

Колыбель поэта

*Да, этот кусок природы достоин
быть колыбелью поэта!*

А.В. Луначарский

Пушкиногорье – колыбель поэта,
Дух Пушкина поныне здесь живёт.
Всё от травинки до холмов воспето,
Любовью к Родине всё дышит и поёт.

Мы видим красоту вокруг, и ясность, и сердечность,
Тепло и радость льётся в душу здесь.
Пусть долго-долго длится эта вечность.
В которой наш любимый Пушкин – весь.

Здесь, только здесь, явился миру Пушкин,
И здесь напевность строк своих создал.
Цветок здесь каждый на опушке
Зарделся скромно от его похвал.

И ключ к поэзии здесь тоже рядом где-то,
Он в магии святой его земли,
В словах и звуках, в образах поэта,
В болотах и лесах, темнеющих вдали.

Читая стих, мы видим «холм лесистый»,
«На влажных берегах бродящие стада»,
А у оконицы огромный «дуб заветный».
«Пустынные дубравы» и поля...

Здесь всё воспето Пушкиным, любимо;
Озёра, нивы. Старая сосна,
И горизонт в дали необозримой...
Здесь красота души его видна.

Мы любим всё, что связано с поэтом;
И дуб, и клёны. Сороть подо льдом,
Михайловское с влажными рассветами,
Тригорское, любимое, как дом.

Июнь. Цветёт земля поэта,
Собрав гостей широкий круг.
Крик цапли раздаётся где-то,
Треск аиста услышишь вдруг...

Не заросла сюда «тропа народа»
И стих поэта вовсе не забыт,
Воспетая в его стихах природа
Как памятник навек ему стоит.

* * *

Устал от жизни он столичной,
Порыв желаний охватил.
Решил он только в глушь, Саратов,
И к нам в Сосновку поспешил.

И что ж он видит? Дивный лес
Темнеет там, вдали, стеной,
Поля под «дымной пеленою»,
И старое село стоит.

Забытый Богом уголок,

Уж здесь меня никто не знает,
Подумал он и поспешает
Коней здесь быстрых осадить.

Среди дерев бежит Алай,
Совсем на Сороть не похожа,
Та ведь задумчива и строга,
А эта весело шумит!

А на пригорке. Средь берёз
Он видит зданье школы нашей.
И захотелось вдруг до слёз
Ему услышать шум ребячий.

А знают, помнят ли о нём?
Его стихи читают в школе?
Ах, Пушкин, как ты нам знаком!
Любимей нет поэта боле!

Читаем сказки и стихи
«Онегина» мы вслух читаем,
И любим родину, как ты,
И написать, как ты, мечтаем!

Висит портрет твой на стене,
На нас глядишь весёлым взором.
Как будто говоришь ты мне
С несвойственным тебе укором.

Учитесь верить и любить.
Работайте. Стремитесь к знаньям.
Без этого вам не прожить,
Не сбыться смелым начинаньям.

Какою силою полны
Звучат слова твои, как прежде.
Ты светлый ключ родной земли,
Мы припадём к тебе в надежде...

Я рад, что помнят обо мне,
И чтят стихи мои и драмы,
Всё это вижу я во сне,
А значит, я прожил недаром.

«Младое племя! Я горжусь,
Услышав твой приветный голос,
Судить тебя я не берусь,
Ты мой потомок и мне дорог».

Всё в нём Россия обрела...

*Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье своё,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая её.*

H. Рубцов

Задумывались ли вы когда-нибудь, что же такое красивое, напевное, волшебное слышали вы ещё в детстве? Нет, вы не задумывались, вы знали — это Пушкин.

*У Лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом...*

«Наша память хранит имя — Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей... и рядом с ними — это лёгкое имя... Пушкин». (А. Блок)

И вот вы выросли и вашими друзьями стали герои «Руслан и Людмила», чуть позже к ним присоединился «Евгений Онегин»... Пушкин-

ское слово, пушкинская нота в российской поэзии самая чистая, самая звонкая. Потому что в ней душа наша русская, «русский дух».

*Куда бы нас не бросила судьбина
И счастье куда бы ни повело,
Всё же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.*

Когда мы читаем Пушкина, мы не думаем о его заслугах, о том, что он гений, основатель и родоначальник новой русской литературы. Мы просто чувствуем, какой огромный художественный мир создал Пушкин. И как он прекрасен! Будь то «Евгений Онегин», «Капитанская дочка» или «Сказка о попе и работнике его Балде», «Буря мглою небо кроет...».

*Рассказ живой и простодушный
Он сохранять в стихах умел.
И вечно музыке послушный,
Роскошный стих его гремел...*

И далее поэт Бакунин замечает:

*Читали. Радуясь, его
В глухи деревни от столицы.
Отрадна русскому была
Народность Пушкина в цевнице
Всем песнь его была мила...*

С Пушкиным случилось невероятное — он в своей стране стал всенародно известным.

«Если Пушкин приходит к нам с детства, то мы приходим к нему по настоящему лишь с годами», — писал Твардовский. Как это верно! В детстве нам казалось, что мы всё знаем о Пушкине. Но вот проходит время и мы, вновь читая произведения Пушкина, открываем в них такие красоты и такие глубины, о которых мы и не подозревали. Его герои как бы оживают перед нами: и Татьяна, пишущая письмо Онегину, и терзаемый совестью царь Борис, и Арина Родионовна, сидящая у окошка со своим веретеном. Но прежде всего оживает сам поэт, создавший всё это и вложивший во всё свою душу.

Есть такие вечные понятия, как долг и память. А. С. Пушкин так выразил эту мысль:

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Народным поэтом. Провидцем души русского человека Пушкин стал именно на родине, в Михайловском. Здесь он увидел труд человека, его каторгу, его хлеб, его дух. Услышал его песню, его сказания... Пушкин жил втрое быстрее, чем мы живём. Он к тридцати годам прошёл такой огромный коридор жизненного пространства, столько всего накопил в себе, что, уехав из Михайловского, он продолжал писать и в Болдино, и в Петербурге, и в Твери. Как бы мы ни пытались сказать времени: «Остановись!» – оно летит, всё увлекая за собой. Время унесло многое воспетое Пушкиным, вот Михайловское осталось.

Какое счастье, что и сегодня можно приехать в Михайловское, спасённое и возвращённое Пушкину. Умные добрые руки наполнили эти леса, «пустыни молчаливы», мыслями и чувствами Пушкина. Мы можем увидеть: и дом Пушкина, и светёлку няни, подыщать воздухом. Побродить по тропинкам, по которым бродил великий Пушкин.

*Но там и я свой след оставил,
Там, ветру дар, на тёмну ель,
Повесил звонкую свирель.*

*Отдалённые надежды
Тревожат сердце иногда.
Без неприметного следа
Мне б было грустно мир оставить.*

*Живу, пишу не для похвал,
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить...*

Вы слышите, как доверительно говорит с нами Пушкин. Искренне, со свойственной ему легкой иронией. Но за этими ироническими и, казалось бы, простодушными интонациями угадываются нешуточные заботы, размышления о том, а какой будет память о нём и его поэзии. И на его сказанные с долей тревоги слова:

*Скажи, есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...*

Мы все говорим: «Есть!»

Прошло более 200 лет со дня его рождения, а Пушкин ещё более чем всегда у всех на устах. Поэзия Пушкина завораживает. И не воспринимать её невозможно, иначе стоит признаться в своей бездуховности.

Наша современная жизнь отличается жестокостью, цинизмом, стремлением к обогащению.

Спасение в творчестве А.С. Пушкина, который учит благородству, истине, искренности. Он нужен нашему поколению так же, как и всегда был необходим России.

Откройте Пушкинские книги и Пушкинскую жизнь, и вы научитесь работать, любить, прощать и верить. Нам без этого и без него просто не прожить.

Юрий СМИРНОВ
(с. Подлесное Хвалынского района)

Болдино

Осень. Сыро. Грязь. Уныло.
Песнь ямщик седой поёт,
А в окне кареты мило
Чьё-то лицико цветёт.
И несмелые лошадки
Нехотя идут на рысь
Осень. Сыро. Путь
негладкий.
В воздухе туман повис.
Чу! Собака забрехала,
Вот и первый огонёк...
Времени прошло немало,
От столицы путь далёк.
Скоро, скоро дом старинный
Двери настежь распахнёт.
И о няне, о любимой,
Вспомнив, вдруг душа
замрёт.

Прочь дворцовые интриги,
Ложь на лицах, сплетни хор,
И вина, безумья крики,
И никчёмный разговор.
Распахнув карету звонко,
Рассмеялся в злую ночь.
И рассвет седой пелёнкой
Сон и дрему гонит прочь.
Здравствуй, милая деревня,
Здравствуй, сказочная
Русь!
Было на душе так
скверно,
А теперь, прощай ты,
грусть...

Елена СТАРОВОЙТ
(г. Саратов)

* * *

Мы знаем, вдохновенье непослушно,
Его прихода ждём, порой, мы сами.
Но, вспомнив имя, — Александр Пушкин,
Откуда ни возьмись, и, вдохновенье с нами!

Мы можем взять высокопарный слог,
И рифму поискать ему отменную.
Но как вместить всего в десяток строк
Поэта образ — целую Вселенную!

С её загадками и тайными глубинами,
С искрящимися звёздными потоками,
С просторами души необозримыми,
Со здравым смыслом, и, порой, заскоками.

Слова любые — просто пелена,
Пусть даже соткана с большой любовью.
Не проще ль, чарку доброго вина
Поднять и выпить за его творенья!

Валентина СУХАНОВА
(г. Ртищево)

Что значу я без Пушкина?..

Я думаю, Россия, все мы, ещё не осознали до конца — кого потеряли два века назад в том чёрном январе на Чёрной речке.

Александр Сергеевич Пушкин, как и жизненный путь, у каждого из нас — свой. Господи, что я значу на свете без Пушкина!

Я говорю и пишу на его языке — языке живом, ярком, с тончайшим ажуром мысли, на языке, который он первый дал русскому народу. Не дал даже — преподнёс, как драгоценный камень, отшлифованный опытом тысячелетий, — пользуйтесь, берегите, шлифуйте дальше.

В этом моё счастье.

Пушкин — это ещё и моя память — память, которая в моём прошлом и в моём будущем, это то, что я передам потомкам.

Ещё это — светлая память о маме: нет-нет да послышится «Золотой петушок», и я снова, едва осознающая себя, хочу смеяться и плакать от сладостных звуков, и прижимать к себе плюшевого мишку, и засыпать, переполненная непонятным изумлением.

Так, оказалось, ко мне пришёл Пушкин — мудрость, щемящая нежность, избыток любви.

Пушкин — это ещё и жгучая досада: не успеть прочитать его до конца, до последнего слова, до последнего оттенка мысли.

Как близок нам Поэт и как недосягаем! Так просто — прикоснуться к его строчкам, как к клавишам, и польтется его музыка — мощная, космическая — Пушкинская.

Говорящая фамилия: несколько поколений тому назад Поэт выпустил в нас заряд своих мыслей и чувств — не на века, — навечно.

Рассудок отказывается понимать: ссылки, наглая поднадзорность, плен клеветы и доносов, растаптывавшие его нежную душу цензура, звериная травля, казнь друзей, безденежье, семейные неурядицы и — светлая, добрая, жизнелюбивая лира.

И как осмыслить такое: страстный во всём арап с русской душой и голубиными глазами, необычайно ранимый и по-детски доверчивый!

— Ой, какой страшный!

— О-о, какой красивый! — шёпот на балу — как «Пли!» в Поэта, всегда стоящего у барьера, — боль, растерянность, неприкаянность.

Но осмелюсь я упрекнуть Марину Цветаеву за нападки на Наталью Николаевну: очень трудно, наверное, быть женой поэта, тем более — Пушкина.

Добрый, милый Александр Сергеевич Пушкин, в тот чёрный час не оказалось рядом руки, которая бы отвела бы от Вас эту дуэль, не оказалось такого человека, который бы умиротворил в Вас дуэлянта. Никто не сделал этого — ни друзья Ваши верные, ни женщины, Вами любимые, ни вся русская земля, в которой слова «Россия» и «Пушкин» стоят рядом.

И всё-таки, как просто — взять томик Пушкина и общаться с тонким, иногда ироничным, иногда безжалостно сдирающим самое больное, глубинное... И тогда кажется, что вот-вот услышишь биение его пульса. А на каждой странице — печать совести.

Пушкин — наивысшая наша совесть. Совесть России.

Зашла недавно в котельную, что при детском садике на улице имени Громова в нашем городе, и встретилась взглядом (не ожидала) с Поэтом. Смотрит с листа, пришпиленного прямо к стене.

«Там русский дух... там Русью пахнет!»

Мендыбай ТИАГАЛИЕВ (р. п. Новые Буры)

Фонтан любви

Предстала взору явь седая,
Навеки ставшая святой.
Давно ли грезил я, читая:
«Фонтан любви, фонтан живой!»

Здесь скорбь присутствие венчает,
И чаши с мраморной плитой.
И слёзы горести роняет
«Фонтан любви, фонтан живой!»

Не разум восхищает,
И хан Гирей, и храм златой.

Хранит печаль Бахчисарай
«Фонтан любви, фонтан живой!»

Здесь положил две розы мая
Сам Пушкин собственной рукой
И чувство музы наполняет
«Фонтан любви, фонтан живой!»

Стою взволнованный до края,
Столь властно время и покой.
Стою и трепетно взираю..
«Фонтан любви, фонтан живой!»

Ирина УДАЧИНА (с. Красная речка Пугачёвского района)

Позволь моей души открыться пред тобою...

У каждого человека, я считаю, есть свой любимый поэт. В нашей небольшой семье это так. мама любит М.Ю. Лермонтова, папа – С.А. Есенина, брат – В.С. Высоцкого, а я люблю поэзию А.С. Пушкина.

Когда я только слышу слово «Пушкин», в памяти всплывают сотни прекрасных строк, строф, целых стихотворений...

Первая встреча с поэтом произошла в детстве. Как все, я вначале познакомилась с прекрасными сказками Александра Сергеевича. Ещё в раннем детстве мне читала мама. Я долго не засыпала, скорей хотелось узнать историю царя Салтана и сына его Гвидона, но мама, устав, уже дремала, а я лежала и думала о пушкинских сказочных героях. Мне жалко было доброго, бескорыстного старика, маявшегося со своей старухой. Я радовалась за Балду, когда он выходил победителем из очередного испытания.

Потом, с первого класса, в школе изучала и открывала для себя нового Пушкина. В его стихах и поэмах я находила добро и красо-

ту. Поэзия постепенно вливалась в меня, овладевала душой моей. Я любила и люблю стихи о природе. Ведь каждая берёзка, каждый простой, но родной и близкий уголок земли становятся ещё лучше и краше, если их воспевают поэты. Особенно если это Пушкин. Каждое время года я встречаю стихами поэта.

Детство прошло. Я повзрослела. В мою жизнь вольно или невольно стали вторгаться светлые чувства любви. Тогда я поняла, что так проникновенно, страстно писать о любви мог только человек, сам испытавший эти высокие чувства. Все стихи Пушкина просто прекрасны! Но стихотворение «Я вас любил...», написанное в 1829 году, по-особому неповторимо. В нём поэт раскрывает свои искренние и до того чистые чувства, что восхищаешься его душой и сердцем. Чувство ещё не угасло в поэте, оно продолжает властвовать над ним. Но он не желает печалить любимую, её душевный покой ему очень дорог. Он жертвует своим счастьем ради счастья своей возлюбленной, он желает ей быть любимой с другим человеком.

Это стихотворение пробуждает в нас стремление к добру, нежности, любви. А ведь сейчас, в наше время, так не хватает таких искренних чувств.

В одиннадцатом классе, когда готовилась к экзамену по литературе, я мечтала о теме, связанной с жизнью и творчеством А.С. Пушкина. Но сочинение заменили ЕГЭ. И я так переживала, что моё последнее школьное сочинение не стало благодарностью Пушкину. И сейчас, когда я студентка 5 курса СГТУ, решила написать о своей любви к поэзии Александра Сергеевича. Я понимаю. Что повторяюсь в словах, мыслях. Ведь так думают, чувствуют многие. И каждый может сказать: это мой Пушкин.

У меня есть одна мечта, побывать в пушкинских местах. Я согласна с К. Паустовским, «сказочником и поэтом» другой эпохи: чтобы почувствовать Пушкина, как говорят, до «конца», надо побывать в пушкинских местах. Медленное очарование «пустынных» вековых парков, цветущих лип, светлой Сороти, туманов над полями, входит в сознание на всю жизнь, сливается с поэзией Пушкина.

Действительно, только побывав в пушкинском заповеднике, можно глубже почувствовать Пушкина, его поэзию. Надеюсь, что я, получив высшее образование, в первый же свой отпуск отправлюсь на родину поэта.

Владимир УДАЛОВ (г. Энгельс)

Пушкин в Покровске

В 1833 году, работая над «Историей пугачёвского бунта», Пушкин предпринял путешествие в Оренбургский край. Обратный путь мог проходить через Саратов и слободу Покровскую... Документальных свидетельств этому нет.

— Как править, барин?

— Через Волгу.

— Знать, на паром?

— Иной есть путь?

— Да нет...

Поспать бы ненадолго

В коляске тряской не вздремнуть...

.....

— Ну, вот и слобода Покрова.

— Покровская?

— Господь един...

Следов Емельки Пугачёва —

На сто слобод! А ты один...

— Ну не ворчи:

отсюда — к дому...

ведь я в делах, Гаврила, скор —

уедем завтрашим паромом.

Давай — на постоянный двор...

.....

— Хозяин твой,

знать, барин знатный?

— Вестимо: Пушкин.

— Кто таков?

— Да сказки складывает складно.

— Про что?

— Про нас — про дураков.

— Скажи-ка!..

— Ну...дед с бабой жили;

он злату рыбцу словил...

и слобожане рты раскрыли;

жалели, эко дед сглушил...

— Умён твой барин!

— Знамо дело:
хоть про чертей, хоть про царя —
всё вставит в вирши...
— Обалдел он?!
— А вот: « увижу ль, друзья!
Народ неугнетённый я?
И над отечеством свободы просвещённой
Взойдёт ли, наконец, прекрасная заря!»
— Рисковый он!
— За то сослали...
— Смотри-тко!..
— Вот-те обалдел!
За правду испокон страдали:
«Страдать есть смертному удел»...
— А к нам пошто?
— Про воеводу
Знать хочет барин — Кобзаря...
— Эт, что в Емельке не в угоду
В нём не хотел признать царя...

.....

Всё это было или не было —
В века не совершишь круиз.
Но местный наш патриотизм
Не оскорбиться былью-небылью,
Когда утешу земляков,
Покровск и Пушкин — связь живая:
Коль мы в плена его стихов —
Он среди нас жить продолжает!

Игорь ФИЛИППОВ
(с. Ершовка Аткарского района)

Пушкину

Когда осеннею порою
Подёрнет синью небеса,
Бессмертной пушкинской строкою
В багрец оденутся леса!

И вспомним мы стихи поэта,
Что лёгким перышком скрипя,
Как лучик солнечного света,
Писал то плача, то шутя!

Легко играючи словами,
Заставит нас потупить взор:
Или летать под облаками,
Или любви зажечь костёр!

Ещё мы с детства помним сами
О Пушкине из первых уст,
Читала сказки мама вечерами,
Но до сих пор мы помним наизусть!
Потом взрослели, просыпалась нега,
Другое сердце теребит.
Понятней стал душе Онегин,
Письмо Татьяны зазвучит!

О, Пушкин, ты венец поэтов!
И стар, и млад несёт тебе поклон.
Всеми любим, ты — лучик света,
Великим озареньем озарён!

Галина ЧЕРЯБРИКОВА
(п. Новоречинский Питерского района)

О Пушкине и о нас...

Поэты долго не живут, —
Так уготовано им Богом.
Они себя до капли отдают,
И потому их коротка дорога.
Ну что такое тридцать семь?
Кто скажет, много или мало?
Но знаю я, что больно всем,
Лишь воссияв, звезда упала.
Второму Пушкину не быть,
Не суждено пока родиться,

Но хочется сказать, порою прорубить,
Сквозь стену равнодушия пробиться!
«В начале было слово...» —
Точнее не придумаешь, не скажешь.
И мы идём на плаху снова,
И пулей замолчать нам не прикажешь.

Родник

Чем дольше живёшь на свете, тем больше убеждаешься, что ничего в этой жизни нет случайного. Приход каждого из нас в этот мир предрешён и уход закономерен. Утрачивая дорого нам человека, мы горько сетуем, как мало человек пожил на белом свете. Просто кончился срок пребывания его в этой жизни. Может быть, он появился где-то в другом измерении, кто знает... поэтому, главное — не сколько ты прожил, а как жил?

Уже много лет высказывается предположение о том, сколько бы мог прожить гениальный поэт А.С. Пушкин и сколько бы ещё он мог написать? Мне кажется, что он сказал всё, что мог. И сколько бы мы — пишущая братия не пытались сказать что-то новое миру — не получится. Напишишь, полюбушься, погордишься сам собою, а откроешь томик Пушкина, а там это есть, только более кратко, мудро и мудро.

Творчество Пушкина хочется сравнить с родником, с живительной влагой, которая пробивается через природные залежи серебра. Пьёшь такую воду и не напиваешься. Припадёшь ещё раз к роднику — в теле лёгкость и в голове ясность. Наберёшь кувшин — стоит водица долгие дни чистая, кристальная. А тропка к роднику круглый год проторённая. Так и стихи Пушкина, можно читать и перечитывать, и вновь открывать для себя что-то новое, неизведанное.

Вот и сейчас, я взяла в руки томик Пушкина, читаю: «...У нас есть три истории России: одна для гостиной, другая для гостиницы, третья для гостиного двора.» Вдумайтесь в эти слова — сколько точности, мудрости и верности в этом высказывании...

Недавно я услышала с телевидения высказывание: «Россией должен управлять поэт». И это тоже мудро сказано: только поэт видит всю жизнь без прикрас, он несёт людям самое ёмкое, чистое слово. Поэт творит песни, он дарит людям радость. Поэт защищает честь женщины ценой своей жизни, не пасует перед злом.

Хочется закончить наш разговор о Пушкине его же словами: «Всё должно творить в этой России и в этом русском языке».

* * *

1. Сказки Пушкина в детстве читала
Про царей и про сказочных Фей.
Как царевна я тоже мечтала:
Королевич, ты где, Елисей?

Припев: Елисей, Елисей, Елисей —
Мой кумир, добрый принц, чародей!
Вижу часто тебя я во сне,
Как ты скачешь на белом коне.

2. Чтобы в сказке потом ни случилось,
Зло всегда побеждает добро.
И пускай эта сказка приснилась,
Только жду я тебя всё равно.

Припев: Елисей, Елисей, Елисей —
Мой кумир, добрый принц, чародей!
Дай надежду на счастье ты мне —
Королевич на белом коне.

3. Жизнь моя не похожа на сказку,
Чудеса лишь бывают во сне.
Но я верю, что утром прекрасным
Ты прискакешь на белом коне.

Припев: Елисей, Елисей, Елисей —
Мой кумир, добрый принц, чародей!
Ты явись мне во сне, говорю,
Песню эту тебе подарю.

Елисей

муз. Ю. Анашкина
сл. Г. Черябиковой

Спокойно, проникновенно.

Am Dm E⁷ Am

1. Сказ-ки Пуш-ки-нав-де-тстве-чи - та - ла. Про-ца - ре-й и про-ска-зоч-ных фей.

Gm A⁷ Dm E⁷

Как-ца - рев - на - я то - же меч - та - ла, Ко-ро - ле - вич, ты где Е - ли - сей?

Припев:

A⁷ Dm G⁷ C

Е - ли - сей, Е - ли - сей, Е - ли - сей. Мой ку - мир, доб - рый принц, ча - ро -

A⁷ Dm E⁷

дай. Ви - жу час - то те - бя я во сне. Как ты ска - чешь на бе - лом ко - не.

A⁷ Dm G⁷ C

Е - ли - сей, Е - ли - сей, Е - ли - сей. Мой ку - мир, доб - рый принц, ча - ро - дай.

A⁷ Dm E⁷ Am

Ви - жу час - то те - бя я во - сне, как ты ска - чешь на бе - лом ко - не.

Окончание:

Dm E⁷ Am

Пес - нию з - ту те - бе по - да - рю.

Все припевы повторяются 2 раза.

В припеве 3-го куплета 2 последние строчки – 2 раза.

На землю спустился облако.
В нём видны очертанья
Александра...
Приглушённо взрываются краской осенней
Лес. В нём привиденьем,
Отголосками эха бродит гений
В канун Пушкинских чтений.

* * *

Я искала на струнах боли звучание –
Струна порвалась от отчаянья.
Я искала в страницах тоске утешение –
Книга открыла мне Пушкина стихотворение.

Вам пишу

Вам пишу, Александр Сергеевич,
И прошу Вас мне честно ответить,
Не довольны ли вы поколением,
Современностью наших поэтов?
Стену всякий мечтает разрушить.
Лишь в мечтаниях силы порой.
Ну а что, если руки да в рупор?
Не мечтать? Закричать! Тяжело?
Докричусь я до вас средь века.
Мне раскроются двери-страницы.
Из-под ручки на сгибе листка
Ваш ответ моей строчкой родится.

Пророк

По лучикам, пронзившим облака.
Сошёл пророк, не соблюдавший время.
Страна не та, эпоха ли не та:
Народ на трон взирал робея.
Сошёл пророк в ливрее.
Никто не понял языка
Из уст, твердящего о чуде.
По лучикам пронзившим облака,
Ушёл пророк – сомкнулись тучи.

Яблоки Шурика

Пушкин принял нас радушно и хлебосольно. Даже хозяйские псы, чёрные остроухие дворняги, радостно встретили нас как своих. И даже пытались попасть в кадр общей фотографии.

Величаво и спокойно Александр Сергеевич показывал усадьбу, раскрывая перед нами двери и пропуская вперёд. От нас, вооружённых тапочками из кошмы, не было шума, когда мы передвигались по скрипучим половицам дома.

Пока говорил экскурсовод, Пушкин робко молчал. Он присел за стол, отгороженный лентой от посетителей. Пёрышко листопада листиком опустилось на подоконник раскрытоого окна, а затем, подхваченное пальцами Александра Сергеевича, невидимо перевернулось, задержалось в воздухе, просматриваемое Пушкиным на свет, и также таинственно и незаметно оказалось на письменном столе.

Прозрачная, светящаяся осень. Солнечное золото отражается от золота земли.

Я даже не могла представить, что когда-нибудь поеду в гости к самому Пушкину.

Ехали автобусом целую ночь, расширяя пространство покорённых территорий, мысленно расставляя флагки.

В то, что я на земле Болдинской, не верилось даже тогда, когда сошла на неё с автобуса.

Пар горячего дыхания после сна на фоне рассвета.

Перебрав все свитки на полках мыслей, я осознала, что именно библиотека послужила началом всех моих начал: самообразование, знакомства, неожиданные находки и общение. А самое волшебное и необыкновенное, что могла только подарить библиотека, так это поездка в Болдино, как приз за победу в поэтическом конкурсе.

Прозрачное Болдино. Деревянные домики в рассвете. Телята, куры, стога сена. Зеркальные пруды. Церковь. Листопад. Чистое небо. Ахающий восторг сопровождался вспышками и жужжанием фотокамер. Группа разбежалась цветными точками по поляне. Девочки собирали листья, а мальчишки сражались на корягах.

В имение приехало много групп из других городов. Вот так Пушкин, не ведая, не зная, объединил в один день сотни людей с разных уголков России, с большим желанием – прочувствовать Болдинскую осень. На землю пушкинскую стеклись паломники. Кто за вдохновением, а кто за родниковой водой. Всем что-то нужно. Местные канистрами увозили родниковую воду на легковушках. А нам хватило холодного глотка из ладошек живительной воды.

У памятника Пушкину отшлифован до блеска носок ботинка прикосновениями тысяч посетителей, позировавших камерам.

Томительное ожидание поездки и, наконец, осуществившаяся мечта превратили меня в золову арфу, повинующуюся едва уловимым шелестам и ароматам.

В закатном воздухе имение светится, как хрусталь.

Со склона виден лес, будто краской распалённый по краешку неба. Струйки хозяйственных костров, а сверху жемчужная дымка.

Деревянное село. Петух, как сельская сорока, выдал наше появление криком.

Снова тишина. Резные листики шелестят, соприкасаясь острыми краями. И никакой музыки не подобрать, никакой музыки и не надо.

Сказочный пруд под белоснежным мостиком. Склонись – увидишь своё загадочное отражение, чуждое предубеждений. Водоросли вьются у моего отражения там, где у меня локоны. Вот-вот оно сорвётся и побежит по ветвям ив. А золотая рыбка и правда живёт там. Рябится пруд золотым свечением.

Во Львовке посажены четыре сосны в честь четырёх детей великого поэта. Я стояла в центре круга, смотрела на синь сквозь иголки. И кружилась голова как после хоровода.

У меня на память четыре шишки с тех сосен.

Безмолвное любование не под силу мне. Тишина не моя стихия. Эта неуёмность выплескивается творениями. Искусство – попытка поделиться прочувствованным.

В газете хранятся листья из Пушкинского имения – болдинское многоцветье. Тонкие хрупкие листочки застыли в неподвижном восторге. Среди них и те багряные, которые заманили меня свечением под яблони, к самому краешку пруда.

Листочки в газетах ждут себе применения, хранятся задумкой, жаждущей воплощения. Не знаю, суждено ли им когда-то красоваться в рамке под стеклом. И эта задумка, как и наша обыденная действительность, ищет реализации. Эти невоплощённая фантазия и невысказанный восторг хранятся сырым материалом засохших листьев. Так всегда.

Нас провожала собака с печальными глазами. Она до последней минуты стояла у автобуса, пока он не тронулся.

У мостика над прудом собирала огненные звёзды клёнов. Багряный выюн увлёк меня под кустарник. Хрустнуло под ногой. Запахло яблоком. Чудеса! Маленькие пёстрые яблоки в крапинках грязи. Сказочная находка!

Я ела яблоки в Пушкинском саду!!! Я ела яблоки с яблони поэта! Вы верите?

Осенний вкус: переспевшие, едва сохранившие сладость, хрустящие. Я ела яблоки в Пушкинском саду... Набрала их в руки. Холодные — руки стыли... Положила их на белоснежную ограду церкви Успения Божьей матери как своё водношение, пожертвование, дар в благодарность за праздничное пятое октября.

Бродила бы так долго-долго по имению. Но пришёл дворник, потом работники музея закрыли ставни. Пора...

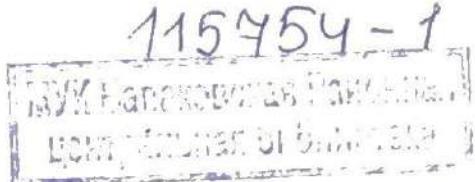
Так, наверное, уезжал и Пушкин. Вполне вероятно, что я почувствовала то же, что и поэт, покидая имение.

Закат. Благодарность. Необъяснимая грусть. Расставание. И калитка, закрывшаяся за мной.

Состав жюри

Областного поэтического конкурса-турнира самодеятельных поэтов и прозаиков «Мой Пушкин», посвящённого 210-й годовщине со дня рождения А.С. Пушкина

Масян Владимир Васильевич	прозаик, секретарь Союза писателей России, председатель правления Саратовского регионального отделения Союза писателей России, лауреат литературной премии Саратовской области им. М.Н. Алексеева, заслуженный работник культуры РФ, председатель жюри;
Азанов Владимир Иванович	литературный критик, член Союза писателей России, кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры РФ, заместитель председателя жюри;
Балабанова Валентина Ивановна	заведующая сектором театрального творчества Саратовского областного центра народного творчества, заслуженный работник культуры РФ, секретарь жюри;
Члены жюри	
Малохаткин Иван Иванович	поэт, член Союза писателей России, лауреат литературной премии Саратовской области им. М.Н. Алексеева, заслуженный работник культуры РФ;
Пырков Иван Владимирович	поэт, член Союза писателей России, кандидат филологических наук.

Содержание

Иван Пырков			
На улице Пушкина	3	Галина Кочегарова	112
Владимир Азанов		Татьяна Кузнецова	113
«Любовию народа полномочный...»	8	Сергей Кузнецов	113
Валерий Агапов		Лидия Крухмалёва	114
Людмила Азова	13	Татьяна Куррова	116
Венера Бакаева	15	Егор Кучугура	120
Мелина Балугян	17	Вера Ларина	121
Светлана Барбье	20	Валерий Логашов	122
Елена Баринова	23	Надежда Лямина	124
Елена Белолипцева	25	Денис Маркелов	125
Алевтина Белова	27	Анна Мерзликина	130
Ксения Белова	29	Владимир Молотков	132
Татьяна Белокобыльская	30	Наталья Молоткова	135
Елена Борзых	30	Анна Морковина	136
Татьяна Борисова	31	Татьяна Мухаметшина	137
Рада Бритвина	33	Галина Никитина	139
Татьяна Буткова	34	Елена Никишина	141
Анастасия Бутова	35	Анна Носова	141
Елена Быкова	40	Алексей Овчинников	143
Александр Васильев	48	Ольга Орлова	144
Юлия Веденеева	49	Александр Перепёлкин	144
Татьяна Власова	49	Наталья Песчанская	146
Наталья Ворожейкина	50	Анна Подгорнова	147
Дарья Гераськина	51	Иван Попков	148
Вера Главко	53	Виктор Попов	149
Дмитрий Голод	54	Светлана Попова	151
Наталья Горобцова	58	Елена Потапова	152
Юлия Горская	61	Татьяна Потапова	153
Александр Дивеев	64	Роман Прудников	154
Марина Ежова	65	Татьяна Прядихина	155
Эдуард Елшанский	68	Василий Реснянский	155
Николай Еремеев	76	Никита Рубцов	156
Светлана Ермакова	76	Ольга Рыгалова	157
Кристина Еремкина	78	Валерий Савин	157
Александр Ерохин	81	Дмитрий Савинов	160
Любовь Жиздюк	82	Александр Седов	161
Владимир Забрудский	84	Виктор Семев	165
Татьяна Заварзина	85	Сергей Сидорин	167
Нина Зверева	87	Лариса Силинская	168
Диана Золотова	89	Зинаида Силкина	170
Нина Иванова	91	Татьяна Слепова	176
Лина Игнатьева	92	Юрий Смирнов	181
Татьяна Илясова	93	Елена Старовойт	182
Людмила Ильина	93	Валентина Суханова	182
Нина Исакова	94	Мендыбай Тиагалиев	184
Елена Калякина	94	Ирина Удачина	184
Владимир Карабанов	96	Владимир Удалов	186
Ольга Каргина	97	Игорь Филиппов	187
Лидия Касаева	99	Галина Черябrikova	188
Александр Кобылинский	100	Нина Шиняева	192
Татьяна Коновалова	101	Эльвира Янмухаметова	193
Галина Кордюкова	103		

Методическое издание

**ВЕНОК ПУШКИНУ
СТИХИ, ЭССЕ, ОЧЕРКИ, РАССКАЗЫ**

Редакторы-составители:

В. Азанов

И. Пырков

Корректор: В. Азанов

Подписано в печать 05.05.2009.
Формат 60x84. 1/16. Усл. п. л. 11,63.
Тираж 500 экз. Заказ № 477.

Отпечатано в типографии «Новый ветер»
410012, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 113.
тел. (8452) 52-19-80, 27-77-48

40p

